

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CIVIL LAW RESEARCHES

2025 • Volume 7

YEARLY PERIODICAL SCIENTIFIC JOURNAL

Editor-in-Chief:

KUZNETSOVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Dean of the Law Faculty for Scientific Work, Perm State University (Perm, Russia)

Editorial Staff:

BERND WIESER – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean of the Law Faculty, Head of the Department of Public Law and Political Science, Karl-Franz University of Graz (Graz, Austria)

CLIVE SEALEY – PhD Social Policy, University of Birmingham, Senior Lecturer in Social Policy and Theory, University of Worcester (Worcester, Great Britain)

HUBERTUS GERSDORF – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of State and Administrative Law, Media Law, University of Leipzig (Leipzig, Germany)

SAMUEL D. BERNAL – PhD (University of Chicago, USA), Doctor of Juridical Sciences (Loyola University San Fernando, Los Angeles, USA), Honorary Professor of medicine of California University (San Fernando, USA), Honorary Doctor of California University (Los Angeles, California, USA), Professor of Business Management of Asian Institute of Management, Manila, Philippines, licensed lawyer (admitted in California and federal US courts)

TURLUKOWSKI JAROSLAW – Assistant professor at the Institute of Civil Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw, Head of the Center for Research on the Law of Eastern Europe and Central Asia at the Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

WANG ZHI HUA – Doctor of Juridical Sciences, Professor of China University of Political Science and Law (Beijing, China)

GABOV A.V. – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

GOLUBTSOV V.G. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (Perm, Russia)

GONGALO B.M. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia)

VAVILIN Y.V. – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

VALEEV D.KH. – Doctor of Juridical Sciences, Vice Dean of the Law Faculty of the Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

ZAITSEV V.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

SEROVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Vice-rector for Academic and International Activities, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University (Pskov, Russia)

The journal is published 1 time a year (annual)

The journal is published one time a year (annual) Reprint and republication of all the materials of the Methodological Problems of the Civil Law Researches Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory. The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The opinions expressed in the publications refer to the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they represent.

ISSN 2619-0559 (print publication)

ISSN 2658-5863 (web publication)

Reg. No.: PI No. FS77-73465

(registered by Roskomnadzor on August 17, 2018)

Founder: O.A. Kuznetsova

Editors office: 614068, Russia, Perm, Bukireva st., 15, Bldg. 9, Office 30-a.

Phone: +7 (3422) 396-275; e-mail: metodology59@mail.ru,

www.metodol59.ru

Publisher: LLC «Publishing House «Statut»

119454, Russia, Moscow, Lobachevskogo st., 92, Bldg. 2

Phone: +7 (495) 649-18-06, e-mail: market@estatut.ru,

www.estatut.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2025 • Выпуск 7

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

Главный редактор:

КУЗНЕЦОВА О.А. – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета по научной работе Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия)

Редакционная коллегия:

ГАБОВ А.В. – доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

ГОЛУБЦОВ В.Г. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия)

ГОНГАЛО Б.М. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург, Россия)

ВАВИЛИН Е.В. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

ВАЛЕЕВ Д.Х. – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия)

ЗАЙЦЕВ В.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

СЕРОВА О.А. – доктор юридических наук, заместитель проректора по учебной работе и международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)

ВИЗЕР БЕРНД – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права и политологии Грацского университета имени Карла и Франца (г. Грац, Австрия)

КЛАЙВ СИЛИ – кандидат социологических наук, преподаватель социальной политики и теории Вустерского университета (г. Вустер, Великобритания)

ГЕРСДОРФ ГУБЕРТУС – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права, права о средствах массовой информации юридического факультета Лейпцигского университета (г. Лейпциг, Германия)

САМУЭЛЬ Д. БЁРНАЛ – доктор философии Чикагского университета (г. Чикаго, США), доктор юридических наук Университета Лойолы Мэримаунт (г. Лос-Анджелес, штат Калифорния, США), почетный профессор медицины Калифорнийского университета (г. Сан-Фернандо, США), заслуженный доктор Калифорнийского университета (г. Лос-Анджелес, штат Калифорния, США), профессор делового менеджмента Азиатского института менеджмента (г. Манила, Филиппины), лицензированный адвокат (штат Калифорния и федеральные суды США)

ЯРОСЛАВ ТУРЛУКОВСКИЙ – профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша)

ВАН ЧЖИХУА – доктор юридических наук, профессор Китайского университета политологии и юриспруденции (г. Пекин, Китай)

Журнал выходит один раз в год (ежегодник)

Перепечатка материалов из журнала «Методологические проблемы цивилистических исследований» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказанные в публикациях авторами, необязательно отражают официальную точку зрения.

ISSN 2619-0559 (печатное издание)

ISSN 2658-5863 (сетевое издание)

Рег. номер: серия ПИ № ФС77-73465

(зарегистрирован Роскомнадзором 17 августа 2018 г.)

Учредитель: О.А. Кузнецова

Редакция: 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корп. 9, каб. 30-а.

Тел. +7 (3422) 396-275; e-mail: metodology59@mail.ru

www.metodol59.ru

Издатель: ООО «Издательство «Статут»

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92. корп. 2

Тел. +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru

www.estatut.ru

CONTENTS

FORMATION OF RESEARCH COMPETENCIES IN CIVIL LAW AND CERTIFICATION OF SCIENTIFIC PERSONNEL

Bogdan V.V. (Russia)

Negative Review of a Dissertation and Abstract.....9

Kuznetsova O.A., Golubtsov V.G. (Russia)

The Structure of a Civil Dissertation Through the Prism
of Dialectical and Formal Logic.....26

Leskova Y.G. (Russia)

On the Issue of Improving the System of Independent Awarding
of Academic Degrees by Organizations in the Russian Federation40

Morozov S.Yu. (Russia)

Suggestions to Improve the Procedure for Awarding Academic
Degrees58

GENERAL THEORETICAL ISSUES OF CIVIL METHODOLOGY

Kamyshansky V.P. (Russia)

The Development of E.V. Vaskovsky's Teachings is the Future
of Civilistic Methodology.....70

Suslova S.I. (Russia)

Methodology of Studying the Principles of Comprehensive Branches
of Legislation.....87

Podrabinok M.I. (Russia)

Methodology of Private Law Research: Chimeras of Standards
of Good Faith Behavior106

METHODS OF CIVILISTIC RESEARCH

Ananyeva A.A., Bazhina M.A. (Russia)

Methodological Basis of Dissertation Researches Dedicated to Legal
Regulation of Transport Relations..... 120

Belyaeva O.A. (Russia)

Methodology of Researching the Procurement Contracting 139

METHODOLOGY OF RESEARCHING CERTAIN CIVIL LAW PROBLEMS

Barkov A.V., Grishina Ya.S. (Russia)

Private-Law Methodology for Solving the Problem of Social
Support for the “Common-Law” Spouses of Deceased Participants
of Military Operations 166

Komissarova E.G. (Russia)

Regulatory Standards in the Regulations on the Child’s Origin:
Methodological View 188

Podrabinok E.M., Vinokurova A.A. (Russia)

Modern Interdisciplinary Research on Personal Non-Property
Relations 206

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Богдан В.В. (Россия)

Отрицательный отзыв на диссертацию и автореферат9

Кузнецова О.А., Голубцов В.Г. (Россия)

Структура цивилистической диссертации через призму
диалектической и формальной логики26

Лескова Ю.Г. (Россия)

К вопросу о совершенствовании системы самостоятельного
присуждения организациями ученых степеней в Российской
Федерации40

Морозов С.Ю. (Россия)

Предложения по совершенствованию порядка присуждения
ученых степеней58

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Камышанский В.П. (Россия)

За развитием учения Е.В. Васьковского — будущее
цивилистической методологии70

Суслова С.И. (Россия)

Методология исследования принципов комплексных
отраслей законодательства87

Подрабинок М.И. (Россия)

Методология частноправовых исследований:
химеры стандартов добросовестного поведения 106

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ананьева А.А., Бажина М.А. (Россия)

Методологическая основа диссертационных исследований,
посвященных правовому регулированию транспортных
отношений 120

Беляева О.А. (Россия)

Методология исследования алгоритма закупочной
контракции 139

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Барков А.В., Гришина Я.С. (Россия)

Частноправовая методология решения проблемы социальной
поддержки «фактических» супругов погибших участников
военных действий 166

Комиссарова Е.Г. (Россия)

Нормативные стандарты в нормах о происхождении ребенка:
методологический взгляд..... 188

Подрабинок Е.М., Винокурова А.А. (Россия)

Современные междисциплинарные исследования личных
неимущественных отношений 206

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

УДК 347



DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2025-7-7-9-25>

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ И АВТОРЕФЕРАТ

В.В. Богдан¹

Юго-Западный государственный университет,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: kurskpravo@yandex.ru

Введение: отрицательный отзыв на диссертацию и автореферат представляет собой разновидность научной критики, которая в большинстве случаев негативно воспринимается научной общественностью. Право на подачу отрицательного отзыва участниками процедуры защиты диссертационной работы и иными лицами предусмотрено Положением о присуждении ученых степеней без предъявления каких-либо обязательных требований к его содержанию. Вместе с тем содержащиеся в нем сведения в ряде случаев могут порочить честь, достоинство и деловую репутацию соискателя. Однако суды при рассмотрении споров основываются на общих представлениях о праве граждан на выражение собственного мнения, что, по сути, лишает соискателя возможности защитить

¹ Работа © Богдан В.В. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

свои права соответствующими гражданско-правовыми средствами.

Цель: выявление проблем, связанных с предоставлением отрицательных отзывов на диссертацию и автореферат, и оценка перспектив судебной защиты прав соискателей. **Методы:** при написании статьи использовались общенаучный (диалектический) метод, анализ, логический, формально-юридический. **Результаты:** 1) право на дачу отрицательного отзыва на диссертацию и автореферат предоставлено любому физическому и/или юридическому лицу без каких-либо ограничений, требований к квалификации, опыту работы, научному заделу по теме диссертации и т.д.; 2) поскольку отрицательный отзыв предоставляется в рамках процедуры защиты диссертации, суды имеют возможность оценивать его содержание только через требование о защите чести, достоинства и деловой репутации; 3) мизерная судебная практика по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, в связи с содержанием в отзыве сведений о некорректных заимствованиях (плагиате), противоречива, что заведомо ставит соискателя ученой степени в невыгодное положение с точки зрения возможности защиты своих прав.

Ключевые слова: отзыв на диссертацию; отрицательный отзыв; плагиат; защита чести и достоинства; судебная защита.

NEGATIVE REVIEW OF A DISSERTATION AND ABSTRACT

V.V. Bogdan

Southwest State University,
Belgorod State University
E-mail: kurskpravo@yandex.ru

Introduction: A negative review of a dissertation and abstract is a type of scientific criticism, which in most cases is negatively perceived by the scientific community. The right to submit a negative review by participants in the dissertation defense procedure and other persons is provided for by the Regulation on the award of academic degrees, without any mandatory requirements for its content. At the same time, the information contained in it in some cases may discredit the honor, dignity and business reputation of the applicant. However, when considering disputes, the courts rely on general ideas about the right of citizens to express their own opinion, which, in fact, deprives the applicant of the opportunity to protect their rights by appropriate civil law means. **Objective:** to identify problems associated with the provision of negative reviews of a dissertation and abstract, and to assess the prospects for judicial protection of the rights of applicants. **Methods:** the general scientific (dialectical) method, analysis, logical,

*and formal-legal methods were used in writing the article. **Results:** 1) the right to give a negative review of the dissertation and abstract is granted to any individual and/or legal entity without any restrictions, requirements for qualifications, work experience, scientific background on the topic of the dissertation, etc.; 2) since a negative review is provided as part of the dissertation defense procedure, the courts have the opportunity to evaluate its content only through the requirement to protect honor, dignity, and business reputation; 3) the scanty judicial practice in cases of protection of honor, dignity, and business reputation in connection with the content of information about incorrect borrowings (plagiarism) in the review is contradictory, which obviously puts the applicant for an academic degree at a disadvantage in terms of the possibility of protecting his or her rights.*

Keywords: review of a dissertation; negative review; plagiarism; protection of honor and dignity; judicial protection.

Введение

Научная дискуссия как неотъемлемый элемент развития научного знания не имеет нормативного определения. Ее существование не нуждается в легитимации: облекать в правовые рамки поиск истины бессмысленно. Особенности научной дискуссии «проявляются в ее предназначении: это не просто поиск истины, но и приращение новых знаний, а также применение научных методов и соответствие критериям научности», а ее сущность «раскрывается в познавательном (создание единого непротиворечивого текста) и состязательном (участники научной дискуссии стремятся отстоять и подтвердить собственную позицию) аспектах» [3, с. 44]. В основе научной дискуссии лежит научная критика, без которой «не существует проверки и подтверждения научных построений, невозможно научное развитие», но «другой вопрос, что критика и в целом научное дискутирование непременно должны быть фреймированы и “прошиты” императивами нравственно-этического порядка» [4, с. 74]. Вместе с тем этот процесс, в зависимости от конечной цели, не может существовать без определенных правовых границ, весьма условных с точки зрения науки, но вполне конкретных для нормативного обеспечения представления научной критики.

Согласно п. 30 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 16.10.2024; далее — Положение о присуждении ученой степени¹), публичная защита диссертации должна носить харак-

¹ Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. 3). Ст. 5074.

тер научной дискуссии и проходить в обстановке требовательности, принципиальности и соблюдения научной этики, при этом анализу должны подвергаться достоверность и обоснованность всех выводов и рекомендаций научного и практического характера, содержащихся в диссертации. Обстановка научной дискуссии в процессе публичной защиты обеспечивается в том числе предоставляемыми отзывами на диссертационную работу соискателя ученой степени.

Отзывы на диссертацию и автореферат: субъекты, порядок предоставления, содержание

Объективная оценка диссертационной работы обеспечивается комплексным и непредвзятым отношением научной общественности к полученным результатам исследования, находящим свое выражение как в официальных документах (отзывах на диссертацию и автореферат), направляемых в совет по защите на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее — диссертационный совет), так и в виде публикаций в различных источниках, в том числе в сети Интернет.

Отзыв на диссертационную работу — один из необходимых элементов обеспечения процедуры защиты диссертационной работы в соответствии с Положением о присуждении ученой степени, устанавливающим статус лиц, дающих отзыв в обязательном и добровольном порядках, сроки его предоставления и последствия их несоблюдения. Оценка результатов диссертационного исследования со стороны научного сообщества, наряду с обязательными требованиями, является научной традицией, основанной на принципах объективности, научности, принципиальности и требовательности.

Согласно Положению о присуждении ученой степени, отзывы на диссертационную работу соискателя ученой степени в обязательном порядке предоставляют научный руководитель (научный консультант) (п. 26), официальные оппоненты (п. 23), ведущая организация (п. 24). Нормативно определены и требования, предъявляемые к вышеперечисленным лицам.

В соответствии с п. 8 Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), утв. постановлением Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122¹ (далее — Положение о научном руководителе), научный руководитель аспиранта (адъюнкта)

¹ Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» // СЗ РФ. 2021. № 49 (ч. 2). Ст. 8308.

должен иметь ученую степень доктора наук, или в отдельных случаях по решению организации ученую степень кандидата наук, или ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации; осуществлять научную (научно-исследовательскую) деятельность (участвовать в осуществлении такой деятельности) по соответствующему направлению исследований в рамках научной специальности за последние 3 года; иметь публикации по результатам осуществления указанной научной (научно-исследовательской) деятельности в рецензируемых отечественных и (или) зарубежных научных журналах и изданиях; осуществлять апробацию результатов указанной научной (научно-исследовательской) деятельности, в том числе участвовать с докладами по тематике научной (научно-исследовательской) деятельности на российских и (или) международных конференциях, за последние 3 года.

Вместе с тем Положение о присуждении ученой степени не содержит специальных требований к научному руководителю/консультанту соискателя ученой степени. Такая ситуация вносит правовую неопределенность в статус научного руководителя/консультанта лица, представляющего диссертационную работу в совет. Так, исходя из содержания Положения о присуждении ученых степеней, Приказа Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»¹ (с изменениями и дополнениями, далее — Положение о диссодете), допускается возможность осуществления научного руководства диссертацией на соискание ученой степени кандидата наук без учета всех требований, которые предъявляются к нему постановлением о научном руководителе. Не регламентируется в том числе постановлением о научном руководителе и вопрос о научной специальности, по которой защитил свою диссертацию научный руководитель соискателя, вследствие чего вероятны ситуации предоставления отзывов научными руководителями, которые являются кандидатами/докторами наук по иным научным специальностям (например, доктор философских наук является руководителем соискателя ученой степени кандидата юридических наук). Диссертационный совет не вправе отказать по этому основанию в приеме диссертации к рассмотрению, равно как и в случае, если научный руководитель не будет соответствовать и иным критериям, установленным Положением о научном руководителе, поскольку

¹ Приказ Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093 (ред. от 14.12.2023) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». Зарегистрировано в Минюсте России 5 декабря 2017 г. № 49121 // СПС «КонсультантПлюс».

соискатель может представлять к защите диссертацию без обучения в аспирантуре (адъюнктуре). В результате может сложиться парадоксальная ситуация, при которой научный руководитель не является специалистом по соответствующему направлению исследования. В целях минимизации формального подхода к руководству написанием диссертации представляется целесообразным распространить требования Положения о научном руководителе на всех научных руководителей, под чьим руководством выполняются кандидатские диссертации.

Более строгие требования, в том числе прямые запреты, предъявляются Положением о присуждении ученых степеней к официальным оппонентам и ведущей организации.

Официальными оппонентами могут быть компетентные в соответствующей отрасли науки ученые, имеющие публикации в соответствующей сфере исследования (по диссертации на соискание ученой степени доктора наук — 3 оппонента; по диссертации на соискание ученой степени кандидата наук — 2, один из которых должен быть доктором наук либо иметь ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору наук в Российской Федерации, а другой — доктором наук или кандидатом наук либо иметь ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору или кандидату наук в Российской Федерации) (п. 22 Положения о порядке присуждения ученых степеней). Оппоненты должны являться работниками разных организаций в случае осуществления ими трудовой деятельности.

Запреты на оппонирование диссертаций установлены для следующих лиц:

- министра науки и высшего образования Российской Федерации;
- государственных (муниципальных) служащих, выполняющих работу, которая влечет за собой конфликт интересов, способных повлиять на принимаемые решения по вопросам государственной научной аттестации;
- членов Комиссии, членов экспертных советов, членов диссертационного совета, принявшего диссертацию к защите;
- научных руководителей (научных консультантов) соискателя ученой степени;
- соавторов соискателя ученой степени по опубликованным работам по теме диссертации;
- работников (в том числе работающих по совместительству) организаций, где выполнялась диссертация или работает соискатель ученой

степени, его научный руководитель или научный консультант, а также где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем).

В качестве ведущей может выступать организация, отвечающая следующим критериям:

- широко известна достижениями в соответствующей отрасли науки;
- способна определить научную и (или) практическую ценность диссертации.

Ведущей организацией не могут быть организации, в которых работают соискатель ученой степени, научные руководители (научные консультанты) соискателя ученой степени, а также организации, где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем) (п. 24 Положения о присуждении ученых степеней).

Компетентность оппонентов и ведущей организации, как правило, подтверждается наличием научных публикаций в ведущих рецензируемых научных изданиях по тематике исследования.

Каждый официальный оппонент и ведущая организация представляют письменный отзыв на диссертацию, в котором «оцениваются актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна, а также дается заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней» (для оппонентов, п. 23) и в котором «отражается значимость полученных автором диссертации результатов для развития соответствующей отрасли науки. В отзыве на диссертацию, имеющую прикладной характер, должны также содержаться конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов, приведенных в диссертации» (для ведущей организации, п. 24).

В процедурном и содержательном аспектах отзывы на диссертационную работу, представляемые в диссертационный совет, во многом предопределяют успешность защиты соискателя ученой степени. Нарушение сроков предоставления отзывов оппонентов и ведущей организации, их размещения (процедурный аспект) влечет за собой отмену решения диссертационного совета о присуждении ученой степени.

В отношении последствий содержательного наполнения отзыва ситуация может быть вариативной, учитывая, что в соответствии с п. 28 Положения о присуждении ученых степеней соискатель ученой степени имеет право на проведение защиты диссертации при наличии

отрицательных отзывов без каких-либо ограничений по их количеству. Отзывы, которые опубликованы в журналах, интернет-ресурсах и т.п. и не направлены в диссертационный совет, имеют нейтральное значение для процедуры защиты, однако в последующем могут послужить основанием для подачи в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Минобрнауки России) заявления о необоснованности присуждения диссертационным советом ученой степени кандидата наук (п. 41 Положения о присуждении ученой степени), апелляции (п. 54 Положения), заявления о лишении ученой степени (п. 66 Положения).

Все отзывы размещаются на сайте организации (ведущей организации и оппонентов – за 10 дней, все остальные – по мере их поступления до дня защиты диссертации), где остаются до принятия Минобрнауки России решения о выдаче диплома кандидата наук или доктора наук (п. 34 Положения о диссоте).

Градация отзывов на отрицательные и положительные условна. Положительным принято считать отзыв, в котором его автор дает заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением. Вместе с тем даже в положительном отзыве можно усмотреть негативную оценку (например, при наличии множественных замечаний как по тексту отзыва, так и/или адресованных непосредственно соискателю); однако при наличии общего положительного вывода такой отзыв отрицательным по смыслу Положения о присуждении ученой степени не является.

В научной литературе в целом мизерно количество исследований, посвященных, как представляется, одному из важнейших элементов обеспечения процедуры защиты диссертации – предоставлению отзывов.

Отрицательный отзыв: чистота науки или...

Отрицательный отзыв по диссертации – не рядовое явление в работе диссертационного совета, порождающее в большинстве случаев поиск причин его появления, оценки последствий для соискателя, способов нивелирования указанных в нем претензий к автору диссертации и/или диссертационному совету. Официальной статистики учета поступивших отрицательных отзывов на диссертации не ведется. Соискатель ученой степени имеет право на проведение защиты диссертации при наличии отрицательных отзывов (п. 28 Положения о порядке присуждения ученых степеней). Согласно Положению о диссоте поступившие на диссертацию или автореферат отрицательные отзывы зачитываются полностью (п. 38), в то время как при отсутствии оп-

понента, давшего на диссертацию отрицательный отзыв, заседание диссертационного совета переносится на срок не более 6 месяцев (п. 30 Положения).

Влияние отрицательных отзывов на результат защиты не предопределено. Диссертационный совет может принять положительное решение и присудить искомую ученую степень. Другой вопрос — это мотивы автора отрицательного отзыва, который направляет его в диссертационный совет. Конечно, направление отрицательного отзыва может быть вызвано и принципиальной научной позицией автора отзыва в отношении темы и содержания диссертационного исследования. Но могут быть и иные побудительные причины, которые не имеют ничего общего с наукой.

Согласно Положению о диссоветах информация о материалах по защите, включая отзывы, с сайтов организации может быть удалена на основании п. 26 Положения, поэтому поиск на сайтах организаций отрицательных отзывов для оценки их влияния на результат защиты затруднен.

В информационно-телекоммуникационной сети в свободном доступе размещен отрицательный отзыв на диссертационную работу и автореферат на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук Е.М. Белорусской (автор отзыва — Е.В. Данилова, 2021 г.), в котором содержатся сведения о незаконных заимствованиях, а также о нарушениях Положения¹. Диссертация была снята с защиты, однако в протоколе о снятии причина не указана.

В журнале «Российский криминологический взгляд» было опубликовано выступление А.П. Кузнецова по докторской диссертации В.В. Сверчкова (научная специальность 12.00.08). В аннотации заявлено, что неофициальный оппонент дает «исключительно отрицательный отзыв по всем параметрам...» [1]. Отзыв не повлиял на результаты защиты, и в настоящее время А.П. Кузнецов и В.В. Сверчков являются членами одного диссертационного совета² 03.2.009.01, созданного на базе Нижегородской академии МВД России на основании приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. № 218/нк (в ред. приказов Минобрнауки России от 25 апреля 2023 г. № 897/нк, от 27 июня 2023 г. № 1364/нк). В 2011 г. в журнале «Юридические науки» был опубликован «крайне отрицательный отзыв о кандидатской диссертации Шабанова Павла Николаевича, написанной на тему “Независимость судей в россий-

¹ URL: <https://spbguvm.ru/белорусская-екатерина-михайловна/>

² URL: https://на.мвд.пф/Наука/Dissovery/Doktorskij_sovet_D_203.009.01/сведения-о-диссертационном-совете.

ском уголовном процессе: проблемы теории и практики» [2]. Весьма обширный отрицательный отзыв, содержащий в себе в том числе и указание на несоответствие работы паспорту специальности, на результат защиты не повлиял.

Давая отрицательный отзыв на диссертацию Д.А. Абросимова «Слияния (поглощения) как способ перехода корпоративного контроля»¹, его автор А.В. Лафуткин (ученой степени не имеет. — *Прим. автора*) прямо указал, что его отзыв отражает личное мнение автора отзыва и его оценочные суждения, но делает при этом вывод, что присуждение автору диссертации ученой степени по специальности 5.1.3 является преждевременным. Более категоричным в своих высказываниях был автор отрицательного отзыва на диссертацию Р.В. Халина «Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ, услуг по праву России, Англии и США: сравнительно-правовое исследование» магистр юриспруденции А.С. Кусков, указавший, что автор диссертации «не заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук».

Отрицательный отзыв на докторскую диссертацию М.Н. Урда, подготовленный «неофициальным оппонентом» доцентом А.И. Ситниковой², содержал в себе сведения о наличии плагиата в работе, а также ряд, по мнению автора отзыва, существенных недостатков.

В отношении двух последних указанных случаев предоставления отрицательных отзывов в диссертационный совет следует отметить, что их авторы не удовлетворились ответами, данными соискателями в процессе защиты диссертационной работы, и в последующем неоднократно обращались с жалобами на необоснованность присуждения ученой степени, что привело к затягиванию процесса выдачи диплома кандидата/доктора наук³.

¹ URL: <https://usla.ru/science/dissovet/info-dissert.php?dissovet=5&dissert=605&ann>.

² URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/Отзыв%20неофициального%20оппонента_Ситникова%20А.И.%20\(Урда%20М.Н.\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/Отзыв%20неофициального%20оппонента_Ситникова%20А.И.%20(Урда%20М.Н.).pdf). Следует сказать, что, обвиняя в незаконных заимствованиях, автор данного отрицательного отзыва указала в том числе, что соискатель «заимствовал» тексты нормативных актов. Очевидно, что такое «обвинение» исходит из неосведомленности автора отзыва о содержании ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, согласно которой не являются объектами авторских прав официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, в том числе законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы (п. 6).

³ Автор критически относится к возможности подачи заявлений в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации о необоснованности присуждения диссертационным советом ученой степени кандидата наук неограниченное количество раз. Складывается патовая ситуация и для экспертного совета, и для соискателя, при которой экспертный совет вынужден вносить в повестку на рассмотрение одно и то

Свобода выражать свое мнение, в том числе и по защищаемой диссертационной работе, базируясь на ст. 29 Конституции Российской Федерации, никак не ограничивается. Но возникает совершенно другой вопрос, если отрицательный отзыв содержит в себе сведения, не соответствующие действительности, в частности о некорректных заимствованиях (плагиате), что вполне может рассматриваться как сообщение о факте, порочащем честь и достоинство соискателя.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹ порочащими являются «сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» (п. 7). Необоснованное сообщение широкой научной общественности о наличии плагиата в диссертационной работе явно дискредитирует ученого, что дает последнему право обращения в суд за защитой чести и достоинства.

Дело «Лебедянцеv & Малинкин»

Весьма любопытная попытка защиты чести, достоинства и деловой репутации соискателя ученой степени по факту наличия в отрицательном отзыве сведений о незаконных заимствованиях была предпринята в 2021 г.

Решением Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 4 мая 2022 г. были частично удовлетворены требования М.В. Лебедянцева о признании распространенных ответчиком В.Б. Малинкиным све-

же заявление от одного лица. Бесконечная подача подобных заявлений от одного и того же лица приводит к затягиванию процедуры выдачи дипломов кандидата/доктора наук и, как следствие, подрыву доверия к государственной аттестации научных кадров. Учитывая, что мотивы подачи заявления о необоснованности присуждения ученой степени вполне могут быть направлены против личности соискателя и исходить из личной или иной неприязни, особенно в ситуации, когда этому заявлению предшествовал отрицательный отзыв, в целях пресечения возможных злоупотреблений полагаем разумным ограничить право на подачу такого заявления и дополнить п. 42 Положения о присуждении ученых степеней предложением следующего содержания: «Заявление может быть подано физическим или юридическим лицом только один раз».

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

дений об истце не соответствующими действительности, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию; обязанности ответчика опубликовать в научном журнале опровержение своего отзыва; взыскании компенсации морального вреда и астрента. Суд первой инстанции посчитал, что выражения, содержащиеся в отрицательном отзыве ответчика на диссертацию истца, в том числе следующие: «Л.М.В. совершено заимствование (многочисленное заимствование, воровство) чужого материала, не принадлежащего соискателю; материалы диссертации и автореферата основаны на подтасовке научных фактов; отсутствует личный вклад соискателя», не соответствуют действительности и порочат честь, достоинство и деловую репутацию истца. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 17 января 2023 г. решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 4 мая 2022 г. было отменено в части признания не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию истца, распространенных ответчиком в своем отзыве (с дополнением) на автореферат диссертации Л.М.В. некоторых выражений, а в остальной части оставил без изменений¹.

Решение суда первой инстанции и определение апелляционной инстанции были отменены кассационным судом, дело направлено на новое судебное рассмотрение. В частности, по существу спора суд кассационной инстанции указал на следующее²:

— суды нижестоящих инстанций не дали оценки доводам ответчика о реализации им своего права на подачу отзыва и высказывание своего мнения без намерения причинения вреда истцу;

— суд первой инстанции применил неправовое понятие «очевидность» применительно к признанию выражений, содержащихся в отрицательном отзыве (в частности, «заимствование (воровство)», «подтасовка научных фактов» и т.д.), не научной дискуссией, а распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, без ссылок на какие-либо правовые нормы, регулирующие порядок ведения научной дискуссии и учета предписаний п. 30 Положения о присуждении ученых степеней;

— суды не указали мотивов, почему приравняли уголовно наказуемое деяние по совершению кражи, хищения (в Уголовном кодексе РФ термин «воровство» не употребляется) к использованной ответчиком формулировке о заимствовании текста без ссылки на автора;

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2023 г. № 88-10409/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

— суд первой инстанции не привел мотивов, по которым отверг доводы ответчика о том, что спорные суждения являются аргументированным мнением, что доводы ответчика подтверждаются заключением эксперта; не провел анализ указанных суждений в общем контексте отрицательного отзыва на диссертацию, учитывая, что представление отрицательного отзыва является правом ответчика.

Оценивая судебный акт кассационной инстанции, отметим, что, как представляется, утверждение в отзыве о наличии плагиата, незаконных заимствований, тем более употребление слова «воровство» и иные подобные термины, является утверждением о факте, а не оценочным суждением (мнением, убеждением). Такое утверждение может быть проверено на предмет соответствия его действительности¹.

26 сентября 2024 г. Октябрьский районный суд г. Новосибирска отказал М.В. Лебедянцеву в удовлетворении исковых требований. В настоящее время на решение суда подана апелляционная жалоба. Однако принятое решение суда может иметь весьма неоднозначные последствия. Отказывая М.В. Лебедянцеву в удовлетворении исковых требований, суд со ссылками на Положение сделал вывод, что «наличие в каком-либо высказывании субъективной оценки само по себе не исключает присутствие в нем утверждений о факте. Из анализа отраженных В.Б. Малинкиным в отзыве оспариваемых истцом суждений следует, что последние изложены в контексте отрицательного отзыва на диссертацию в целом как научно-квалификационную работу, правом на предоставление которого наделен ответчик, и, по сути, являются квалифицированным мнением, отражающим субъективную точку зрения В.Б. Малинкина как ученого, который сам является доктором технических наук». В ходе рассмотрения дела была допрошена специалист Е.Е. Абрамкина, которая подтвердила обоснованность выводов, сделанных ею в ранее предоставленном заключении, указав, что изучала диссертацию и имеющиеся в ней ссылки, *некоторые из которых были оформлены ненадлежащим образом, подтвердив наличие у автора заимствование материала, который автору не принадлежит* (курсив мой. — В. Б.). Как следствие, этот вывод дает право любому лицу подать заявление в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации о лишении ученой степени М.В. Лебедянцева.

В этот раз суд не принял во внимание заключение судебной экспертизы, в котором было указано, что оспариваемые истцом суждения ответчика, отраженные в отзыве последнего, являются утверждением

¹ См., например: Решение Ногинского городского суда Московской области от 10 ноября 2011 г. по делу № 2-4617/2011 ~ М-4064/2011. URL: <https://actofact.ru/case-50RS0030-2-4617-2011-m-4064-2011-2011-07-21-0-0/>.

о фактах, критически отнесся к выводам, в нем содержащихся, ввиду отсутствия подписки об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ. Суд первой инстанции указал, что наличие отрицательных суждений, содержащихся в отзыве В.Б. Малинкина, само по себе не свидетельствует об их порочном характере, а наличие отрицательного отзыва не лишило истца права защиты диссертации и присвоения ему ученой степени кандидата наук.

В процессе поиска информации по делу был обнаружен интересный факт: дело «Лебедянцев & Малинкин» является спором, имеющим длительную историю. Согласно сведениям сайта Октябрьского районного суда г. Новосибирска, стороны находятся в конфликте, возникшем в связи с имеющимися противоречиями между отцом М.В. Лебедянцева В.В. Лебедянцевым и В.Б. Малинкиным¹ еще с середины 1990-х гг.

Выводы

Научный дискурс, отображаемый в предоставляемых отзывах на диссертацию и автореферат, несмотря на формальность процедуры, не может избежать человеческого фактора. Несмотря на законность и неоспоримость возможности дачи отрицательного отзыва на диссертацию и автореферат, его содержание должно отвечать нормам научной этики и корректности высказываний. Сведения о незаконных заимствованиях не должны оформляться с использованием слов и выражений, которые явно дискредитируют соискателя и создают невидимый шлейф порока в его обыденном понимании. Перспективы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации в связи с подобными

¹ Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 14 ноября 2013 г. по делу № 2-2912/2013 ~ М-2284/2013 (О защите чести, достоинства, деловой репутации, истец Лебедянцев Валерий Васильевич, ответчики «Вестник ТГТУ», Малинкин Виталий Борисович, Пальчун Юрий Анатольевич, Сидорчук Маргарита Владимировна); Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 5 августа 2014 г. по делу № 2-1309/2014 ~ М-731/2014 (О защите интеллектуальной собственности, истец Лебедянцев Валерий Васильевич, ответчики Малинкин Виталий Борисович, Пальчун Юрий Анатольевич, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»); Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 19 мая 2016 г. по делу № 2-1775/2016 ~ М-526/2016 (О защите чести, достоинства, деловой репутации, истец Малинкин Виталий Борисович, Пальчун Юрий Анатольевич, ответчики Иванов Вячеслав Ильич, Лебедянцев Валерий Васильевич); Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 5 июня 2018 г. по делу № 2-1316/2018 ~ М-6085/2017 (О защите интеллектуальной собственности, истец Лебедянцев Валерий Васильевич, ответчик Малинкин Виталий Борисович); Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 29 сентября 2021 г. по делу № 2-4693/2021 ~ М-3088/2021 (О защите интеллектуальных прав, истец Малинкин Виталий Борисович, ответчик Лебедянцев Валерий Васильевич) // СПС «КонсультантПлюс».

обвинениями пока весьма туманны, что создает у отдельных авторов отрицательных отзывов, по сути обвиняющих соискателей в незаконных заимствованиях, иллюзию вседозволенности, опирающейся на право свободного высказывания своего мнения.

Библиографический список

1. Выступление неофициального оппонента доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ Кузнецова А.П. на защите диссертации Сверчкова Владимира Викторовича «Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1. С. 433–444.

2. Кирланов Т.Г. Крайне отрицательный отзыв о кандидатской диссертации Шабанова Павла Николаевича, написанной на тему «Независимость судей в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики» // Юридические науки. 2011. № 6. С. 66–72.

3. Крысова Е.В. Природа научной дискуссии и полемики в свете философии науки // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1 (93). С. 43–46.

4. Понкин И.В., Лантева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики // Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2023. Т. 2: Научные исследования. 640 с.

References

1. *Vystuplenie neoficial'nogo opponenta doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF, zasluzhennogo yurista RF Kuznecova A.P. na zashchite dissertatsii Sverchkova Vladimira Viktorovicha «Konceptual'nye osnovy resheniya problem osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti», predstavlennoj na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk po special'nosti 12.00.08 — ugovnoe pravo i kriminologiya; ugovno-ispolnitel'noe pravo* [Speech by an Unofficial Opponent, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation Kuznetsov A.P. at the Defense of the Dissertation of Sverchkov Vladimir Viktorovich «Conceptual Foundations for Solving the Problems of Exemption from Criminal Liability», Submitted for the Academic Degree of Doctor of Law in the Specialty 12.00.08 — Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law]. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad* — Russian criminological view. 2010. Issue 1. Pp. 433–444. (In Russ.)

2. Kirlanov T.G. *Krajne otricatel'nyj отзыv o kandidatskoj dissertacii Shabanova Pavla Nikolaevicha, napisannoj na temu: «Nezavisimost' sudej v rossijskom ugovnom processe: problemy teorii i praktiki»* [Extremely Negative Review of the Candidate's Dissertation of Shabanov Pavel Nikolaevich, Written on the Topic: «Independence of Judges in Russian Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice»]. *Yuridicheskie nauki – Legal Sciences*. 2011. Issue 6. Pp. 66–72. (In Russ.)

3. Krysova E.V. *Priroda nauchnoj diskussii i polemiki v svete filosofii nauki* [The Nature of Scientific Discussion and Polemics in Light of the Philosophy of Science]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 2022. Issue 1 (93). Pp. 43–46. (In Russ.)

4. Ponkin I.V., Lapteva A.I. *Metodologiya nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki // Konsorcium «Analitika. Pravo. Cifra»* [Methodology of Scientific Research and Applied Analytics // Consortium «Analytics. Law. Digital»]. Moscow, 2023. Vol. 2: Scientific Research. 640 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В.В. Богдан

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права,
директор правового центра
Юго-Западный государственный университет,
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
Профессор кафедры гражданского права и процесса
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85.
ORCID: 0000-0001-9686-4687.
Researcher ID: B-4785-2016.

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.

DOI: 10.1007/978-3-030-47945-9_127.

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11500.

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.12.12350.

DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.

DOI: 10.14419/ijet.v7i4.38.24453.

Information about the author:**V.V. Bogdan**

Southwest State University,
94, 50 Let Oktyabrya st., Kursk, 305040, Russia.

Belgorod State University,
85, Pobedy st., Belgorod, 308015, Russia.

ORCID: 0000-0001-9686-4687.

Researcher ID: B-4785-2016.

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.

DOI: 10.1007/978-3-030-47945-9_127.

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11500.

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.12.12350.

DOI: 10.14704/WEB/V18SI04/WEB18174.

DOI: 10.14419/ijet.v7i4.38.24453.

СТРУКТУРА ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

О.А. Кузнецова¹

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермский институт ФСИН России
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

В.Г. Голубцов

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Введение: статья посвящена проблемам структурирования диссертаций по частноправовым наукам, вызванным нарушением правил и требований диалектической и формальной логики. **Цель статьи:** показать наиболее распространенные и типичные ошибки диссертантов при построении структур (оглавлений) диссертаций и предложить пути их устранения. **Методы:** при написании статьи использовались общенаучные методы диалектической и формальной логики, в том числе применялись парные категории «общее — частное», «целое — часть» в их соотношении и влиянии на формирование структур научных работ. **Результаты:** на основе анализа оглавлений диссертационных работ показаны и сгруппированы структурные ошибки: части диссертации превышают целое (диссертацию) либо в целом (диссертации) не учтены все его части, общее (диссертация) содержит «инородную часть», нарушение структурной иерархии частей целого. Структуры цивилистических диссертаций и других структурированных научных работ должны учитывать диалектическое и формально-логическое соотношение части (частного) и целого (общего). Структурные части диссертации должны строго коррелировать с ее задачами.

¹ Работа © Кузнецова О.А., Голубцов В.Г. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Ключевые слова: *цивилистические диссертации; структура диссертации; структура научной работы; «общее» и «частное» в структурах диссертаций; «целое» и «часть» в структурах цивилистических диссертаций; цивилистическая методология; методика научной работы.*

THE STRUCTURE OF A CIVIL DISSERTATION THROUGH THE PRISM OF DIALECTICAL AND FORMAL LOGIC

O.A. Kuznetsova

Perm State University,

Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

V.G. Golubtsov

Perm State University

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Introduction: *The article is devoted to the problems of structuring dissertations in private law sciences, which are caused by infringement of rules and requirements of dialectical and formal logic. **The purpose of the article** is to show the most common and typical mistakes of the authors in developing structures (tables of contents) of dissertations, and propose ways to eliminate these mistakes. **Methods:** For preparing the article, general scientific methods of dialectical and formal logic were used, including the paired categories of “the general and the particular”, “the whole and the parts” in their relationship, and their influence on the scientific paper structures formation was demonstrated. **Results:** based on the analysis of the tables of contents of dissertations, structural errors are shown and grouped: parts of the dissertation exceed the whole (the dissertation), or the whole (the dissertation) does not account for all parts thereof, the whole (the dissertation) contains an “alien part”, the structural hierarchy of the parts of the whole is broken. The structures of civil dissertations and other structured scientific papers should take into account the dialectical and formal-logical relationship of the part (the particular) and the whole (the general). The structural parts of the dissertation should strictly correlate with its objectives.*

Keywords: *civil dissertations; the structure of the dissertation; the structure of the scientific work; “the general and the particular” in the structures of dissertations; “the whole and the parts” in the structures of civil dissertations; civil methodology; methodology of scientific work*

Введение

Структура любой диссертации по праву основана на соотношении общих (целых), особенных и частных элементов (предметов исследования), которое может быть представлено следующим образом: диссертация в целом — раздел — глава — параграф — подпараграф. При этом диалектика общего и частного представляет собой один из сложных философских вопросов, в том числе применительно и к юридической науке [11; 14; 15]. Заметим также, что «эти категории имеют не только гносеологическое, но и онтологическое значение, т.е. не просто артикулируются и используются в познавательной деятельности, но и отражают соответствующие стороны и аспекты действительности» [9, с. 115].

Из философских словарей мы можем узнать, что общее — это всеобщее, принцип бытия всех единичных вещей, явлений, процессов; закономерная форма их взаимосвязи в составе целого; выражает определенное свойство или отношение, характерные для данного класса предметов, событий, а также закон существования и развития всех единичных форм бытия материальных и духовных явлений; как сходство признаков вещей общее доступно непосредственному восприятию; будучи закономерностью, оно отражается в форме понятий и теорий; отдельные, единичные явления связаны между собой, взаимодействуют, взаимозависимы и обуславливают друг друга: они имеют (*и не могут не иметь*) нечто соизмеримое, общее [13, с. 601].

Общее определяется также как «сходное, отвлеченное от единичных и особенных явлений свойство, признак, на основании которого предметы и явления объединяются в тот или иной класс, вид или род» [1]. Важно и то, что общее «касается широкой совокупности (рода) или большинства ее элементов. Противостоит особенному (касающемуся менее широкой совокупности — виду), частному (относящемуся лишь к части совокупности)» [7, с. 578].

Понятие общего шире, чем частного, оно недифференцировано, но всегда включено в частное. Частное, наоборот, дифференцировано, насыщено деталями, спецификой, особенностями, однако оно не теряет «вкуса» общего. Если диссертацию представить как научный «пирог», то ни его $\frac{1}{4}$, ни его $\frac{1}{8}$ или иные части не должны отличаться по «вкусу» от диссертации в целом. При этом заметим, что для структуры конкретной диссертации ее тема (название) выступает как самое общее, но является частью всей предметной области научного исследования, например частноправовой науки. Но, подчеркнем, для единичного исследования тема диссертации должна быть самым «общим явлением» в диссертации. Частное детализирует общее, общее своей природой и сущностью объединяет частности.

Какое все это имеет отношение к построению структур цивилистических диссертаций?

Основной контент

К сожалению, вопрос структурирования диссертаций пока не стал предметом пристального методологического и методического анализа. Но в литературе имеется информация о требованиях к названиям и структурам научных статей: «Название статьи отражает содержание последующего текста, тематику и результаты проведенного исследования. Название статьи кратко и точно суммирует исследование. Ряд авторов считает, что название с использованием ключевых слов включает цель и средства достижения этой цели. В название автор вкладывает информативность, привлекательность и уникальность своего творчества. Однако не следует только названием привлекать внимание, нужно избегать слов, вводящих в заблуждение, не создавать сенсации и иллюзии. В названии не применяют слово “исследование”. Объем понятия, заключенного в название статьи, должен в точности совпадать с объемом понятия последующего статейного материала» [6, с. 196]. Эти выводы применимы и к диссертационным исследованиям.

Принцип соотношения общего и частного хорошо виден в матрешке: все последующие матрешки меньше предыдущих по размеру, однако вбирают в себя и отражают суть, материал и форму самой большой матрешки.

Структура диссертации строится таким образом, что каждая последующая часть (диссертация — глава — параграф) меньше по предмету исследования, однако она не должна терять основной предмет (диссертацию) и тем более предмет научной специальности (частноправовые науки).

Другими, формально-логическими словами, если предмет диссертации — это А, то главы — это А 1 и А 2 (а не В и С). Соответственно, параграфы главы А 1: А 1.1. и А 1.2. Каждый параграф должен дифференцированно «проявлять» не только предмет главы, но и предмет самой диссертации в целом, не «перескакивая» при этом на предмет всей цивилистической науки.

Эта вроде бы несложная и очевидная логика далеко не всегда находит место в диссертациях по цивилистике и по другим юридическим наукам.

Можно выделить следующие группы ошибок при построении структур цивилистических диссертаций.

Во-первых, наиболее распространенная структурная ошибка — это когда «частное превышает общее». Такая ошибка обусловлена жела-

нием диссертанта познакомить читателей с предметной областью, выходящей за пределы им же очерченной темы диссертации. Так, если диссертация посвящена небрежности в гражданском праве, то в диссертации не должны содержаться главы, посвященные в целом понятию вины, правонарушения, гражданско-правовой или юридической ответственности. Вторая матрешка не может быть по размеру больше первой, иначе она становится первой. В аспекте научной работы это требует изменения (расширения) темы диссертации.

Например, в диссертации по теме «Согласие в гражданском праве РФ» глава 1-я называется «Согласие как волевой юридический факт гражданского права РФ», в ней параграфы «1. Действия субъектов гражданского права: понятие, юридическая характеристика», «2. Понятие правомерных действий субъектов гражданского права и основания их классификации», «3. Правовая природа согласия в гражданском праве». Таким образом, предмет самого исследования — «согласие» мы видим только в названии третьего параграфа первой главы. При таких формулировках возникает вопрос: как отражают первые два параграфа название диссертации? Наверняка такая связь есть, но в названиях параграфов мы это не видим.

Приведем другой пример. Диссертация выполнена на тему «Заключение гражданско-правового договора в общем порядке». При этом непосредственно исследование «заключения договора» начинается в структуре только со второй главы, а глава 1 «Сущность гражданско-правового договора и принцип свободы договора по законодательству РФ в современных социально-экономических условиях» содержит два параграфа: «1.1. Теоретические аспекты понятия, содержания и значения гражданско-правового договора и их отражение в законодательстве РФ» и «1.2. Принцип свободы договора как основополагающее начало для заключения гражданско-правовых договоров».

Возьмем еще один пример. Диссертация выполнена на тему «Вопросы совершенствования договорного регулирования: условия, порядок заключения и классификация гражданско-правовых договоров». Логично предположить, что в работе будут следующие структурные элементы (главы): «Условия гражданско-правовых договоров», «Порядок заключения гражданско-правовых договоров» и «Классификация гражданско-правовых договоров». Однако структура диссертации открывается главой «Договор в механизме гражданско-правового регулирования», которая представлена следующими структурными частями: «Понятие, значение, функции и сфера применения договора», «Принцип свободы договора в современном российском праве», «Системный подход в изучении природы гражданско-правового договора». Заметим, что многие исследователи проблем договорного права, независимо

от масштаба этих проблем и конкретного предмета своего исследования, считают необходимым описать принцип свободы договора.

Проверить правильность формулировок параграфов можно следующим образом: закрыть название диссертации и главы и задаться вопросом, к какой теме относится данный параграф. И если ответ на этот вопрос выведет в целом на название диссертации, значит, параграф назван методологически и логически корректно.

К примеру, возьмем название параграфа «Добросовестность и свобода договора в системе основных принципов гражданского права». К диссертации на какую тему он может относиться? Скорее всего, количество ответов на этот вопрос может измеряться десятками. И трудно будет «догадаться», что он относится к диссертации, выполненной на тему «Принципы добросовестности и свободы договора в договоре розничной купли-продажи». Нет необходимости рассматривать общие, родовые тематики при наличии конкретной цели диссертации, поскольку раскрыть их глубоко на диссертационном уровне не удастся из-за ограничения объемов диссертации и ее конкретного предмета. Кроме того, такие «общеродовые» параграфы (а иногда и целые главы) отличаются максимально поверхностным, описательным, учебным, а не научным содержанием и, как правило, из них не следуют выводы, обладающие научной новизной.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание соискателей-цивилистов, стремящихся «издалека» «ввести в курс дела» (в тему диссертации) ее читателей, на следующее. Адресатами диссертационных работ являются специалисты, ученые, которым не следует давать учебный материал и пояснять в целом, что такое принципы добросовестности и свободы договора в гражданском праве. Заметим также, что это вполне допустимо в других видах научного и научно-популярного творчества (монографии, эссе, очерки, учебные пособия и т.п.), так как к ним не предъявляются требования научной новизны. Диссертационное исследование отличается от всех иных видов работ тем, что оно в целом и его отдельные части должны отвечать критерию научной новизны, поэтому, если из параграфа не следует новый научный вывод, диссертант должен задаться вопросом: зачем этот параграф в его работе?

Во-вторых, еще одной структурной ошибкой является «инородное тело» — структурная часть диссертации, напрямую не связанная с целым. К примеру, в диссертации о небрежности в гражданском праве появляется параграф «Умысел в гражданском праве». Для соискателя может быть очевидным, что пытливый читатель догадается, почему параграф об умысле расположен в диссертации о небрежности, однако формальная логика требует отражения в каждой структурной части

диссертации темы всей диссертации. Следовательно, в ней может быть, например, параграф «Отграничение неосторожности от умысла в гражданском праве». В этом случае мы получаем привязку параграфа к названию самой диссертации: часть «встает» в состав общего.

В-третьих, неправильным является объединение в структуре диссертации в одно «общее» разноуровневых частей. Меньшая матрешка должна помещаться внутрь предшествующей матрешки, а не располагаться рядом с ней. К примеру, в диссертации на тему «Вина как основание гражданско-правовой ответственности» есть глава «Формы вины в гражданском праве», которая состоит из трех параграфов: «Умышленная форма вины в гражданском праве», «Неосторожная форма вины в гражданском праве», «Критерии неосторожной вины: теория и практика». Однако критерии неосторожной вины — это часть вопроса о неосторожной форме вины в гражданском праве в целом (в данной структуре подпараграф, а не параграф). Одноуровневые структурные явления могли бы касаться, например, дефиниции понятия и критериев неосторожной формы вины.

В-четвертых, в структуре диссертации «общее» не представлено всеми составляющими его частями. Эта ошибка особенно хорошо видна в случаях, когда в названиях диссертаций пытаются отразить ее структуру. Если диссертация называется, например, «Договор аренды: понятие, стороны и содержание», то в этом случае предполагается, что в оглавлении будет три указанные структурные части. Если соискатель не готов именно к такой структуре, то не следует таким образом ограничивать название самой диссертации.

В структуре диссертации, выполненной на тему «Адвокат как представитель свидетеля в уголовном процессе: функции и полномочия», ни разу (!) не употребляются даже термины «функции» и «полномочия». При этом из структуры мы узнаем (по названиям глав) о следующих частях исследования: «Свидетель в уголовном процессе России. Законные интересы свидетеля», «Уголовно-процессуальное представительство по российскому законодательству. Адвокат как представитель свидетеля», «Деятельность адвоката свидетеля по защите его законных интересов». Зачем потребовалось уточнение именно про функции и полномочия адвоката?

Единичное уточнение требует еще большего внимания при формировании структуры работы и часто обуславливает структурные ошибки. К примеру, исследование названо «Юридические процедуры в гражданском праве: общая характеристика». В структуре работы отражена не только общая характеристика юридических процедур (глава 1), но и особенности таких процедур при легализации и прекращении субъектов гражданского права (глава 2) и в договорном праве

(глава 3). Для чего в названии диссертации сделано уточнение «общая характеристика»?

В целом следует очень осторожно использовать уточнения, которые вводятся в названия диссертаций через двоеточие или скобки. Не следует забывать, что предмет диссертации, проявленный через ее название, — это самый общий предмет для исследователя, он не должен конкретизировать частности: «общее — присущее нескольким предметам/объектам, объединяющее эти предметы, касающееся самого основного, выражающего суть предмета, не затрагивающее деталей» [4, с. 5; см. также: 5].

Как правило, такие уточнения не находят либо никакого, либо точного отражения в структуре работы. Авторы цивилистических диссертаций без устали добавляют в названия своих работ следующие уточнения: «проблемы (вопросы) правового регулирования и практики правоприменения», «современные (актуальные) проблемы теории и практики», «некоторые аспекты», «теоретические и практические проблемы», «теоретические основы и проблемы регулирования», «вопросы совершенствования регулирования», «теоретические и прикладные аспекты», «правовой аспект проблемы». «теоретико-прикладные проблемы» и проч. В отдельных случаях уточнения насаиваются: «Некоторые аспекты правового регулирования издательской деятельности в сфере периодических печатных изданий: теория и практика», «Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц: вопросы теории и практики», «Правовое регулирование личных неимущественных отношений супругов: вопросы теории и практики», «Теоретические и практические проблемы заключения гражданско-правового договора по законодательству Российской Федерации». Подобные названия диссертаций требуют отражения перечисленных элементов в структуре работы, однако этого никогда не происходит. И фактически все эти уточнения никакой смысловой нагрузки не несут, и их функции в названиях диссертаций непонятны. К тому же в подавляющем большинстве случаев это бессмысленно. Любая диссертационная работа по своей сути является проблемной (в смысле, что ее назначение — решить научную проблему) и обязана раскрыть актуальные (современные) проблемы (вопросы) теории и практики (правоприменения). Нет никакого методологического и логического смысла указывать это и в названии диссертации. Вопросы теории должны быть раскрыты, так как диссертация — это теоретическая, доктринальная работа. Еще Т. Кун писал, что, «будучи занят нормальной исследовательской проблемой, ученый должен предполагать действующую теорию, задающую правила игры. Его задача состоит в том, чтобы разрешить

головоломку, желательно такую, при решении которой потерпели неудачу другие, а действующая теория требуется, чтобы определить эту головоломку и гарантировать, что при достаточной изощренности ума она может быть разрешена» [8, с. 24–25].

Что касается практики, то она обязательный механизм проверки достоверности сформированной диссертантом теории: «единственным возможным способом проверки истинности наших знаний является “наложение” нашей мысли на предмет познания. Таким образом, критерий проверки лежит вне мысли человека, в практике» [2, с. 10; см. также: 12]. Ни одна цивилистическая диссертация не должна обходиться без вскрытия проблем практики и без практической апробации полученных результатов.

В-пятых, ошибочным будет отсутствие корреляции между структурой и задачами исследования. Структура диссертации должна довольно строго соответствовать поставленным диссертантом задачам. Раскрытие каждой из задач является составной частью целого, общего – самой диссертации. Такое соотношение важно еще и потому, что оно связано с совокупностью положений научной новизны: решение каждой задачи и, соответственно, раскрытие каждого параграфа, как правило, должно влечь одно положение научной новизны. Не случайно отмечается, что «одним из сложных и ответственных этапов в организации каждого научного исследования является не только определение темы самого исследования, но и его структуры и содержания. Практически оно предопределяет возможность получения заявленных исследователями результатов» [3, с. 1]. Не следует забывать, что содержание держится на структуре.

Выводы

Ошибки в структуре (оглавлении) диссертации ведут к неверно поставленным целям и неполучению заявленных и ожидаемых новых научных результатов. Структура диссертации должна учитывать соотношение диалектических и формально-логических категорий общего и частного, целого и части. Ошибки в структурировании цивилистических диссертаций связаны с нарушением этого соотношения: либо части диссертации превышают целое (диссертацию), либо в целом (диссертации) не учтены все его части, либо общее (диссертация) содержит «инородную часть», либо нарушена структурная иерархия частей целого.

Мы полностью разделяем мнение В.М. Розина о том, что «в настоящее время важно не только успешно провести научную работу, но и публично продемонстрировать реальный способ ее решения, а также

соотнести свой подход с существующими в научной культуре. В свою очередь для этого нужно и то и другое отрефлексировать и изложить для читателя и других оппонентов в понятной форме. К сожалению, культура осознания собственного подхода и работы пока еще не стала нормой научной работы» [10, с. 81]. Правильно построенная, соответствующая правилам диалектической и формальной логики структура цивилистической диссертации позволяет и полностью отрефлексировать собранный и полученный автором материал, и публично показать логику решения заявленной научной проблемы.

Библиографический список

1. *Антинази А.* Энциклопедия социологии. 2009. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>.

2. *Байгильдин Р.М., Байгильдина З.Ф.* Философия как теория и методология научного познания // Современные технологии в образовании: актуальные проблемы и тенденции (материалы всероссийской научно-теоретической конференции). Ижевск: ЧОУ ВО «Восточно-Европейский институт», 2021. С. 5–11.

3. *Белоусов В.Л., Денисов Д.Ю.* Методы определения структуры и содержания работ в научном исследовании // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 6 (42). С. 1–28.

4. *Васильев А.А., Маньковский И.Ю., Куликов Е.А.* Категории общего, особенного и единичного в праве: аспекты общей теории // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 3–9.

5. Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты: монография / под ред. Е.А. Куликова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 250 с.

6. *Иванов В.П.* Как написать научную статью (структура материала и организация работы) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия В. Промышленность. Прикладные науки. 2016. № 3. С. 195–199.

7. *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. М.: Палимпсест: Этерна, 2012. 750 с.

8. *Кун Т.* Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. 1997. Вып. 3. С. 20–48.

9. *Насыров Р.В., Иванов А.В.* О категориях общего, особенного и единичного в сравнительном правоведении // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 114–118.

10. *Розин В.М.* Типы и структура «нормальных» научных работ // Философия науки. 2004. Т. 10. № 1. С. 69–85.

11. *Степурина А.Н.* Глобализация и регионализация как категории общего и частного // *Сибирский международный*. 2008. № 9. С. 138–141.
12. *Философия, методология, наука* / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Наука, 1972. 236 с.
13. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
14. *Чиркин В.Е.* Вызовы современности и российский конституционализм: общее, особенное, единичное // *Конституционный вестник*. 2008. № 1 (19). С. 36–42.
15. *Шульц Д.Н.* Диалектические категории «общее и частное» как основа изучения иерархических систем // *European Social Science Journal*. 2012. № 9–1 (25). С. 16–24.

References

1. *Antinazi A.* *Entsiklopediya sotsiologii* [Encyclopedia of Sociology]. 2009. Available at: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>. (In Russ.)
2. *Baigildin R.M., Baigildina Z.F.* *Filosofiya kak teoriya i metodologiya nauchnogo poznaniya* [Philosophy as a Theory and Methodology of Scientific Knowledge]. *Sovremennye tekhnologii v obrazovanii: aktual'nye problemy i tendentsii (materialy vsesoyuznoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii – Modern Technologies in Education: Current Problems and Trends (Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference))*. Izhevsk, 2021. Pp. 5–11. (In Russ.)
3. *Belousov V.L., Denisov D.Yu.* *Metody opredeleniya struktury i sodержaniya rabot v nauchnom issledovanii* [Methods for Determining the Structure and Content of Works in Scientific Research]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal – Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal*. 2012. Issue 6 (42). Pp. 1–28. (In Russ.)
4. *Vasiliev A.A., Mankovsky I.Yu., Kulikov E.A.* *Kategorii obshchego, osobennogo i edinitsnogo v prave: aspekty obshchey teorii* [Categories of the General, the Particular and the Individual in Law: Aspects of General Theory]. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik – Siberian Law Bulletin*. 2019. Issue 3 (86). Pp. 3–9. (In Russ.)
5. *Dialektika obshchego, osobennogo i edinitsnogo v prave: teoretiko-pravovye i filosofsko-pravovye aspekty: monografiya / pod red. E.A. Kulikova* [Dialectics of the General, the Particular and the Individual in Law: Theoretical and Legal and Philosophical and Legal Aspects: monograph / edited by E.A. Kulikov]. Barnaul, 2020. 250 p. (In Russ.)

6. *Ivanov V.P. Kak napisat' nauchnuyu stat'yu (struktura materiala i organizatsiya raboty)* [How to Write a Scientific Article (Structure of the Material and Organization of Work)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya V. Promyshlennost'. Prikladnye nauki* – Bulletin of Polotsk State University. Series B. Industry. Applied Sciences. 2016. Issue 3. Pp. 195–199. (In Russ.)

7. *Comte-Sponville A. Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, 2012. 750 p. (In Russ.)

8. *Kuhn T.S. Logika otkrytiya ili psikhologiya issledovaniya?* [Logic of Discovery or Psychology of Research?]. *Filosofiya nauki* – Philosophy of Science. 1997. Issue 3. Pp. 20–48. (In Russ.)

9. *Nasyrov R.V., Ivanov A.V. O kategoriakh obshchego, osobennogo i edinitchnogo v sravnitel'nom pravovedenii* [On the Categories of General, Particular and Singular in Comparative Jurisprudence]. *Rossiysko-aziat'skiy pravovoy zhurnal* – Russian-Asian Legal Journal. 2024. Issue 4. Pp. 114–118. (In Russ.)

10. *Rozin V.M. Tipy i struktura «normalnykh» nauchnykh rabot* [Types and Structure of «Normal» Scientific Works]. *Filosofiya nauki* – Philosophy of Science. 2004. Vol. 10. Issue 1. Pp. 69–85. (In Russ.)

11. *Stepurina A.N. Globalizatsiya i regionalizatsiya kak kategorii obshchego i chastnogo* [Globalization and Regionalization as Categories of the General and the Particular]. *Sibirskiy mezhdunarodnyy* – Siberian International. 2008. Issue 9. Pp. 138–141. (In Russ.)

12. *Filosofiya, metodologiya, nauka / otv. red. V.A. Lektorskiy* [Philosophy, Methodology, Science / ed. V.A. Lektorsky]. Moscow, 1972. 236 p. (In Russ.)

13. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red.: L.F. Ilyichyov, P.N. Fedoseev, S.M. Koval'ev, V.G. Panov* [Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed.-in-chief L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseyev, S.M. Kovalev, V.G. Panov]. Moscow, 1983. 839 p. (In Russ.)

14. *Chirkin V.E. Vyzovy sovremennosti i rossiyskiy konstitutsionalizm: obshchee, osobennoe, edinitchnoye* [Challenges of Modernity and Russian Constitutionalism: General, Particular, Individual]. *Konstitutsionnyy vestnik* – Constitutional Bulletin. 2008. Issue 1 (19). Pp. 36–42. (In Russ.)

15. *Shults D.N. Dialekticheskie kategorii «obshchee i chastnoe» kak osnova izucheniya ierarhicheskikh system* [Dialectic Categories Universal-Particular as a Basis for Hierarchical Systems Research]. *European Social Science Journal* – European Social Science Journal. 2012. Issue 9-1 (25). Pp. 16–24. (In Russ.)

Информация об авторах:

О.А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры
предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Пермский институт ФСИН России,
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125.
ORCID: 0000-0001-6880-5604.
Researcher ID: D-1066-2016.
Статьи в БД Scopus/Web of Science:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70
DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.42.58

В.Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
предпринимательского права, гражданского
и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ORCID: 0000-0003-3505-2348.
Researcher ID: H-4690-2015.
Статьи в БД Scopus/Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419
DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518
DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-170-188
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649
DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371

Information about the authors:**O.A. Kuznetsova**

Perm State University,

15 Bukireva St., Perm, 614068.

Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

125 Karpinskogo St., Perm, 614012, Russia.

ORCID: 0000-0001-6880-5604.

Researcher ID: D-1066-2016.

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.42.58

V.G. Golubtsov

Perm State University,

15 Bukirev st., Perm, 614068, Russia.

ORCID: 0000-0003-3505-2348.

Researcher ID: H-4690-2015.

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518

DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-170-188

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649

DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПРИСУЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.Г. Лескова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: leskova-yg@ranepa.ru

Введение: вопросы совершенствования системы самостоятельного присуждения организациями ученых степеней в Российской Федерации вызывают все чаще жаркие и неоднозначные дискуссии, требуют их обсуждения и дальнейшего формирования подхода к порядку присуждения ученых степеней, не имеющему дефектов и противоречий. **Цель:** на основе анализа положений законодательства РФ и локального нормотворчества образовательных организаций выстроить оптимальные предложения по совершенствованию системы самостоятельного присуждения организациями ученых степеней как одной из самых оптимальных моделей государственной системы научной аттестации. **Методы:** общенаучный (диалектический), анализ, синтез, сравнения, исторический. **Выводы:** предлагается исключить различную видовую характеристику диссертационных советов, различный порядок их функционирования и проведения предварительных экспертиз диссертационных исследований, различные критерии/условия присуждения ученых степеней. Требуется создавать единообразие подходов для единой государственной системы научной аттестации, где определяющие правила исходят от государства, а вузы лишь способствуют их оптимизации и дальнейшей детальной формулировке. Доказывается необходимость повышения качества нормативной, в том числе локальной, правовой базы, обеспечивающей реализацию права самостоятельного присуждения ученых степеней, более полное использование потенциала организаций как площадок государственной системы научной аттестации, государственное воздействие в случае выявления неполноты и низкого качества реализации полученных организациями прав.

Ключевые слова: образовательные организации; диссертационные советы; защита; соискатель; высшая аттестационная комиссия; ученая степень.

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE SYSTEM OF INDEPENDENT AWARDING OF ACADEMIC DEGREES BY ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Y.G. Leskova

Russian presidential Academy of national economy
and public administration
E-mail: leskova-yg@ranepa.ru

Introduction: the issues of improving the system of independent awarding of academic degrees by organizations in the Russian Federation cause heated and controversial discussions, and their discussion and further formation of an approach to the procedure for awarding academic degrees that are free from defects and contradictions are required. **The purpose** of the study is to build optimal proposals for improving the system of independent awarding of academic degrees by organizations as one of the most optimal models of the state scientific certification system based on the analysis of the provisions of the legislation of the Russian Federation and local rulemaking of educational organizations. **Methods:** general scientific (dialectical) method, analysis, synthesis, comparisons, historical. **Conclusions:** it is proposed to exclude different types of characteristics of dissertation councils, different procedures for their functioning and conducting preliminary examinations of dissertation research, and different criteria/conditions for awarding academic degrees. It is necessary to create uniformity of approaches for a unified state system of scientific certification, where the defining rules come from the state, and universities only contribute to their optimization and further detailed formulation. The article proves the need to improve the quality of the regulatory, including local, legal framework that ensures the implementation of the right to independently award academic degrees, more fully utilize the potential of organizations as platforms for the state scientific certification system, and government influence in the event of incompleteness and poor quality of the implementation of the rights obtained by organizations.

Keywords: educational organizations, dissertation councils, defense, applicant, higher attestation commission, academic degree.

Введение

Государственная система научной аттестации в России в настоящее время представлена несколькими моделями присуждения учебных степеней, каждая из которых имеет как свои положительные, так и отрицательные моменты в применении. Наиболее широкому обсуждению и жесточайшей критике в литературе и средствах мас-

совой информации вплоть до настоящего времени подвергается одна из моделей присуждения ученых степеней — право ведущих вузов присуждать ученые степени.

Как справедливо обратил внимание В.М. Филиппов, названное право вузов ни в коем случае не стоит рассматривать как альтернативу государственной системы аттестации научных кадров, поскольку данная модель лежит в рамках единой государственной системы аттестации научных кадров высшей квалификации¹. Отражением сказанного является письмо Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 5 апреля 2024 г. № 01/288 «О дипломах, выдаваемых организациями, реализующими право самостоятельного присуждения ученых степеней», в котором было подчеркнуто, что «документы об ученых степенях, выданные организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, предоставляют их обладателям права, аналогичные правам, предусмотренным для обладателей документов об ученых степенях, выдаваемых в системе государственной научной аттестации на основании решений Минобрнауки России»². Равнозначность дипломов установлена также нормой ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”», согласно которой дипломы об ученых степенях, присужденных организациями, предоставляют их обладателям права, аналогичные правам обладателей дипломов, выданных Минобрнауки³.

Таким образом, реализация академических и профессиональных прав лицами, получившими степень кандидата или доктора наук «от вуза» идентична тем же правам лиц, получивших степень от «высшей аттестационной комиссии» (конечно, это условное сравнение, поскольку степень всегда присваивает диссовет, но во втором случае дата присвоения диссоветом считается официально утвержденной с момента принятия решения Высшей аттестационной комиссии и принятия соответствующего приказа Минобрнауки).

Несмотря на тождество и уравниженность правовых последствий от присуждения ученых степеней в рамках различных моделей государственной научной аттестации, право вузов на присуждение ученых степеней все-таки остается не до конца привлекательным, надежным и, как следствие, имеющим значительные недостатки с точки зрения локального регулирования порядка его осуществления. Хотя даже

¹ URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/76985/>.

² См.: Вестник образования России. 2024. № 11.

³ См.: СЗ РФ. 2016. № 22. Ст. 3096.

на фоне неуверенного к нему отношения как самих соискателей ученых степеней, так и в целом всего научного мира еще в 2023 г. Министерством науки и высшего образования РФ была дана высокая оценка работы вузов по присуждению ими ученых степеней¹.

Настоящее исследование направлено на выяснение вопросов динамики реализации вузами права на присуждение ученых степеней, выявление с учетом в том числе опыта работы и участия самого автора в подобных диссертационных советах проблем их существования и дальнейшего их функционирования, принимая во внимание необходимость устранения имеющихся деструктивных ошибок, которые были обнаружены со временем на практике (*прежде всего на уровне Президентской академии РАНХиГС*).

Система самостоятельного присуждения организациями ученых степеней в России: история и современность

Современный мир науки и вовлечения/допуска в него молодых ученых, которым присваиваются степени кандидатов и докторов наук, требует постоянного обновления и введения новых способов/методов отслеживания настоящих ученых. При этом очевидным становится с каждым годом, что далеко забытое старое в какой-то период отслеживания новых научных кадров может стать верным направлением в этом. Подтверждением того стала введенная в 2016 г. в России система самостоятельного присуждения организациями ученых степеней, являющаяся, по сути, прообразом научной аттестации ученых в России самими отечественными университетами, которая была введена еще в 1803 г.² В 1918 г. от этой системы попытались отказаться, но отсутствие вообще как таковой системы аттестации научных кадров привело лишь к их нехватке, и уже в начале 1930-х гг. советское государство «придумало» свою уникальную, не имеющую аналогов ни в одном ином государстве государственную систему научной аттестации, в которой Высшая аттестационная комиссия (*далее — ВАК*) стала ядром или фундаментом реализации в отслеживании настоящих ученых и «допуском» в мир науки.

¹ URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/76985/>.

² Мы связываем появление права «давать ученые степени и достоинства» российскими университетами с 1803 годом, поскольку в этот год вышел высочайший указ Александра I от 26 января 1803 г. № 20.597 «Об устройстве училищ», в котором советы факультетов названных образовательных организаций наделялись таким правом, и здесь была введена система ученых степеней: кандидат, магистр, доктор. Обращаем внимание, что во многих иных научных источниках называются более ранние даты, однако, на наш взгляд, они имеют значение лишь для понимания, почему в 1803 г. появились те правила, о которых мы упомянули.

Тем не менее упразднение права университетов проводить аттестацию не осталось бесследным на протяжении всего периода его отсутствия (с 1917 по 2016 г.), а «советское и российское законодательство в сфере присуждения ученых степеней всегда базировалось на богатейшем опыте, накопленном Российской империей за 115 лет» (с 1804 по 1917 г.) [8]. Так, например, как справедливо отмечается в научной литературе, «в отличие от подходов к присуждению ученых степеней в зарубежных странах, в России с дореволюционных времен до наших дней сохраняется двухуровневая система присуждения ученых степеней: сначала присуждается степень кандидата, а потом — доктора наук» [5].

Безусловно, следует обратить внимание на то, что многие моменты в формировании государственной научной аттестации и присвоения ученых степеней сохранены исходя из исторического опыта, но и многие апробированные временем правила прошлых лет почему-то оказались неучтенными. Например, как справедливо отмечает А.В. Попова, «на всех этапах становления и развития системы научной аттестации в России ее проведение регламентировалось на уровне государства, которое устанавливало единые правила для всех университетов и иных учебных заведений» [11]. При этом в рамках академической свободы вузам давалось право самостоятельно определять лиц, которые могли быть оставлены при кафедре, устанавливать отдельные особенности их подготовки и обеспечения, а также присуждать ученые степени [12]. Однако в настоящее время мы наблюдаем совершенно иную картину в отношении формирования правил присуждения ученых степеней самими университетами. Согласно п. 3.1 ст. 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» некоторым вузам (указанным в этой статье) предоставляется право не только создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученых степеней, устанавливать полномочия этих советов, но и определять и закреплять порядок присуждения ученых степеней, включая критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, а также утверждать положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, формы дипломов об ученых степенях¹.

В итоге мы получаем не только самый разнообразный порядок создания и функционирования диссертационных советов — от постоянно действующих до так называемых разовых, но и свой собственный для каждой образовательной организации порядок присвоения ученых

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

степеней, проведения предварительных экспертиз диссертационных исследований и даже установление своего перечня журналов, в которых должны публиковаться соискатели ученых степеней того или иного вуза. Справедливым оказывается высказывание А.В. Габова, отметившего, что «по существу, такие организации стали осуществлять нормативное регулирование в области аттестации, не обеспеченное никаким предварительным нормоконтролем», «...вопросы локального нормотворчества, а также соблюдения установленных локальными нормативными актами организаций процедур и иных требований федерального органа исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, не контролирует — эти вопросы остаются полностью в зоне самоконтроля самой организации, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней» [3; 4].

Насколько подобное сегодня может уложиться в голове соискателя? Как подстроиться под требования того или иного локального регулирования образовательной организации? Как, наконец, встроиться в эту «разношерстную» систему научной аттестации? Эти вопросы, достаточно сложные с точки зрения организации в целом процесса своей защиты, задает себе каждый соискатель ученой степени, и здесь может быть только один совет: путь, по которому сегодня можно пойти с точки зрения защиты своей диссертации, соискатель должен выбрать в самом начале своего становления как ученого и как будущего кандидата или доктора юридических наук, более поздний выбор может отдалить дату защиты, поскольку соискатель в этом случае должен будет «подогнать» свои достижения под определенные правила того или иного диссовета, в котором он запланирует свою защиту.

Абсурдность ситуации различного локального регулирования присвоения ученых степеней самими вузами приводит к огромному количеству колоссальных промахов и явно грубым отступлениям от общих принципов оценки диссертаций, основанных в том числе на законченности и завершенности диссертационной работы. Так, например, модель функционирования защиты диссертации МГИМО отличает поливариативный исход защиты: ученая степень может присуждаться «при условии внесения доработок» в текст диссертации. Такая практика защиты в диссоветах положительно оценивается М.И. Иноземцевым, который отмечает: «...в РГБ уходил текст, за который соискателю подчас бывало стыдно...», а «существовавшая ранее процедура не подразумевала внесение каких-либо изменений, что отчасти обесценивало высокий уровень научной дискуссии, состоявшейся в ходе процедуры аттестации» [7]. Подобная позиция, на наш

взгляд, может привести к тому, что будут только учащаться случаи защит низкокачественных диссертаций, а члены диссовета в итоге будут додумывать за искателя, который на основании их предложений будет потом вносить соответствующие правки. На наш взгляд, все эти вопросы необходимо решать до защиты в диссоветах, и тогда не будет стыдно за текст, который уходит в РГБ.

Постоянные и разовые диссоветы в системе государственной научной аттестации

Относительно формирования различных видов диссертационных советов (постоянных или разовых) следует отметить, что в настоящее время законодатель отошел от установления единого подхода в этом вопросе. Если ранее, начиная с 2016 г., мы могли наблюдать модели разовых диссоветов только применительно к системе самостоятельного присуждения организациями/вузами ученых степеней, то начиная с 2023 г. такие диссоветы могут вполне существовать в другой системе государственной научной аттестации, в которой основное слово в вопросе о присвоении ученой степени остается за Высшей аттестационной комиссией. Так, приказом Минобрнауки России от 14 декабря 2023 г. № 1186¹ были внесены изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук², в соответствии с которым предусмотрена возможность создания разовых диссертационных советов по научным специальностям, определяемым ВАК.

Таким образом, отныне в системе государственной научной аттестации с участием ВАК *(мы выбрали для себя такое обозначение порядка присуждения ученых степеней, который отличен от права вузов на самостоятельное присуждение ученой степени и который закреплен в Положении о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (2017 г.))* могут функционировать как постоянно действующие, так и разовые диссертационные советы. В научной литературе в преддверии таких

¹ Приказ Минобрнауки России от 14 декабря 2023 г. № 1186 «О внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». URL: <http://pravo.gov.ru>.

² Приказ Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093 (ред. от 14.12.2023) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». URL: <http://pravo.gov.ru>.

изменений высказывалась точка зрения, согласно которой «наличие в системе государственной научной аттестации возможности создания “разового” диссертационного совета позволит обеспечить доступность аттестационных процедур для большего количества организаций и соискателей ученых степеней, что потенциально может увеличить количество защит диссертаций, тем самым способствовать достижению цели и решить проблемы...» [6]. Мы не столь убеждены в подобном, поскольку создание разовых диссоветов решает отнюдь не проблему увеличения количества защит, а скорее развивает идею формирования научного мнения/вывода о присуждении научных степеней теми учеными, которые действительно погружены в ту или иную проблематику. Хотя и данный момент достаточно спорный, поскольку такую роль традиционно берут на себя официальные оппоненты, которые и оглашают свои выводы (в виде отзыва) по диссертации членам диссовета, принимающим решение о присуждении ученой степени соискателю. В этой связи также уместно вспомнить позицию РАН, которая нашла отражение в постановлении Президиума РАН от 2 июня 2020 г. № 77 «О совершенствовании системы самостоятельного присуждения организациями ученых степеней в РФ»: «...наряду с успешными примерами функционирования таких советов в ряде организаций, где произошел переход на новую систему присуждения ученых степеней, число защит диссертаций снижается. Кроме того, часть организаций, которые получили такое право, в силу ряда причин его до сих пор не реализовали»¹. И наконец, еще один аргумент в пользу того, что увеличение количества защит диссертаций — это не всегда успех системы присуждения ученых степеней. Как известно, именно увеличение в 90-х годах количества защит диссертаций за счет снижения их качества и спровоцировало вопрос о формировании иных способов и методов присуждения ученых степеней. Мы полностью поддерживаем точку зрения, согласно которой в идеале рост количества остепененных должен корреспондировать с повышением объема и результативности научных исследований, и именно в этом и должна быть цель совершенствования всего порядка присуждения ученых степеней [1].

И мы вновь задаемся вопросом: зачем выстраивать различные виды диссоветов, «насаждать» их в различных образовательных организациях и увеличивать их число? Проблема не в том, что мало диссоветов и поэтому мало защит диссертаций, а статистика получения степеней в настоящее время совсем не радует. Проблема в том, что нет нужных и эффективных механизмов поддержки молодых кадров/аспирантов,

¹ СПС «КонсультантПлюс».

о которых и стоит задуматься на уровне государства, законодательства и конечно же отдельно взятой образовательной организации. В этой связи приведем наглядный пример существования в Президентской академии (РАНХиГС) программы поддержки аспирантов (2020–2023 гг.), получавших в это время на основании результатов конкурса право стать участником научного коллектива, который осуществлял научно-исследовательскую работу в соответствии с государственным заданием РАНХиГС. Такое участие материально поддерживалось, аспирант получал дополнительный финансовый источник и мог одновременно работать над своей темой, в том числе в процессе научно-исследовательской деятельности вместе с научным коллективом в рамках государственного задания. Таким образом, у него освобождалось время от зарабатывания себе на существование, которое он мог посвятить главной цели трех лет своего обучения в аспирантуре — написанию диссертационного исследования.

Оценивая свой собственный опыт участия в качестве члена диссовета в период с 2017 по 2024 г. в различных диссоветах, как постоянных (автор настоящей статьи является членом Диссовета МГЮА (шифр 24.2.336.01); объединенного Диссовета, созданного на базе Пермского государственного национального исследовательского университета и Ульяновского государственного университета (шифр 99.2.090.02)), так и разовых (создаваемых в РАНХиГС с 2017 г.), можно отметить, что в любом диссовете постоянный состав ее членов формирует устойчивость самой системы присуждения ученых степеней, и не секрет, что даже разовые диссоветы имеют порой элементы некой стабильности и постоянства его членов (как правило, трое членов диссовета РАНХиГС, которые являются работниками академии, формируют основной фон его состава, переходящий на каждую новую защиту соискателя ученой степени по определенной специальности). Следует полностью согласиться с М.П. Поляковым в том, что «...принцип ротации, столь популярный в органах государственного управления, к формированию и функционированию диссертационного совета является малоприменимым. Здесь более продуктивным нам видится принцип стабильности» [10]. Стабильность и постоянство, безусловно, на наш взгляд, являются залогом успеха работы любого диссовета, формированием и развитием научных школ, репутационной составляющей диссовета и успешной качественной защиты самих диссертаций. Возможно поэтому у многих работающих в Президентской академии и возникает порой идея о создании постоянно действующего диссовета. И не случайно внушительная научная школа МГУ, на которую мы все всегда равняемся как на пример качества, масштаба научных исследований, выпуска лучших ученых

и наличия глубоких по содержанию диссертаций, выбрала для себя именно функционирование постоянно действующего диссовета, в том числе для юридических специальностей¹.

**Перечень журналов вузов,
в которых рекомендуется публиковать научные статьи
соискателям ученых степеней: быть или не быть?**

Другим, не менее важным вопросом, который высвечивается применительно к системе самостоятельного присуждения организациями ученых степеней, является вопрос о перечне журналов, которые рекомендуются тем или иным вузом для защиты диссертации. Порой трудно понять, какие критерии вузы выбирают для такого перечня: по количеству опубликованных статей своих работников — ученых? или, может быть, по дружбе с главным редактором? или просто потому, что у журнала красивое название?

Попытки выстроить некие критерии все-таки имеются, например, их можно наблюдать применительно к перечню изданий МГУ для защиты в диссертационных советах МГУ. В соответствии с локальным актом МГУ «Условия представления журналов из Перечня рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки России для включения их в дополнительный список изданий МГУ для защиты в диссертационных советах МГУ» выделены критерии отбора и рекомендации к включению в дополнительный список МГУ². Анализ указанных критериев показывает, что, по сути, все журналы из Перечня ВАК, имеющие категории К-1 и К-2, могут быть включены в этот список. Но формирование указанного списка не основано на работе ВАК, а на деле связано с целой процедурой согласований и принятия решений соответствующими подразделениями МГУ, которые нам видятся бессмысленными на фоне проведенной работы по категоризации журналов ВАК. Закономерно встает вопрос: а зачем, если есть очень внушительные критерии отбора, на основании которых проведена работа ВАК? Возможно, такой порядок стоило бы оставить для журналов из К-3 и К-4, но вряд ли для журналов К-1 или К-2, и уж тем более из ядра РИНЦ.

¹ Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (утверждено приказом ректора МГУ имени М.В. Ломоносова от 19 января 2023 г. № 45, в ред. с изм., внесенными приказами ректора МГУ имени М.В. Ломоносова от 20 декабря 2023 г. № 1647, от 3 мая 2024 г. № 653 и от 12 июня 2024 г. № 965).

² URL: <https://dissovet.msu.ru/documents>.

В настоящее время ВАК проделана масштабная работа по категоризации российских журналов, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, критериями которой были количественные (наукометрические) и качественные (экспертные) показатели. Как было указано в письме Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О перечне рецензируемых журналов», количественные показатели складывались из Science Index, индекса Херфиндаля – Хиршмана, Индекса Джинни, среднего индекса Хирша авторов, 10-летнего индекса Хирша журнала, среднего числа просмотров на одну статью в год, а качественные показатели составили качество научных статей, уровень авторитетности авторов, уникальность научных статей, качество организации рецензирования, организация-учредитель¹.

Тем не менее, на фоне наличия такого перечня журналов, сформированных по категориям и отражающих их показатели качества, вузы считают возможным не учитывать подобное, не давать возможность соискателям быть более свободными в выборе источника публикации. Хорошо еще, когда все складывается с точностью наоборот: например, вузы стараются дать более высокую оценку тому или иному журналу, который рекомендуется для публикации трудов соискателя (но опять-таки, без определения критерия включения такого журнала в значимый список такой шаг является малоприменимым и малоэффективным). Но обычно и этот, казалось бы, факт повышения значимости журнала для публикации статей соискателя приводит к другим парадоксальным ситуациям: когда внешние эксперты по диссертации соискателя (такие эксперты, например, назначаются согласно регламенту экспертизы качества диссертаций Президентской академии (РАНХиГС) (приказ № 02-1875 от 17 ноября 2022 г.; приказы об изм. № 02-1352 от 1 июля 2024 г., № 02-1711 от 3 сентября 2024 г.)²) ставят отрицательные значения в заключениях по показателю публикационной активности соискателя, поскольку подмечают низкую категорию того или иного журнала из перечня изданий, рекомендованных для публикации научных статей будущих кандидатов наук по отраслям наук (утвержден Ученым советом РАНХиГС 16 апреля 2024 г.)³.

В этой связи вновь обращаясь к масштабной работе ВАК по категоризации российских журналов, обратим внимание на справедливое и точное высказывание В.В. Богдан о том, что «формирование новых требований к апробации результатов научных исследований в части

¹ См.: Официальные документы в образовании. 2023. № 1.

² См.: Сайт Президентской академии (РАНХиГС). URL: <https://www.ranepa.ru/podgotovka-nauchnykh-kadrov/zashchity-dissertatsii/>.

³ Там же.

опубликования научных статей в ведущих рецензируемых изданиях должно преследовать цели повышения качества такой апробации, мотивирования соискателей ученых степеней тщательнее относиться к качеству своих научных исследований, предлагаемых научному сообществу для ознакомления, дискуссии» [2]. Так зачем же изобретать то, что уже есть? Зачем придумывать вузам свой список журналов, причем по не понятным никому критериям? Разве в этом может усматриваться академическая свобода вузов в вопросах присуждения ученых степеней?

Отвечая на поставленные вопросы, можно обратиться к положительному опыту Президентской академии, которая начиная с 2024 г. ввела альтернативное применение нескольких способов определения одной из трех статей соискателя либо в журнале из списка, рекомендованного РАНХиГС, либо в журналах, отнесенных к категориям К-1 или К-2 из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК.

Общие проблемы двух систем присуждения ученых степеней

Стоит обратить внимание на то, что несмотря на характеристику системы государственной научной аттестации как формально единой, но в реальности имеющей две самостоятельные системы присуждения ученых степеней, есть то общее, что сближает и подчеркивает единство применения любой системы присуждения ученых степеней, что всегда должно выполняться при применении той или иной системы, — это критерии отслеживания научной новизны, самостоятельности исследования и требований к членам диссертационных советов [4]. И здесь также высвечивается общая проблема двух систем присуждения ученых степеней: к сожалению, диссертации на заказ в 2024 г. стали признаваться судебными органами как предмет договора, которые формируют подход о применении Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей»¹ к выполненным на заказ исследованиям, не соответствующим тем или иным требованиям по научной составляющей и оригинальности текста, которые сформулированы заказчиком². Но, как справедливо отмечается В.В. Богдан, ни о какой самостоятельности исследования здесь речи быть не может³,

¹ См.: СЗ РФ.1996. № 3. Ст. 140.

² См.: Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savolovskij/services/cases/civil/details/3f86f740-da97-11ed-8f11-ffc8c544893?participant=Малинович>.

³ См.: Телеграмм-канал Варвары Богдан.

и подобным соискателям не стоит присуждать ученые степени, что очевидно всем, кто так или иначе задействован сегодня в системе присуждения ученых степеней. Тем не менее проблема заказа диссертаций и появления «ложных» ученых, как показывает практика, остается актуальной, и это не тот вопрос, который легко и быстро решается на уровне той или иной системы присуждения ученых степеней. Как показывает даже судебная практика, ни та, ни другая система присуждения ученых степеней с этим окончательно не справилась (*более подробный анализ судебной практики по этим вопросам можно наблюдать в исследовании профессора О.А. Кузнецовой [9]*).

Попытки устранить подобное все-таки предпринимаются, но решаются порой специфически. Например, на уровне Президентской академии значительная роль в отслеживании оригинальности, самостоятельности, научной новизны на первом этапе принадлежит кафедрам, которые дают заключения на диссертации (что вполне традиционно), на втором этапе — внешнему эксперту, в отношении которого сохраняется запрет на раскрытие его фамилии, имени и отчества и, соответственно, его научных достижений в той или иной области, и уже на последнем этапе — диссовету (члены которого и несут по сути ответственность за принятое ими решение)¹.

В этом порядке отслеживания качества представляемых диссертаций вызывает вопросы прежде всего фигура внешнего эксперта: какие предъявляются к нему требования? почему в локальных актах не прописаны конкретные параметры отбора подобных экспертов? насколько правильно зависеть от мнения одного единственного эксперта по вопросу допуска к защите в диссовете РАНХиГС, у которого, например, может быть иная по сравнению с соискателем позиция по дискуссионному вопросу и который в связи с этим может дать отрицательное заключение? почему в этой связи не применить тот опыт, который имеется относительно так называемых ваковских диссоветов, в которых создаются комиссии (минимум из трех членов диссовета) по составлению заключения на диссертацию. На наш взгляд, является абсолютно верным не только раскрытие информации об экспертах по предварительной экспертизе, но и формирование общего подхода к результатам научного исследования соискателя теми учеными, которые по сути и несут весь груз негативных последствий за порочное присвоение степени кандидата/доктора наук. Именно такой порядок закрепляется, например, в МГУ (п. 4.2 Положения о совете по защите

¹ Локальные документы Президентской академии по порядку проведения экспертизы на всех трех этапах представлены на ее сайте по ссылке: <https://www.ranepa.ru/podgotovka-nauchnykh-kadrov/zashchity-dissertatsii/>.

диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук МГУ имени М. В. Ломоносова), который вправе присваивать самостоятельно научные степени, что вновь подчеркивает зарекомендованный временем путь экспертного отслеживания качества диссертации, существовавший и существующий во всех так называемых ваковских диссоветах.

Выводы

Развитие государственной системы научной аттестации в России знаменуется различными подходами к вопросам присвоения ученых степеней. Как известно, в 2016 г. была возрождена система присвоения ученых степеней самими вузами (перечень которых закреплен в законодательстве РФ). Как показал опыт реализации права вузами присуждать ученые степени, данная модель имеет ряд недостатков и отсутствие единства подходов на уровне вузов, которым дана безграничная академическая свобода в этом вопросе. Предлагается исключить различную видовую характеристику диссоветов, различный порядок их функционирования и проведения предварительных экспертиз диссертационных исследований, различные критерии/условия присуждения ученых степеней. Необходимо создавать единообразие подходов для единой государственной системы научной аттестации, где определяющие правила исходят от государства, а вузы лишь способствуют их оптимизации и дальнейшей детальной формулировке.

Назовем также наиболее существенные для обсуждения перспектив самостоятельного присуждения ученых степеней и последующей корректировки новой модели аттестации вопросы. По нашему мнению, это повышение качества нормативной, в том числе локальной, правовой базы, обеспечивающей реализацию права самостоятельного присуждения ученых степеней, более полное использование потенциала организаций как площадок государственной системы научной аттестации, государственное воздействие в случае выявления неполноты и низкого качества реализации полученных организациями прав.

Библиографический список

1. Белоцерковский А.В. Присуждение ученых степеней в России: защита от кого и от чего // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 37–44.
2. Богдан В.В. Влияние категоризации российских научных журналов на публикации соискателей ученых степеней // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. Вып. 6. С. 43–52.

3. *Габов А.В.* Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. С. 48–88.

4. *Габов А.В.* Мониторинг и контроль деятельности советов по защите диссертаций, созданных организациями, имеющими право самостоятельного присуждения ученых степеней // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. Вып. 6. С. 11–43.

5. *Зайцева Л.А., Мацкевич И.М.* Еще раз о двухуровневой системе присуждения ученых степеней (история и современность) // Юридическое образование и наука. 2013. № 2. С. 2–13.

6. *Збарацкий Б.А.* Организационно-правовые механизмы интеграции «разового» типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации в условиях реализации Стратегии научно-технологического развития России // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 163–172.

7. *Иноземцев М.И.* Модель самостоятельного присуждения ученых степеней: опыт МГИМО // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 12. С. 152–158.

8. *Казначеев Д.А.* Порядок присуждения ученых степеней в университетах Российской Империи: развитие научного и профессионального правосознания: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006. 280 с.

9. *Кузнецова О.А.* «Диссертационные» споры в судебной практике: к 10-летию действия положения о присуждении ученых степеней // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. Вып. 6. С. 92–111.

10. *Поляков М.П.* Диссертационный совет как уникальное явление и важнейший инструмент оптимизации научно-исследовательской деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД. 2019. № 4 (48). С. 360–365.

11. *Попова А.В.* Что необходимо поменять в системе высшего образования России в целях реализации поручений Президента Российской Федерации: практические соображения // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 247–268.

12. *Шуплецова Ю.И.* Отдельные вопросы присуждения ученых степеней как элемент научной аттестации // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 64–73.

References

1. *Belotserkovskiy A.V. Prisuzhdenie uchenykh stepeney v Rossii: zashchita ot kogo i ot chego* [Awarding of Academic Degrees in Russia: Protection from

Whom and from What]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2013. Issue 4. Pp. 37–44. (In Russ.)

2. Bogdan V.V. *Vliyanie kategorizatsii rossiyskikh nauchnykh zhurnalov na publikatsii soiskateley uchenykh stepeney* [Influence of the Categorization of Russian Scientific Journals on the Publications of Applicants for Academic Degrees]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* – Methodological problems of civilistic studies. 2024. Vol. 6. Pp. 43–51. (In Russ.)

3. Gabov A.V. *Gosudarstvennaya sistema nauchnoy attestatsii kak predmet pravovogo regulirovaniya v postsovetskoe vremya* [State System of Scientific Certification as a Subject of Legal Regulation in the Post-Soviet era]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* – Methodological Problems of Civilistic studies. 2020. Issue 2. Pp. 48–88. (In Russ.)

4. Gabov A.V. *Monitoring i kontrol deyatelnosti sovetov po zashchite dissertatsiy, sozdannykh organizatsiyami, imeyushchimi pravo samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenykh stepeney* [Monitoring and Control of the Activities of Dissertation Defense Councils Created by organizations that Have the Right to Independently Award Academic Degrees]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* – Methodological Problems of Civilistic Research. 2024. Vol. 6. Pp. 11–42. (In Russ.)

5. Zaytseva L.A., Matskevich I.M. *Eshche raz o dvukhurovnevoy sisteme prisuzhdeniya uchenykh stepeney (istoriya i sovremennost)* [Once Again about the Two-tier System of Awarding Academic Degrees (History and Modernity)]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2013. Issue 2. Pp. 2–13. (In Russ.)

6. Zbaratskiy B.A. *Organizatsionno-pravovye mekhanizmy integratsii «razovogo» tipa dissertatsionnogo soveta v gosudarstvennuyu sistemu nauchnoy attestatsii v usloviyakh realizatsii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii* [Organizational and Legal Mechanisms for Integrating the “One-time” Type of Dissertation Council into the State System of Scientific Certification in the Context of Implementing the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2023. Issue 5. Pp. 163–172. (In Russ.)

7. Inozemtsev M.I. *Model samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenykh stepeney: opyt MGIMO* [Model of Independent Awarding of Academic Degrees: the Experience of MGIMO]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher Education in Russia. 2019. Vol. 28. Issue 12. Pp. 152–158. (In Russ.)

8. Kaznacheev D.A. *Poryadok prisuzhdeniya uchenykh stepeney v universitetakh Rossiyskoy Imperii: razvitie nauchnogo i professional'nogo pravosoznaniya: dis. ... kand. ist. nauk* [The Procedure for Awarding Academic Degrees at Universities of the Russian Empire: Development of Scientific and Professional Legal Awareness: Dis. ... Cand. of his. sci.]. Pyatigorsk, 2006. 280 p. (In Russ.)

9. Kuznetsova O.A. «Dissertatsionnye» spory v sudebnoy praktike: k 10-letiyu deystviya polozheniya o prisuzhdenii uchenykh stepeney [Dissertation Disputes in Judicial Practice: on the 10th Anniversary of the Regulation on Awarding Academic Degrees]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* – Methodological Problems of Civilistic Studies. 2024. Vol. 6. Pp. 92–110. (In Russ.)

10. Polyakov M.P. *Dissertatsionnyy sovet kak unikalnoe yavlenie i vazhneyshiy instrument optimizatsii nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti* [Dissertation Council as a Unique Phenomenon and the Most Important tool for Optimizing Research Activities]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD* – Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs. 2019. Issue 4 (48). Pp. 360–365. (In Russ.)

11. Popova A.V. *Chto neobkhodimo pomenyat v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii v tselyakh realizatsii porucheniy Prezidenta Rossiyskoy Federatsii: prakticheskie soobrazheniya* [What Needs to be Changed in the Russian higher Education System in order to Implement the Instructions of the President of the Russian Federation: Practical Considerations]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* – The Rule of Law: Theory and Practice. 2021. Issue 4 (66). Pp. 247–268. (In Russ.)

12. Shupletsova Yu.I. *Otdelnye voprosy prisuzhdeniya uchenykh stepeney kak element nauchnoy attestatsii* [Certain Issues of Awarding Academic Degrees as an Element of Scientific Certification]. *Upravlenie nauкой: teoriya i praktika* – Science Management: Theory and Practice. 2023. Vol. 5. Issue 1. Pp. 65–73. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ю.Г. Лескова

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского, трудового
и корпоративного права Института права и национальной
безопасности

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр. 1

Researcher ID: G-7931-2017

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.1007/978-981-19-7411-3_16

DOI: 10.1051/e3sconf/202124410034

DOI: 10.35808/ijeba/620

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-264-289

DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).846-855

Information about the author:

Y.G. Leskova

Russian presidential Academy of national economy
and public administration

82 Vernadskogo Avenue, Building 1, Moscow, 119571, Russia

Researcher ID: G-7931-2017

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.1007/978-981-19-7411-3_16

DOI: 10.1051/e3sconf/202124410034

DOI: 10.35808/ijeba/620

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-264-289

DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).846-855

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПОРЯДКА ПРИСУЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ

С.Ю. Морозов¹

Ульяновский государственный университет

E-mail: fgslaw@mail.ru

Введение: статья посвящена проблемам, которые возникают у диссертационных советов в связи с применением утвержденного Постановлением Правительства РФ порядка присуждения ученых степеней. **Цель статьи:** показать некоторые недостатки и направления совершенствования системы аттестации научно-педагогических кадров, связанные с порядком присуждения ученых степеней. **Методы:** общенаучные и частно-научные методы, в том числе диалектика, анализ, синтез, сопоставление, описание и другие. **Результаты:** к числу таких проблем автор относит отсутствие учета рецензируемых монографий при оценке публикационной активности членов диссертационных советов, несовершенство системы распределения рецензируемых журналов по квартилям; отсутствие регламентации возможности использования в процессе защиты технических средств для диссертантов-инвалидов; проблемы, связанные с необходимостью проведения технических заседаний; проблемы, связанные с правилами, касающимися проекта заключения диссертационного совета; проблемы, связанные с определением момента присуждения ученой степени.

Ключевые слова: ученая степень; диссертационные советы; аттестация научно-педагогических кадров; оценка результативности; технические заседания.

¹ Работа © Морозов С.Ю. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

SUGGESTIONS TO IMPROVE THE PROCEDURE FOR AWARDING ACADEMIC DEGREES

S.Yu. Morozov

Ulyanovsk State University

E-mail: fgslaw@mail.ru

Introduction: *The article is devoted to the problems that dissertation councils encounter in connection with the application of the procedure for awarding academic degrees approved by the Decree of the Government of the Russian Federation. The goal of the article: to show some shortcomings and areas for improving the certification system of scientific and pedagogical personnel related to the procedure for awarding academic degrees. Methods: general scientific and specific scientific methods, including dialectics, analysis, synthesis, comparison, description, etc. Results: the author attributes to such problems the lack of consideration of peer-reviewed monographs when assessing the publication activity of dissertation council members, the imperfection of the system of distributing peer-reviewed journals by quartiles; the lack of regulation of the possibility of using technical means for disabled dissertation candidates in the defense process; problems related to the need to hold technical meetings; problems related to the rules concerning the draft conclusion of the dissertation council; problems related to determining the moment of awarding an academic degree.*

Keywords: *academic degree, dissertation councils; certification of scientific and pedagogical staff; performance assessment; technical meetings.*

Введение

Становление и развитие системы государственной аттестации научных кадров и присуждения ученых степеней и званий охватывает путь длиною в несколько сотен лет. В этой связи следует отметить, что 2024 год богат на юбилейные даты. В этом году исполнилось 260 лет с момента издания в 1764 г. Указа Екатерины II «О произвождении кандидатов, обучавшихся медицине, в докторы сего факультета, по собственным медицинской коллегии экзаменам» и 230 лет с момента, когда 29 марта 1794 г. Московским университетом был выдан первый в России диплом доктора наук (медицинских) Ф.И. Барсук-Моисееву по факту успешной им защиты диссертации «De respiration» («О дыхании») [2; 6]. Следует отметить, что уже на раннем этапе функционирования системы аттестации научных кадров статистика по ученым степеням за период 1794–1917 гг. показала следующее:

«Количество лиц, получивших ученые степени по университетам России, выглядит следующим образом: Санкт-Петербургский (Петроградский) университет – 9 288 чел. (22,4 %); Московский – 8 164 (19,6 %); Дерптский (Юрьевский) – 8 052 (19,4 %); Варшавский – 3 687; Харьковский – 3 584; Киевский – 3 461; Казанский – 2 725; Новороссийский – 2 029; Томский – 357; Виленский – 199; Саратовский – 3» [8, с. 148].

Кроме того, необходимо вспомнить, что исполнилось 90 лет со дня издания Постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. № 79 «Об ученых степенях и званиях», которым была введена привычная нам двухступенчатая система ученых степеней – кандидат наук и доктор наук [7, с. 79].

В настоящее время на территории Российской Федерации действует Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 16.10.2024) «О порядке присуждения ученых степеней», которое устанавливает критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, порядок представления, защиты диссертаций, порядок лишения, восстановления ученых степеней, рассмотрения апелляций, а также порядок рассмотрения диссертаций ВАК РФ. Данный нормативно-правовой акт устанавливает правила, укладывающиеся в парадигму двухступенчатой системы ученых степеней. Новая система аттестации научно-педагогических кадров доказала свою работоспособность и показала себя с лучшей стороны. Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (далее – ВАК РФ) проделала колоссальную работу для ее позитивного развития. Между тем, как и любая, даже самая хорошая, система, она нуждается в дальнейшем совершенстве. Рассмотрим некоторые недостатки и направления совершенствования системы аттестации научно-педагогических кадров, связанные с порядком присуждения ученых степеней.

Основной контент

1. При оценке публикационной активности членов диссертационных советов не учитываются рецензируемые монографии, несовершенной является система распределения журналов по квартилям.

Еще в 2017 году С.И. Пахомов, Н.И. Шишканова, В.А. Гуртов, И.В. Пенние пришли к выводу «о значительном несоответствии состава диссертационных советов, что обуславливается как завышенными требованиями к показателям публикационной активности, так и отсутствием анализа этих показателей на уровне организаций в целом по составу диссертационного совета» [5, с. 208].

В.М. Филиппов еще 10 лет назад настаивал: «Члены диссовета должны показать свою научную результативность. Сколько, например, работ они опубликовали за последние три — пять лет в ведущих научных журналах. Надо, чтобы это были люди, находящиеся на переднем крае науки»¹. Это вполне справедливое требование сейчас реализуется на практике.

Согласно рекомендации Пленума ВАК РФ № 2-нк/1 от 26 октября 2022 г. с 1 сентября 2023 г. устанавливаются критерии оценки результативности к членам диссертационных советов². Таким критерием является публикация за последние 5 лет не менее 8 статей в изданиях, отнесенных к категории К-1 и К-2, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, либо в научных изданиях, индексируемых в базе данных RSCI, или в научных изданиях из Q1 и Q2, индексируемых международными базами данных, перечень которых определен в соответствии с рекомендациями ВАК.

При этом рецензируемые монографии не учитываются. Получается, что опубликованная на 7 страниц статья имеет научный вес больше, чем монография на несколько сотен страниц. Конечно, статью отрецензировать и оценить легче. Однако это не повод для того, чтобы отказаться от идеи оценки или индексации монографий. Не учитываются и статьи, опубликованные в сборниках, в частности в таком уважаемом сборнике, как «Пермские методологические чтения».

Требует дальнейшего совершенствования и система ранжирования рецензируемых журналов. Как справедливо отмечает Б.Г. Миркин, «работающая система научных сообществ позволит структурировать журнальную деятельность так, чтобы “хорошие” журналы не назначались начальством, как сейчас (так называемый перечень ВАКа), а возникали в результате деятельности сообществ» [3, с. 292]. Одним из объективных критериев является импакт-фактор журнала.

В этой связи первое предложение заключается в совершенствовании критериев оценки кандидатов в члены и членов диссертационных советов. Требуется дальнейшее совершенствование распределения рецензируемых журналов по квартилям.

2. Вторая проблема, с которой мы столкнулись на практике, — это возможность использования в процессе защиты технических средств для диссертантов-инвалидов. Никаких запретов на это не установлено, но и упоминаний в нормативных документах по этому поводу никаких нет.

В диссертационный совет обратился один из научных руководителей по диссертации на соискание ученой степени кандидата юридиче-

¹ Механизм заработал // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/07/30/filipp1/>.

² СПС «КонсультантПлюс».

ских наук. В процессе написания диссертации у его соискателя в результате онкологического заболевания пропала речь. Как выяснилось, техническая возможность переводить текст, набранный соискателем на клавиатуре в голосовое сообщение, имеется, поскольку существуют соответствующие бесплатные компьютерные программы, позволяющие это делать. А вот с точки зрения правовых возможностей имеется пробел, который следует восполнить. Кто-то, вероятно, возразит, что возможность защиты для инвалидов и так вполне очевидна и не требует дополнительного регулирования.

Между тем таким же очевидным возможностям перевода на иностранный язык в Положении уделено достаточное внимание. Согласно п. 15 Положения о присуждении ученых степеней защита диссертации проводится на русском языке, при необходимости диссертационным советом обеспечивается синхронный перевод на иной язык. Иностранному гражданину, подготовившему диссертацию на соискание ученой степени, предоставляется право защиты диссертации на иностранном языке в диссертационном совете, если локальными нормативными актами, регулирующими деятельность такого диссертационного совета, предусмотрена возможность защиты диссертации на иностранном языке.

Представляется, что на современном этапе развития общества вопросам инклюзивного образования (от лат. *includere* — включать) и равного обеспечения реализации возможностей инвалидов в сфере науки должно уделяться большое внимание. Несколько перефразировав утверждение, сделанное учеными в области педагогики, отметим, что если системе когда-нибудь удастся подстроиться под каждого соискателя ученой степени, то мир и государство получают инклюзию — полное включение всех желающих защитить диссертацию в единое сообщество, умное и счастливое [4, с. 313]. Человеку следует обеспечить возможность защиты диссертации независимо от имеющихся физических особенностей. Однако в связи с этим могут возникнуть вопросы, связанные с требованиями к используемому программному обеспечению, а также с обязанностью диссертационного совета такое обеспечение предоставить или с возложением этой заботы самого соискателя. Насколько допустимы искажения техническими средствами излагаемых соискателем мыслей?

Предложение заключается в необходимости включения в Положение о присуждении ученых степеней правил, закрепляющих возможность лиц с ограниченными физическими возможностями защищать диссертации с использованием средств технической поддержки.

3. О формах работы диссертационных советов и необходимости технических заседаний, принятие к защите.

В соответствии с п. 18 Положения диссертационный совет **обязан** принять диссертацию к предварительному рассмотрению при наличии положительного заключения организации, где выполнялась диссертация, и документов, которые предусмотрены перечнем, утвержденным Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, а также при условии размещения соискателем ученой степени полного текста диссертации на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети Интернет.

Иначе говоря, усмотрения на данном этапе нет, соответственно заседание не имеет смысла. Соберется диссертационный совет или нет, он все равно обязан принять диссертацию к предварительному рассмотрению. Усмотрение появляется только при решении о принятии работы к защите, то есть на следующем этапе.

Аналогичная ситуация складывается и применительно к п. 38 Положения, согласно которому соискатель ученой степени вправе отозвать диссертацию с рассмотрения в диссертационном совете до принятия диссертационным советом решения по вопросу присуждения ученой степени. На основании заявления соискателя ученой степени об отзыве диссертации с рассмотрения диссертационный совет снимает указанную диссертацию с рассмотрения, кроме указанных случаев. После снятия диссертации с рассмотрения по письменному заявлению соискателя ученой степени она может быть представлена к защите в порядке, установленном настоящим Положением. Усмотрения в данном случае также нет, есть императивные предписания, которые вне зависимости от факта проведения заседания диссертационного совета все равно придется выполнять. Однако в п. 22 Положения о диссоте указано, что основной формой деятельности диссертационного совета является заседание. Участники заседания диссертационного совета могут присутствовать на заседании в очной форме (в месте проведения заседания) или в удаленной форме (в удаленном интерактивном режиме). Иные формы деятельности диссовета не указаны совсем. Проведение заседания даже с участием членов совета в удаленной форме требует очного присутствия большого количества членов совета (не менее половины кворума, п. 22 (2) Положения), а при объединенном совете вузов разных субъектов существует необходимость приезжать на заседание.

Имеет смысл внести изменения о формах деятельности диссертационного совета путем принятия единоличного решения председательствующим в случаях обязательного принятия решения, прямо предписанного нормативными документами.

4. Следующая проблема связана с правилами, касающимися проекта заключения диссертационного совета.

В приложении № 4 к Положению о диссоте, утвержденному приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093 (в ред. от 14.12.2023) содержится рекомендованный образец заключения диссертационного совета. В нем, в частности, предлагается обосновать теоретическую значимость исследования тем, что изучены, например, связи данного явления с другими, генезис процесса, внутренние и внешние противоречия, факторы, причинно-следственные связи.

Представляется, что теоретическая значимость должна иметь какое-то практическое выражение в виде определенного результата. Исследование значимо, если оно обогащает теорию. Изучение же — это всего лишь процесс, который может привести либо не привести к результату. Оно способно обогатить внутренний мир самого ученого, совершенствовать его субъективные знания, но для развития теоретической науки может никакого значения не иметь. Однако, несмотря на рекомендательный характер установленного образца, комиссия диссертационного совета, подготовившая проект заключения, вынуждена в нем использовать указанные формулировки.

Далее, при оценке достоверности результатов исследования в качестве примера рекомендуется использовать следующую формулировку: «установлено качественное и/или количественное совпадение авторских результатов с результатами, представленными в независимых источниках по данной тематике, в тех случаях, когда такое сравнение является обоснованным». Данная рекомендация вступает в явное противоречие с п. 10 Положения о присуждения ученых степеней, в котором установлено, что диссертация должна быть написана автором самостоятельно, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку. Если же результаты исследования данного автора совпадают с результатами других, то ни о какой самостоятельности, научной новизне и личном вкладе в науку речи быть не может.

В образце рекомендуется еще одна формулировка, касающаяся личного вклада соискателя. По мнению разработчиков образца, такой вклад состоит в непосредственном участии соискателя в получении исходных данных и научных экспериментах, в личной подготовке основных публикаций. На первый взгляд, может возникнуть вопрос: а что, возможно как-то по-другому? Конечно же возможно. При этом следует различать два случая. Первый случай связан с ситуацией, когда диссертационное исследование вместо автора выполнил полностью кто-то другой. И здесь следует согласиться с А.А. Клишасом, который пишет: «Что касается “услуг” по написанию научных работ, то для

предотвращения этого процедура защиты должна предполагать серьезное, длительное и глубокое общение с соискателем на предмет того, что является основой его исследования»¹. Второй случай — это когда такое исследование является частью большой коллективной работы и эту часть необходимо четко вычленить и отграничить от труда других исполнителей.

Вместе с тем сводить личный вклад соискателя к тому, что он лично выполнил исследование, представляется недостаточным. Вполне реальна ситуация, когда самостоятельность исследования налицо, а вклада в науку никакого нет. В литературе верно отмечается, что научный результат становится вкладом в науку тогда, когда он обогащает современную систему знаний и методов их получения в определенной области специализации науки [1, с. 27]. Следует согласиться и с тем, что «научный вклад включает две главные составляющие: (а) уровень результатов и (б) пользу, т.е. вклад в промышленность/экономику/общество. Эти составляющие критерии коррелированы, но, увы, далеко не совпадают» [3, с. 292].

В отдельном документе — «Заключение диссертационного совета» личный вклад исследователя описывается подробно, с конкретизацией: что он сделал самостоятельно и лично (какие попытки и действия предпринял при изучении темы и решении проблемы), в чем заключается суть его разработки (новизна, значимость), достоверность решения (результаты апробации), где можно найти соответствующие факты, помимо диссертации (научные статьи и работы, иные исследования и пр.).

Далее автор иллюстрирует ситуацию следующим образом: «Вот два “крайних” примера того, что критерии действительно отличаются. Признанный классик науки, основатель генетики Грегор Мендель (1822–1884), совершивший переворот в науке о наследственности, умер в безвестности. <...> Напротив, работа экономиста-социолога Карла Маркса (1818–1883) получила огромную популярность и оказала колоссальное влияние на общественные процессы во всем мире, особенно в России. Между тем, уровень его научных результатов — крайне сомнительный» [3, с. 293].

На наш взгляд, личный вклад соискателя должен быть конкретным и соотноситься с определенными разделами юридической науки. Например, автором усовершенствована теория обязательственного права в части перемены лиц в обязательстве.

¹ Клишас А.А. Ученые должны сами определить порядок присуждения научных степеней // Совет Федерации: сайт. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/31547/>.

5. Существует неясность с моментом присуждения ученой степени. Согласно п. 2 Положения о присуждении ученых степеней ученая степень доктора наук присуждается **советом** по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по результатам публичной защиты диссертации соискателем ученой степени, имеющим ученую степень кандидата наук. В п. 3 Положения указывается, что ученая степень кандидата наук присуждается **диссертационным советом** по результатам публичной защиты диссертации соискателем ученой степени, успешно сдавшим кандидатские экзамены при освоении программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) или без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре).

Вместе с тем п. 7. устанавливает, что решение о выдаче диплома доктора наук или кандидата наук принимает Министерство науки и высшего образования Российской Федерации на основании решения диссертационного совета о присуждении ученой степени доктора наук или кандидата наук.

В соответствии с п. 7 и 48 Положения о присуждении ученых степеней решение о выдаче диплома кандидата наук или доктора наук принимает Минобрнауки России на основании решения диссертационного совета о присуждении ученой степени доктора наук или кандидата наук. При этом на основании п. 5 и 48 Положения Минобрнауки России может быть принято решение об отмене решения диссертационного совета о присуждении ученой степени и отказе в выдаче диплома. Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение о присуждении ученой степени кандидата наук вступает в силу со дня издания приказа Минобрнауки России о выдаче диплома, подтверждающего присуждение соответствующей ученой степени. Согласно п. 8 Единых рекомендаций по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2025 год право на изменение оплаты труда при присуждении ученой степени доктора наук или кандидата наук возникает со дня принятия Министерством образования и науки Российской Федерации решения о выдаче диплома¹. Аналогичное положение содержится в п. 5.4 Отраслевого соглашения по организациям, находящимся в ведении Министерства образования и науки

¹ Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2025 год (утв. решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 23 декабря 2024 г., протокол № 10пр) // Российская газета. 2025. 17 янв.

Российской Федерации, на 2024–2026 годы¹. Соответственно, право на оклад с учетом ученой степени возникает с даты издания приказа Минобрнауки РФ.

Следует также отметить, что лишение степени возможно в течение 10 лет (!).

Заключение

Таким образом, для регулирования указанного вопроса на едином уровне необходимо в Положении о порядке присуждения ученых степеней прописать момент присуждения степени.

Еще раз подчеркнем, что высказанные замечания направлены не на критику положения о порядке присуждения ученых степеней, а на его совершенствование и развитие.

Библиографический список

1. *Батько Б.М.* Соискателю ученой степени. Практические рекомендации (от диссертации до аттестационного дела). 4-е изд., перераб., доп. М.: СИПРИА, 2002. 288 с.
2. *Зайцева Л.А., Мацкевич И.М.* Еще раз о двухуровневой системе присуждения ученых степеней (история и современность) // Юридическое образование и наука. 2013. № 2. С. 2–13.
3. *Миркин Б.Г.* О понятии научного вклада и его измерителях // Управление большими системами. 2013. Спец. вып. 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. С. 292–307.
4. *Самохин И.С., Соколова Н.Л., Сергеева М.Г.* Содержание основных понятий инклюзивного образования // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 311–327.
5. *Шишканова И.А., Пахомов С.И., Гуртов В.А., Пенние И.В.* Критерии оценки деятельности диссертационных советов для трансформации национальной сети аттестации кадров ВНК // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 208–216.
6. *Шуплецова Ю.И.* Отдельные вопросы присуждения ученых степеней как элемент научной аттестации // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 64–73.

¹ Отраслевое соглашение по образовательным организациям высшего образования, находящимся в ведении Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, на 2024–2026 годы (утв. Минобрнауки России, Профсоюзом работников народного образования и науки РФ 9 апреля 2021 г.) (ред. от 01.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Якимович Е.П., Суржик С.С., Доронина Н.А., Семенова Д.В. Развитие системы подготовки кадров высшей квалификации: исторический аспект // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. Т. 6. № 6. С. 79.

8. Якушев А., Коннова С. Присуждение ученых степеней в университетах империи (Статистический анализ) // Высшее образование в России. 2006. № 3. С. 147–149.

References

1. Batko B.M. *Soiskatelyu uchenoy stepeni. Prakticheskie rekomendatsii (ot dissertatsii do attestatsionnogo dela). 4-e izd., pererab., dop.* [For the Applicant for an Academic Degree. Practical Recommendations (from Dissertation to Certification File). 4th edition, revised, supplemented]. Moscow, 2002. 288 p. (In Russ.)

2. Zaitseva L.A., Matskevich I.M. *Eshe raz o dvukhurovnevoy sisteme prisuzhdeniya uchonykh stepeney (istoriya i sovremennost')* [Once Again about the Two-tier System of Awarding Academic Degrees (History and Modernity)]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* – Legal Education and Science. 2013. Issue 2. Pp. 2–13. (In Russ.)

3. Mirkin B.G. *O ponyatii nauchnogo vklada i ego izmeritelyakh* [On the Concept of Scientific Contribution and Its Measures]. *Upravlenie bol'shimi sistemami* – Management of Large Systems. 2013. Special Issue 44: «Scien-tometrics and Expertise in Science Management». Pp. 292–307. (In Russ.)

4. Samokhin I.S., Sokolova N.L., Sergeeva M.G. *Soderzhanie osnovnykh ponyatii inklyuzivnogo obrazovaniya* [The Contents of the Main Concepts of Inclusive Education]. *Nauchnyy dialog* – Scientific Dialogue. 2016. Issue 9 (57). Pp. 311–327. (In Russ.)

5. Shishkanova I.A., Pakhomov S.I., Gurtov V.A., Pennie I.V. *Kriterii otsenki deyatel'nosti dissertatsionnykh sovetov dlya transformatsii natsional'noy seti attestatsii kadrov VNK* [Criteria for Assessing the Activities of Dissertation Councils for the Transformation of the National Network for Certification of Higher Scientific Research Personnel]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2017. Issue 4 (77). Pp. 208–216. (In Russ.)

6. Shupletsova Yu.I. *Otdel'nye voprosy prisuzhdeniya uchonykh stepeney kak element nauchnoy attestatsii* [Certain Issues of Awarding Academic Degrees as an Element of Scientific Certification]. *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika* – Science Management: Theory and Practice. 2023. Vol. 5. Issue 1. Pp. 64–73. (In Russ.)

7. Yakimovich E.P., Surzhik S.S., Doronina N.A., Semenova D.V. *Semyonova D.V. Razvitiye sistemy podgotovki kadrov vysshey kvalifikatsii: istoricheskiy aspekt* [Development of the system of training highly qualified personnel:

historical aspect]. *Internet-zhurnal «Mir nauki»* – Internet journal «World of Science». 2018. Vol. 6. Issue 6. P. 79.

8. Yakushev A., Konnova S. *Prisuzhdenie uchonykh stepeney v universitetakh imperii (Statisticheskiy analiz)* [Awarding of Academic Degrees at Universities of the Empire (Statistical Analysis)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher Education in Russia. 2006. Issue 3. Pp. 147–149. (In Russ.)

Информация об авторе:

С.Ю. Морозов

Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета,
заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права
Ульяновский государственный университет,
432007, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42.

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-199-207.

DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.259.

DOI: 10.33397/2619-0559-2022-4-4-29-47.

DOI: 10.18572/1812-3929-2021-7-37-42.

DOI: 10.35808/ijeba/620.

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-181-191.

Information about the author:

S.Yu. Morozov

Ulyanovsk State University,
42 st. L. Tolstoy, Ulyanovsk, 432007, Russia.

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-199-207.

DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.259.

DOI: 10.33397/2619-0559-2022-4-4-29-47.

DOI: 10.18572/1812-3929-2021-7-37-42.

DOI: 10.35808/ijeba/620.

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-181-191.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 34.340.5; 347.113



DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2025-7-7-70-86>

ЗА РАЗВИТИЕМ УЧЕНИЯ Е.В. ВАСЬКОВСКОГО – БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В.П. Камышанский¹

Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
E-mail: vpkam@rambler.ru

Введение: повышение эффективности гражданско-правового регулирования возможно не только и не столько за счет принятия новых законодательных актов, сколько за счет умения извлекать логические нормы из текстов действующих нормативных актов. **Цель:** показать ключевые направления дальнейшего развития положений теоретических основ учения Е.В. Васьковского о толковании и применении гражданского законодательства с учетом сложившейся системы гражданского права и потребностей гражданского оборота в Российской Федерации. **Методы:** логический анализ, метод сравнения, исторический метод. Структурный метод использован при анализе структуры нормы гражданского права, выявлении ее внутренних элементов и взаимных связей между ними. Исторический метод позволил раскрыть развитие учения о толковании в хронологической

¹ Работа © Камышанский В.П. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

последовательности. Формально-юридический метод позволил раскрыть толкование как метод познания посредством специальных юридических приемов: вывода от противоположного (*a contrario*), вывода степени (*a fortiori*), а также вывода от последующего правового явления к предыдущему и наоборот. **Результаты:** 1) обоснован вывод о том, что принятие новых законодательных актов не всегда является обоснованным и целесообразным, поскольку отсутствие текстуально закрепленных норм вполне можно восполнить логическими нормами, выведенными из контекста действующего законодательства путем их толкования посредством специальных юридических приемов; 2) излишнее законотворчество нарушает принцип экономичности законотворческого процесса; 3) использование анализа в процессе толкования как общенаучного метода познания позволяет разложить правовые нормы законодательных актов на отдельные простые элементы, извлечь из них дополнительно к текстуально выраженным нормам логически закрепленные нормы и затем путем синтеза смоделировать целостную правовую конструкцию в качестве конечного результата толкования исследуемой нормы права.

Ключевые слова: цивилистическая методология; учение Е.В. Васьковского; толкование закона; логическая норма; контекст нормы права; законотворчество; вывод от противоположного (*a contrario*); вывод степени (*a fortiori*); вывод от последующего правового явления к предыдущему; вывод от предыдущего правового явления к последующему.

THE DEVELOPMENT OF E.V. VASKOVSKY'S TEACHINGS IS THE FUTURE OF CIVILISTIC METHODOLOGY

V.P. Kamyshansky

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

E-mail: vpkam@rambler.ru

Introduction: increasing the efficiency of civil law regulation is possible not only and not so much through the adoption of new legislative acts, but through the ability to extract logical norms from the texts of existing regulatory acts. **Objective:** to show the key areas of further development of the provisions of the theoretical foundations of E.V. Vaskovsky's teachings on the interpretation and application of civil legislation, taking into account the existing system of civil law and the needs of civil circulation in the Russian Federation. **Methods:** logical analysis, comparison method, historical method. The structural method was used to analyze the structure of a civil law norm, identify its internal elements and the interrelations between them. The historical method made it possible to reveal the development of the doctrine of interpretation in chronological order. The formal legal method made

it possible to reveal interpretation as a method of cognition through special legal techniques: inference from the opposite (a contrario), inference of degree (a fortiori), as well as inference from a subsequent legal phenomenon to a previous one and vice versa. Results: 1) the conclusion is substantiated that the adoption of new legislative acts is not always justified and expedient, since the absence of textually enshrined norms can be fully compensated for by logical norms deduced from the context of the current legislation by interpreting them through special legal techniques; 2) excessive lawmaking violates the principle of economy of the lawmaking process; 3) the use of analysis in the process of interpretation as a general scientific method of cognition makes it possible to decompose legal norms of legislative acts into separate simple elements, extract from them, in addition to textually expressed norms, logically enshrined norms and then, through synthesis, model a holistic legal structure as the final result of interpretation of the legal norm under study.

Key words: *civilistic methodology; the teaching of E.V. Vas'kovsky; interpretation of the law; logical norm; context of the legal norm; lawmaking; inference from the opposite (a contrario); inference of degree (a fortiori); inference from a subsequent legal phenomenon to a previous one; inference from a previous legal phenomenon to a subsequent one.*

Введение

Следует признать, что Пермский государственный университет за последнее десятилетие стал признанным центром и экспериментальной площадкой по разработке методологических проблем в современной науке гражданского права. Тем самым конкретными делами мы отдаем дань светлой памяти нашему коллеге и другу Михаилу Юрьевичу Чельшеву. Анализ содержания материалов сборников прошедших конференций показывает, что за десять лет удалось сформировать добротную методологическую основу для проведения научных исследований в различных сферах частного права. Пермские методологические чтения по проблемам цивилистических исследований являются базовым сателлитом проекта Межрегионального российского форума классической юридической университетской науки и носят системный характер, что заслуживает признательности и уважения к его организаторам.

В последние годы появился целый ряд крупных работ, посвященных проблемам юридической методологии юридической науки [13], в том числе из-под пера ученых-цивилистов [1; 5; 16]. Вместе с тем потребности законотворческой деятельности и правоприменительной практики требуют от нас освоения новых методов толкования гражданско-правовых актов, позволяющих существенно сократить объем принимаемых законодательных актов за счет выявления и за-

полнения так называемых пробелов в законодательстве логически установленными нормами. Эти нормы незримо присутствуют в текстах гражданского законодательства, но, к сожалению, зачастую остаются не замеченными правоприменителями при разрешении споров в суде. Вместо этого инициируется принятие нового закона.

За каждым спорным правоотношением можно признать или отрицать правовые «качества» определенных юридических явлений, что позволяет урегулировать возникающие в гражданском обороте правовые коллизии между его участниками. Профессор С.И. Аскназий, исследуя общие вопросы методологии гражданского права, отмечал, что рекомендуемая Е.В. Васьковским и Р. Иерингом «догматическая переработка» правового материала позволяет соответствующие правовые качества получать «из самих себя», из правовых понятий, представляющих собой «лишь индуктивное обобщение материала законодательства и гражданского оборота. На этих путях может быть установлено соответствие правового регулирования существующим положениям закона» [2, с. 126—127].

Избыточное законотворчество — не единственный путь совершенствования законодательства и правоприменительной практики

Практическая значимость значительной части диссертационных исследований в сфере частноправовых (цивилистических) наук гражданского права в большей мере направлена на выработку предложений по изменению действующего законодательства. Докторанты и аспиранты в текстах своих диссертаций, как правило, продолжают выдвигать многочисленные предложения о внесении изменений в действующее законодательство. Они могут выглядеть в виде доктринально сформированных предложений либо в форме буквальной редакции предлагаемой нормы права. Тем самым юридическая наука продолжает призывать наших законодателей к ускорению темпов законотворческой деятельности, которые давно превзошли все разумные пределы [8, с. 181—190].

Однако далеко не всегда принятие новых законов является необходимым и оправданным. Не будем ходить далеко за примером. Достаточно обратиться к недавно принятому Федеральному закону от 11 марта 2024 г. № 48-ФЗ «О внесении изменений в статью 123.22 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Зако-

¹ Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 48-ФЗ «О внесении изменений в статью 123.22 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 13 мар.

нодатель предлагает дополнить п. 5 ст. 123.22 ГК РФ абзацем следующего содержания: «В случае ликвидации бюджетного учреждения при недостаточности имущества бюджетного учреждения, на которое в соответствии с абзацем первым настоящего пункта может быть обращено взыскание, субсидиарную ответственность по обязательствам бюджетного учреждения, вытекающим из публичного договора, несет собственник имущества бюджетного учреждения».

Спрашивается: зачем принимать эту специальную норму применительно к случаю ликвидации бюджетного учреждения и только по обязательствам, вытекающим из публичного договора? Ведь ее вполне можно вывести с помощью элементарного дедуктивного умозаключения. В ГК РФ уже существует общее правило, в силу которого при недостаточности денежных средств учреждения субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения несет собственник соответствующего имущества (п. 3 ст. 123.21 ГК РФ). Из этого следует, что, во-первых, если собственник соответствующего имущества несет субсидиарную ответственность по обязательству любой организационно-правовой формы учреждения (казенного, бюджетного, автономного), то он несет субсидиарную ответственность и по обязательствам бюджетного учреждения. Во-вторых, если собственник несет субсидиарную ответственность по любому обязательству учреждения при недостаточности денежных средств и имущества бюджетного учреждения, то он несет ответственность и по обязательствам, вытекающим из публичного договора. В-третьих, общая норма, закрепленная в п. 3 ст. 123.21 ГК РФ, распространяется как в отношении действующего бюджетного учреждения, так и в отношении бюджетного учреждения, по которому принято решение о его ликвидации.

Таким образом, следует признать, что реализацией обозначенной новации в ГК РФ законодатель не добавил ничего в копилку укрепления законности и правопорядка в России. Более того, она привела к возникновению противоречия между вновь принятой специальной нормой и общим правилом, уже закрепленным в п. 3 ст. 123.21 ГК РФ и действующим на момент принятия нового закона.

Или возьмем, к примеру, один из законопроектов 2024 г. с поправками в Закон «О защите прав потребителей», инициатором которого выступил председатель комитета Госдумы РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов Я. Нилов¹. Предлагается закрепить норму, в силу которой «потребитель вправе до оплаты продовольственного товара употребить такой товар на территории продавца (торговый зал) при условии наличия индивидуальной упаковки у товара, точной стои-

¹ URL: https://t.me/nilov_official/4731.

мости за единицу товара и с последующей обязательной оплаты товара потребителем через кассу». В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что сейчас законодательство не содержит ни прямого запрета, ни разрешения на совершение потребителем таких действий. Из-за этого случаются конфликты [10].

Следует признать, что мы привыкли воспринимать любое правовое положение в повелительной форме в виде запрета, обязывания, дозволения. Казалось бы, к чему принятие этой нормы, когда из конклюдентных действий покупателя совершенно очевидно следует, что он уже заключил с продавцом договор розничной купли-продажи и ему остается в рамках возникшего правоотношения исполнить обязанность по оплате товара.

Важнейшей задачей науки гражданского права является выработка новых доктринальных подходов к правовому регулированию общественных отношений, возникающих в обществе и имеющих особую социальную значимость. С прекращением СССР и возникновением Российской Федерации как суверенного государства наблюдается интенсивная законотворческая деятельность на федеральном уровне, в том числе в сфере гражданского законодательства. Ежегодно Государственная Дума РФ принимает сотни законов, нормы которых порой дублируют уже существующие, содержат противоречия или неопределенность, что затрудняет работу правоприменителей при разрешении конфликтных ситуаций. По сути, законодатель пытается урегулировать отношения, которые вполне можно урегулировать посредством уже имеющихся законодательных актов путем извлечения из них логически закреплённых норм в процессе толкования. Избыточность принимаемых законодательных актов создает определенные проблемы в процессе их правоприменения.

Рудольф фон Иеринг о количественном богатстве правовых положений как признаке слабости и о скрытых правовых положениях

В связи с изложенным представляется целесообразным сосредоточить дальнейшее развитие науки гражданского права на выявлении логически закреплённых норм, содержащихся в действующих законодательных актах. К сожалению, в современной науке гражданского права решением этой проблемы, за редким исключением [14, с. 141–148; 12], пока никто серьезно не занимается. Продолжают оставаться невостребованными научные заделы наших предшественников. Для этого весьма полезно вспомнить хорошо забытые и до сих пор практически не востребованные научные наработки

в сфере цивилистической методологии более чем вековой давности немецкого профессора Рудольфа фон Иеринга и последовательного продолжателя развития его идей российского профессора Евгения Владимировича Васьяковского. Парадокс заключается в том, что имена этих ученых нам хорошо известны и продолжают оставаться на слуху. Мы их даже регулярно вспоминаем и цитируем. Однако их глубокие научные идеи в сфере цивилистической методологии не получили должного развития в трудах последующих научных поколений цивилистов, в том числе в трудах советских и российских ученых-цивилистов XX и XXI веков.

Свои научные позиции немецкий ученый Рудольф фон Иеринг изложил в 1875 г. в известной работе «Дух римского права» [6, с. 5]. Рудольф фон Иеринг считал, что *правовые положения представляют собой только самые внешние, практические верхушки права, не исчерпывающие ни количественно, ни качественно его действительного содержания* (выделено мною. — В. К.). Он пишет, что не следует отождествлять права с правовыми положениями. В правовых положениях содержится не само право, а *осознание* (курсив Р. Иеринга. — *Прим. авт.*) своего права. Поскольку правовые положения — это только часть права, необходимо «выводить на свет Божий *скрытые правовые положения*» [6, с. 54] (выделено мною. — В. К.).

Рудольф фон Иеринг пишет, что «посредством комбинации различных элементов наука может образовывать новые *понятия* и новые *правовые положения*» [6, с. 58]. Юридические понятия, вступая между собой в определенные взаимоотношения, обладают способностью воспроизводить новые правовые положения. В свою очередь, закрепленные в законе правовые положения таким свойством не обладают и сохраняют свои регулятивные свойства без изменения.

Анализ и последующая системная обработка закрепленных в законе правовых положений позволяют формировать новые юридические понятия (логические нормы), оказывающие влияние на само право через «возвышение правовых положений на степень логических моментов системы» [6, с. 58], то есть путем их логического толкования. Это дает возможность избавить законодателя от необходимости пытаться на уровне закрепленных в законе норм исчерпывающе обеспечить правовое регулирование бесчисленного множества жизненных ситуаций.

Здесь вновь уместно вспомнить Рудольфа фон Иеринга, который писал, что «*количественное богатство правовых положений есть признак слабости*». Оно свидетельствует о бессилии «извлечь из множества правовых положений логическую квинтэссенцию и принять ее в плоть и кровь» [6, с. 59]. Профессор **Рудольф фон Иеринг** оценивал понимание

норм права в повелительной форме как *невежество*. По его мнению, значительная часть системы права может совершенно обойтись без формальной легализации и эту часть может вполне заменить догматическая логика, которая может иметь гораздо большее практическое значение, чем правовые положения. Логику права он считал цветом правовых положений, его квинтэссенцией. В одном логически верно сформированном понятии может содержаться практическое содержание десятка прежних правовых положений [6, с. 56].

Учение Е.В. Васьковского о приемах толкования и о применении гражданских законов

Дальнейшее развитие идей Рудольфа фон Иеринга мы видим в работах Евгения Владимировича Васьковского, который в 1901 г. (124 года назад) защитил в Казанском университете докторскую диссертацию «Учение о толковании и применении гражданских законов». Эта диссертация составила первую часть его «Цивилистической методологии» [4, с. 508].

По нашему глубокому убеждению, толкование правовых норм не может ограничиваться только определением прямого, непосредственного смысла закрепленной в законе или иных правовых актах нормы путем ее уяснения и последующего разъяснения. В своей докторской диссертации дореволюционный русский цивилист Евгений Владимирович Васьковский писал, что толкование «должно обнаруживать еще и скрытое их содержание» [4, с. 88–89]. Юридические нормы представляют собой правила, построенные в форме логического суждения. В связи с этим из них, как из любого другого суждения, могут быть сделаны по правилам логики умозаключения, в результате которых появляются новые суждения, то есть новые нормы [3].

Любая юридическая норма, закрепленная в законодательстве, представляет собой своего рода аксиому, носит достоверный характер и не нуждается в каких-либо доказательствах. Она выражает волю законодателя и носит обязательный характер для граждан и юридических лиц. Поскольку любое достоверное суждение может служить основанием для последующих определенных умозаключений или логических выводов, «из норм также могут быть добываемы по правилам логики суждения, столь же достоверные и обязательные, как и сами нормы» [4].

Цель логического развития норм состоит в том, чтобы получить новые нормы, которые представляют собой суждения столь же достоверные, как и те нормы, которые послужили им основанием [4,

с. 283]. Выявлять наличие логических норм в законодательных актах возможно, используя следующие приемы:

- путем заключения по аналогии;
- при помощи вывода *a contrario* (лат. «аргумент от противного»);
- при помощи вывода *a fortiori* (лат. «тем более» аргумент, вывод степени);
- путем определения преимущества одной нормы перед другой при их применении, разрешения конкуренции между нормами;
- путем заключения от условий (причин) к следствию и обратно [4, с. 302–305].

Вывод от противного (вывод *a contrario*) (или противоположного) базируется на том, что утверждение чего-либо есть исключение противоположного. Это правило основано на законе непротиворечия: два несовместимых, противоположных суждения о содержании нормы не могут быть одновременно истинными [9, с. 17]. В силу сложившейся традиции этот закон в литературе принято именовать законом противоречия, хотя под названием «закон непротиворечия» он более точно отражает его смысл. Закрепленная в законе норма является основанием для отыскания противоположной ей логически закрепленной нормы, относящейся к случаям, не предусмотренным первой нормой.

Например, в ст. 3 и п. 1 ст. 5 ГК РФ мы не найдем утверждения о том, что обычай является источником гражданского права. Вместе с тем анализ п. 2 ст. 5 ГК РФ (обычаи, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются) позволяет обнаружить логически закрепленную норму, согласно которой обычаи применяются и, следовательно, регулируют гражданские отношения. В том случае, когда правила, подпадающие под определение обычая, содержащееся в п. 1 ст. 5 ГК РФ, не противоречат обязательным для сторон соответствующего правоотношения положениям законодательства или заключенному ими договору, обычай является источником гражданского права.

Логически закрепленные нормы гражданского права, по общему правилу, способны конкурировать с текстуально закрепленными правовыми нормами. Наибольший массив правовых норм, логически закрепленных в актах законодательства, представляют правовые нормы, которые обнаруживаются при толковании при помощи вывода *a contrario*. Эти правовые нормы не могут применяться в противоречии с текстуально закрепленными правовыми нормами [14, с. 141], хотя из этого правила есть исключения.

Умозаключение степени (*a fortiori*) складывается из двух правил:

- 1) кто управомочен или обязан к большему, тот управомочен или обя-

зан к меньшему (*argumentum a majori ad minus*); 2) кому воспрещено меньшее, тому воспрещено большее (*argumentum a minori ad majus*).

Е.В. Васьковский пишет, что один из выводов *a fortiori* формируется в виде суждения: кто управомочен или обязан к большему, тот управомочен или обязан к меньшему. При этом сравнимые предметы и обстоятельства должны быть однородными. Иначе заключение *a fortiori* недопустимо [4, с. 290–291].

Например, согласно п. 1 ст. 689 ГК РФ по договору безвозмездного пользования (договору ссуды) одна сторона (ссудодатель) обязуется передать или передает вещь в безвозмездное временное пользование другой стороне (ссудополучателю), а последняя обязуется вернуть ту же вещь в том состоянии, в каком она ее получила с учетом нормального износа, или в состоянии, обусловленном договором. Исходя из буквального содержания диспозиции нормы, по договору ссуды вещь передается только во временное пользование (не во владение). При этом норма сформулирована так, что позволяет утверждать, что вещь передается не только в пользование, но и во владение. Об этом свидетельствуют следующие словосочетания: сторона обязуется передать или передает, другая сторона обязуется вернуть вещь в том состоянии, в котором получила.

Вывод от последующего правового явления к предыдущему и наоборот. Достаточно распространенными являются логические правовые нормы, которые выявляются при толковании при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему и наоборот. Этот вывод использовался еще в Древнем Риме, когда только начинался постепенный переход от строгого формализма при толковании правовых норм к учету логически закрепленных в правовых актах норм (И в. н. э.) [14, с. 145].

В действующем ГК РФ (п. 3 ст. 551) при помощи этого вывода можно вывести логически закрепленную норму, дающую возможность стороне договора обратиться в суд с иском о регистрации права собственности. Это право прямо не закреплено в указанной статье. Речь в ней идет о том, что при уклонении одной из сторон от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации права.

Или возьмем, к примеру, логически закрепленную норму, обязывающую арендатора обеспечить сохранность арендованного имущества. Президиум ВАС РФ при рассмотрении дела по иску арендодателя к арендатору о взыскании убытков, причиненных повреждением в результате пожара объекта аренды (нежилых помещений), в своем постановлении от 23 января 2001 г. № 5823/98 по делу арбитражного

суда города Москвы от 20 апреля 1998 г. № А40-2866/97-68-420¹ указал, что в соответствии со ст. 622 ГК РФ при прекращении договора аренды арендатор обязан возвратить арендованное имущество в том состоянии, в котором он его получил с учетом нормального износа. В связи с этим Президиум ВАС оценил как обоснованное указание кассационного суда проверить, принимались ли арендатором надлежащие меры по обеспечению сохранности арендованного имущества. При этом ГК РФ прямо не устанавливает обязанности арендатора принимать надлежащие меры по обеспечению сохранности арендованного имущества.

В то же время это утверждение является верным, но только в той части, что такая обязанность не закреплена текстуально. Однако такая обязанность и корреспондирующее ей субъективное право закреплены в ст. 622 ГК РФ логически. Из положений абз. 1 указанной статьи *при толковании с помощью вывода от последующего правового явления* (обязанности арендатора при прекращении договора вернуть арендованное имущество в надлежащем состоянии) *к предыдущему обнаруживается правовая норма*, в соответствии с которой арендатор обязан принимать надлежащие меры по обеспечению сохранности арендованного имущества.

Это — полноценная, логически закреплённая в законодательном акте правовая норма. Ее содержание составляет указанная обязанность арендатора и корреспондирующие ей субъективные права. Субъективное право, как и упомянутая обязанность, закреплёно только логически. Оно обнаруживается при толковании с учетом логической (закономерной) связи субъективного права с обязанностью: без корреспондирующей гражданско-правовой обязанности субъективное право становится бессмысленным.

Обнаружение при толковании правовой нормы, которая логически закреплена в абзаце первом ст. 622 ГК РФ, открывает возможность правильного разрешения иных вопросов, касающихся прав и обязанностей арендатора и арендодателя. Если арендатор несет обязанность принимать надлежащие меры к обеспечению сохранности арендованного имущества, в том числе его охраны (что означает в силу п. 1 ст. 401 ГК РФ проявлять ту степень заботливости и осмотрительности, которая от него требуется по характеру обязательства и условиям оборота), то он будет нести перед арендодателем ответственность за невыполнение этой обязанности, входящей в силу закона в содержание обязательства аренды. Если арендатор принял все указанные меры, а имущество все-таки было повреждено, то он будет невиновен.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

Извлечение логически закрепленных норм из правовых положений и их трансформация в определенную систему по своей сути не является результатом произвольного субъективного усмотрения и не предполагает грамматическую переработку действующих норм и правил. Оно осуществляется в границах существующего нормативного материала и позволяет регулировать общественные отношения посредством извлечения из них не закрепленных прямо, а выявленных, воспроизведенных и приведенных логическим путем к юридической форме понятий и правил поведения применительно к определенным правовым институтам. Таким образом осуществляется переход права из низшего состояния как совокупности закрепленных в законе правовых положений к более высокому — совокупности логически закрепленных норм, юридических понятий, категорий и правовых конструкций. Нуждаются в решении проблемы выявления содержания взаимных связей между логически закрепленными нормами, а также между логически закрепленными нормами и текстуально закрепленными нормами в текстах гражданско-правовых нормативных актов. Это позволит придать законность и обоснованность в том числе и такой правовой категории, как «судебное усмотрение», при разрешении споров в суде [7, с. 41].

На сегодня наиболее последовательно выявлением скрытых правовых положений занимаются судьи Конституционного Суда РФ через толкование норм гражданского законодательства на предмет их соответствия Конституции РФ. По существу, принимаемые Конституционным Судом РФ постановления представляют собой произведения науки, в которых выявляются и формируются логически закрепленные в Конституции РФ и законах нормы права. Деятельность Конституционного Суда РФ является хорошим примером творческого отношения к уяснению сущности правовых норм в их взаимосвязи для всех ветвей судебной системы Российской Федерации.

Е.В. Васьковский создал теоретические основы учения о право-толковании, в котором наибольшую ценность представляют собой главы, где рассматриваются словесное толкование, реальное толкование и логическое толкование. Особую научную значимость в его работе составляют положения, посвященные логическим приемам, позволяющим обнаружить правовые нормы, которые текстуально не закреплены в положениях законодательства, но которые можно выявить путем логического развития текстуально выраженных норм. Поиск внутреннего смысла не является присвоением законодательной власти, а наоборот, составляет прямую задачу судебного толкования, поскольку, принимая решение, судьи обязаны руководствоваться *действительной* (курсив Е.В. Васьковского. — *Прим. авт.*) волею законодателя [4, с. 138—139].

Выводы

Выявление в актах гражданского законодательства логически закреплённых правовых норм содержит в себе огромный потенциал. Они могут быть обнаружены в процессе логического развития правовых норм. В связи с этим возрастает значение судейских навыков толкования законов, в том числе путем усвоения приемов толкования [13, с. 205–211; 15, с. 807–814]. Если судья усвоил выработанные теорией приемы и правила толкования и научился их применять, то он в значительной степени ограждает себя от невольных ошибок и промахов [4, с. 135]. В связи с этим предлагается второе десятилетие замечательной ежегодной научно-практической конференции, посвященной светлой памяти нашего друга и коллеги Михаила Юрьевича Челышева, посвятить дальнейшему развитию учения Евгения Владимировича Васьковского о цивилистической методологии. Выработанные новые научные знания позволят создать эффективные инструменты толкования гражданско-правовых актов в помощь профессионалам-правоприменителям, повысят качество судебного правотворчества.

При этом вполне уместно обратить внимание на крупный научный труд профессора Ротаня Владимира Гавриловича «Новейшее учение о толковании», изданный в Севастополе в 2019 г., а также на целый ряд его других научных работ, посвященных цивилистической методологии. Профессор В.Г. Ротань уже не одно десятилетие занимается этой проблематикой. Заложенные в его научных работах доктринальные позиции активно применялись в практике высших судебных инстанций на Украине, где он был признанным ведущим специалистом в этой сфере. Они также могут служить основой для дальнейшего развития учения о толковании как составной части цивилистической методологии в России, поскольку наука не может иметь географических границ.

Библиографический список

1. Андреев Ю.Н. Методология юридической науки: учебник. М.: Проспект, 2024. 656 с.
2. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. 859 с.
3. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1913. 152 с.
4. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. 508 с.

5. *Груздев В.В.* Метод гражданского права. М.: Статут, 2020. 360 с.
6. *Иеринг Р.* Избранные труды: в 2 т. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. Т. 2. 547 с.
7. *Камышанский В.П.* О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024. № 2. С. 28–41.
8. *Камышанский В.П.* Об избыточном законотворчестве, правоприменении и толковании норм гражданского законодательства // По тропинкам памяти: сб. ст., посвящ. 80-летию проф. А.Г. Диденко. Алматы, 2024. С. 181–190.
9. *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: учебник для юридических вузов / под ред. проф. В.И. Кириллова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 240 с.
10. *Макеева Ю.* Потребителям хотят разрешить законом есть мороженое в магазине до оплаты на кассе. URL: <https://vetandlife.ru/sobytiya/potrebitelyam-hotyat-razreshit-zakonom-est-morozhenoe-v-magazine-doplaty-na-kasse/?ysclid=lw58zn6wci332245376>.
11. *Рассказов Л.П.* История и методология юридической науки: учебник. М.: Высшее образование, 2021. 583 с.
12. *Ротань В.Г.* Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / отв. ред. В.Г. Ротань. Симферополь, 2019. 792 с.
13. *Ротань В.Г.* О перспективах разработки, изучения и внедрения в судебную практику учения о толковании актов законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 205–211.
14. *Ротань В.Г.* Способы закрепления норм гражданского права в актах законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 141–148.
15. *Ротань В.Г.* Учение о толковании правовых актов в системе профессиональной подготовки юристов // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: сб. ст. участников IV Ежегодной междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Коршунова Н.М. М.: Изд-во Моск. акад. экономики и права, 2015. С. 807–814.
16. *Семякин М.Н.* Методология цивилистического правоведения: проблемы, поиски, решения: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 424 с.

References

1. Andreev Yu.N. *Metodologiya yuridicheskoi nauki uchebnik* [Methodology of legal science textbook]. Moscow, 2024. 656 p. (In Russ.)
2. Asknaziy S.I. *Osnovnie voprosi teorii socialisticheskogo grazhdanskogo prava* [Basic issues of the theory of socialist civil law]. Moscow, 2008. 859 p. (In Russ.)
3. Vaskovsky E.V. *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov: dlya nachinayuschih yuristov* [Guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers]. Moscow, 1913. 152 p. (In Russ.)
4. Vaskovsky E.V. *Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov* [Civilistic methodology. The doctrine of the interpretation and application of civil laws]. Moscow, 2002. 508 p. (In Russ.)
5. Gruzdev V.V. *Metod grazhdanskogo prava* [Method of civil law]. Moscow, 2020. 360 p. (In Russ.)
6. Iering R. *Izbrannie trudi: v 2 t.* [Selected works: in 2 vol.]. St. Petersburg, 2006. Vol. 2. 547 p. (In Russ.)
7. Kamyschansky V.P. *O prave civilisticheskoi metodologii na samoopredele-nie* [On the Right of Civilistic Methodology to Self-Determination]. *Vlast Zakona — The Power of Law*. 2024. Issue 2. Pp. 28–41. (In Russ.)
8. Kamyschansky V.P. *Ob izbitochnom zakonotvorchestve, pravoprimenenii i tolkovanii norm grazhdanskogo zakonodatelstva* [On Excessive Lawmaking, Law Enforcement, and Interpretation of Civil Legislation]. *Po tropinkam pamyati: sb. st., posv. 80-letiyu prof. A.G. Didenko* — Along the Paths of Memory: Collection of Stats, Dedicated to the 80th Anniversary of Professor A.G. Didenko. Almaty, 2024. Pp. 181–190. (In Russ.)
9. Kirillov V.I., Starchenko A.A. *Starchenko A.A. Logika: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / pod red. prof. V.I. Kirillova. 6-e izd., pereab. i dop.* [Logic: Textbook for Law Schools / Ed. by Prof. V.I. Kirillov. 6th ed., revised and edited]. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.)
10. Makeeva Yu. *Potrebitelyam hotyat razreshit zakonom est morojennoe v magazine do oplati na kasse* [Consumers may be allowed by law to eat ice cream in a store before paying at the checkout]. Available at: <https://vetandlife.ru/sobytiya/potrebitelyam-hotyat-razreshit-zakonom-est-morozhenoe-v-magazine-do-oplatty-na-kasse/?ysclid=lw58zn6wci332245376>. (In Russ.)
11. Rasskazov L.P. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki: uchebnik* [History and Methodology of Legal Science: Textbook]. Moscow, 2021. 583 p. (In Russ.)
12. Rotan V.G. *Noveishee uchenie o tolkovanii prava (po materialam grajdanskogo i drugih otraslei prava): monografiya / otv. red. V.G. Rotan* [The Newest Doctrine of Interpretation of Law (Based on Materials of Civil and

Other Branches of Law): Monograph / ed. V.G. Rotan]. Simferopol, 2019. 792 p. (In Russ.)

13. *Rotan V.G. O perspektivah razrabotki, izucheniya i vnedreniya v sudebnyu praktiku ucheniya o tolkovanii aktov zakonodatelstva* [On the Prospects of Development, Study and Implementation in Judicial Practice of the Doctrine of Interpretation of Legislative Acts]. *Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* – Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2016. Vol. 2 (68). Issue 3. Pp. 205–211. (In Russ.)

14. *Rotan V.G. Sposobi zakrepleniya norm grazhdanskogo prava v aktah zakonodatelstva* [Methods of Consolidating Civil Law Norms in Legislative Acts]. *Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* – Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2015. Vol. 1 (67). Issue 2. Pp. 141–148. (In Russ.)

15. *Rotan V.G. Uchenie o tolkovanii pravovih aktov v sisteme professionalnoi podgotovki yuristov* [Doctrine of Interpretation of Legal Acts in the System of Professional Training of Lawyers]. *Pravo i biznes konvergenciya chastnogo i publichnogo prava v regulirovanii predprinimatelskoi deyatel'nosti: sb. st. uchastnikov IV Ejegodnoi mejdunar. nauch. prakt. konf., posvyasch. pamyati Zaslugennogo yurista RF d-ra yurid. nauk prof. Korshunova N.M.* – Law and Business: Convergence of Private and Public Law in Regulating Entrepreneurial Activity: Coll. Art. of Participants of the IV Annual International scientific and practical. conf., dedicated to the memory of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Korshunov N.M. Moscow, 2015. Pp. 807–814. (In Russ.)

16. *Semyakin M.N. Metodologiya civilisticheskogo pravovedeniya: problemi poiski resheniya: monografiya* [Methodology of Civil Law: Problems, Searches, Solutions: Monograph.] Moscow, 2018. 424 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В.П. Камышанский

Почетный работник высшего профессионального образования РФ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина,
350044, Россия, Краснодар, ул. Калинина, 13.
Директор Научно-исследовательский институт актуальных
проблем современного права,
350000, Россия, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 60, к. 49.

ORCID: 0000-0003-4648-4548.

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.1007/978-3-319-55257-6_34.

DOI: 10.14505/jarle.v11.3(49).37.

DOI: 10.1007/978-3-319-90835-9_101.

DOI: [https://doi.org/10.14505/jarle.v11.3\(49\).37](https://doi.org/10.14505/jarle.v11.3(49).37).

DOI: 10.35940/ijrte.C6576.098319.

DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_34.

DOI: <https://doi.org/10.22633/rpge.v26i00.17407>.

Information about the author:

V.P. Kamyshanskij

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
13 Kalinina St., Krasnodar, 350044, Russia.

Institute of Actual Problems of Modern Law,
49 room, 60 Gimnasicheskaya str., Krasnodar, 350000, Russia.

ORCID: 0000-0003-4648-4548.

Articles in the DB Scopus/Web of Science.

DOI: 10.1007/978-3-319-55257-6_34.

DOI: 10.14505/jarle.v11.3(49).37.

DOI: 10.1007/978-3-319-90835-9_101.

DOI: [https://doi.org/10.14505/jarle.v11.3\(49\).37](https://doi.org/10.14505/jarle.v11.3(49).37).

DOI: 10.35940/ijrte.C6576.098319.

DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_34.

DOI: <https://doi.org/10.22633/rpge.v26i00.17407>.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ КОМПЛЕКСНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С.И. Суслова¹

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Введение: исходя из сложившейся в российской правовой действительности ситуации, значительная часть кодифицированных актов, а также федеральных законов, лежащих в основе признаваемых большинством комплексных образований, содержат перечень особых принципов (основных начал) регулирования соответствующих общественных отношений. Вместе с тем содержание данных принципов и их соотношение с принципами «базовых» отраслей права остается преимущественно нераскрытым. Обращение к данным вопросам в науке практически отсутствует, что не может не вызвать сложности при разрешении конкретных споров. **Цель:** обсудить вопрос о природе принципов комплексных отраслей законодательства и их понимания в контексте соотношения с принципами базовых (материнских) отраслей, лежащих в основе комплексной отрасли законодательства, проанализировать на примере основных начал жилищного законодательства подходы судебной практики к данному вопросу. **Методы:** эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялся юридико-догматический частнонаучный метод. **Результаты:** выявлены основные подходы к комплексным образованиям в праве и продемонстрировано их влияние на оценку принципов комплексных отраслей законодательства в зависимости от взгляда исследователя на систему права; сформулирована позиция о понимании принципов комплексных отраслей законодательства и межотраслевых принципов права; продемонстрированы противоречивые подходы судебной практики при разрешении жилищных споров применительно к принципам добросовестности и свободы договора. **Выводы:** принципы базовых (материнских) отраслей законодательства не могут автоматически применяться к общественным отношениям,

¹ Работа © Суслова С.И. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

составляющим предмет комплексной отрасли законодательства, поскольку последние имеют самостоятельное содержательное наполнение, даже если текстуально определенные принципы совпадают с формулировками, предусмотренными в базовых отраслях, что исключает механическое применение последних для разрешения конкретных споров. Основанием для применения принципов материнских отраслей является природа применяемых норм, обоснование допустимости их использования к указанным отношениям, а также определение границ данного принципа и его содержания.

Ключевые слова: комплексность; принципы законодательства; отрасль права; отрасль законодательства; система права; межотраслевые принципы права; свобода договора; добросовестность.

METHODOLOGY OF STUDYING THE PRINCIPLES OF COMPREHENSIVE BRANCHES OF LEGISLATION

S.I. Suslova

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Introduction: *Based on the current situation in the Russian legal reality, the majority of codified acts, as well as federal laws underlying the complex entities recognized by the majority, contain a list of special principles (basic principles) for regulating the corresponding social relations. At the same time, the content of these principles and their relationship with the principles of the “basic” branches of law remains largely undisclosed. There is virtually no reference to these issues in science, which cannot but cause difficulties in resolving specific disputes.*

Objective: *to discuss the issue of the nature of the principles of complex branches of legislation and their understanding in the context of the relationship with the principles of the basic (parent) branches underlying the complex branch of legislation, to analyze the approaches of judicial practice to this issue using the example of the basic principles of housing legislation. Methods:* *empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. The legal-dogmatic private scientific method was used. Results:* *the main approaches to complex entities in law were identified and their influence on the assessment of the principles of complex branches of legislation depending on the researcher’s view of the legal system was demonstrated; a position on understanding the principles of complex branches of legislation and inter-branch principles of law was formulated; contradictory approaches of judicial practice in resolving housing disputes in relation to the principles of good faith*

*and freedom of contract were demonstrated. **Conclusions:** The principles of basic (parent) branches of legislation cannot be automatically applied to social relations that are the subject of a complex branch of legislation, since the latter have independent substantive content, even if the textually defined principles coincide with the formulations provided for in the basic branches, which excludes the mechanical application of the latter to resolve specific disputes. The basis for applying the principles of parent branches is the nature of the applicable norms, the justification for the admissibility of their use in the specified relations, as well as the definition of the boundaries of this principle and its content.*

Keywords: complexity; principles of legislation; branch of law; branch of legislation; legal system; inter-branch principles of law; freedom of contract; good faith.

Введение

Несмотря на то что большинство теоретиков права и цивилистов достаточно положительно оценивают ироничные высказывания о недопустимом расширении перечня комплексных образований за счет банно-прачечного, трамвайно-троллейбусного, бакалейно-гастрономического права¹, современные тенденции изменения взглядов на систему права, заключающиеся в положительном взгляде на такие явления, видны невооруженным взглядом. Механический поиск через известные библиотечные ресурсы позволяет увидеть наименования не менее чем 50 различных комплексных отраслей, о которых есть упоминания на страницах периодической и монографической юридической литературы современного периода.

При этом большинство ученых, обосновывающих комплексность тех или иных явлений, считают комплексные отрасли особыми, но все же самостоятельными отраслями права, которые, помимо общепризнанных критериев самостоятельности (предмета регулирования), обладают набором самостоятельных принципов, лежащих в основе такого регулирования.

Данные принципы выводятся, как правило, из специальных законов, лежащих в основе той или иной отрасли (законов в области спорта, медицины, транспорта и мн. др.), в которых наличествуют отдельные статьи, посвященные принципам регулирования соответствующих видов общественных отношений. Применительно к кодифицированным источникам, лежащим в основе ряда отраслей, относимых

¹ Авторство данных строк принадлежит известному советскому теоретику права Л.С. Галеснику (см.: [6]).

традиционно к комплексным (жилищное, земельное), можно отметить, что в них также содержатся прямые нормы, в которых зафиксированы основные начала или принципы регулирования.

При этом данные основные начала, зафиксированные в законе, с одной стороны, очень часто либо повторяют, либо значительно схожи с теми принципами, которые зафиксированы в качестве таковых в «базовых» отраслях. С другой же стороны, при наличии большого сходства некоторые принципы таких «материнских» отраслей отсутствуют, а дополнительно сформулированы особые принципы, которые должны отражать специфику соответствующего комплексного образования.

Указанная ситуация приводит к необходимости на практике — при применении соответствующих принципов — дать ответ на следующий вопрос: насколько обоснованно применять принципы таких базовых и материнских отраслей к разрешению споров применительно к отношениям, включенным в предмет регулирования комплексной отрасли? Например, насколько правильно ссылаться на принцип свободы договора, отсутствующего в ст. 1 Жилищного кодекса РФ, при разрешении жилищного спора, возникшего из договора управления многоквартирными домами или соглашения между собственником и членами его семьи, в соответствии со ст. 31 ЖК РФ? Другими словами, если данные договорные конструкции прямо закреплены именно в нормах жилищного законодательства, а в ст. 1 ЖК РФ такого принципа, как свобода договора, нет, то насколько обосновано его применение исключительно в силу факта того, что перед нами договорное регулирование?

Полный анализ данных вопросов в рамках одной работы не представляется возможным, поскольку не только требует оценки понимания комплексности в российской правовой действительности в целом, но и вызывает необходимость более глубокого погружения в понимание принципов и основных начал частного права. Данным вопросам посвящено огромное количество монографических работ [1; 13]. Соглашаясь с тем, что сама постановка вопроса о существовании комплексных отраслей права не является бесспорной [2], все же исходим из данности, сложившейся в российской правовой науке, допускающей существование если не комплексных отраслей права, то комплексных отраслей законодательства.

Вместе с тем при значительной широте данного вопроса проблема принципов комплексных отраслей права и законодательства в юридической литературе практически не обсуждается, а единичные работы, содержащие в своих названиях указания на данный аспект, выводов и анализа данного вопроса не содержат [5; 12; 23].

О понимании комплексности отраслей. Межотраслевые принципы права

Дискуссия о понимании комплексных отраслей права и законодательства в России приобрела полярный характер. Значительное число ученых пытаются найти аргументы и обосновать появление нового комплексного образования в праве, а другая часть правоведов видят в этой ситуации выхолащивание идей о системе права и предлагают от нее отказаться в принципе в силу ненадобности и практической бесполезности.

Именно отсутствие практической пользы ставится во главу угла в таких рассуждениях. Так, Е.Е. Тонков и В.С. Синенко указывают, что можно было бы смириться с тем, что возникающие объемные взаимосвязи структурных частей права существенно затрудняют осознание системы права, если бы это позволяло достигать существенные цели, значимые для правоприменительной деятельности. Однако, обращают внимание исследователи, «внедрение комплексности в систему права не только не придает ей новые полезные качества, но, наоборот, “заслоняет” уже известные, апробированные и полезные понятия и категории юридической науки» [22, с. 73].

С.П. Маврин утверждает, что «сегодня сама проблема деления права на какие-то квазисамостоятельные отрасли не актуальна, поскольку ее решение не оказывает никакого практического воздействия на эффективность правотворчества и правоприменения» [14, с. 211].

В.П. Мозолин, признавая ранее существующую практическую значимость деления права на отрасли, все же призывает отказаться от него: «Возможность создания единого общего понятия отрасли права оказалась утраченной. Понятие отрасли права стало настолько девальвированным, что им по существу невозможно пользоваться в практических целях (в области законодательства, правоприменительной деятельности, учебном процессе в высших юридических учебных заведениях), поэтому оно не должно применяться и при построении современной системы... права» [16, с. 107].

В противовес данным позициям, признавая при этом в определенной степени их правоту, появляются и суждения о том, что такая девальвация не должна приводить к выводу о необходимости отказа от понятия отрасли, а требует пересмотра подходов и возврату к восстановлению истинного смысла и значения данного понятия¹.

¹ Очевидно, критика автора основывается на современной девальвации понятия отрасли. С этим можно было бы согласиться, однако вызывает некоторое удивление вывод об отказе от использования отраслей при построении современной системы права. Более логичным следствием девальвации отраслевого деления, по нашему мнению,

Данная дискуссия, продиктованная объективным перекосом современных исследований по вопросу комплексных отраслей в сторону обоснования их кратного увеличения, вполне отражает некую тупиковую ситуацию, которая возникает и в вопросе об основных «атрибутах» выделенной комплексной отрасли. Среди них особое место занимают принципы права. Практически единогласно ученые относят принципы к тем отличительным признакам, которые позволяют считать определенные образования в праве именно отраслью, полагая, что они пронизывают и цементируют содержание такой отрасли, определяют не только формирование отраслевого правового режима, но и содержание норм права, регулирующих соответствующий вид общественных отношений [7, с. 96; 10, с. 45–48].

При этом законодатель, формулируя в специальном законодательстве нормы, посвященные принципам регулирования тех или иных отношений, подходит к этому вопросу всегда индивидуально, что затрудняет выявление общей логики таких подходов. Например, в действующем Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹ закрепляются одиннадцать специальных принципов, на которых должно основываться законодательство о физической культуре и спорте², Закон об образовании закрепляет 12 основных принципов законодательства в соответствующей сфере [15], тогда как ни в одном из транспортных кодексов принципы регулирования не закреплены.

Жилищный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, лежащие в основе соответствующих отраслей, традиционно относимых к комплексным, по-разному подходят к формулированию норм-принципов. В ЖК РФ явно прослеживается текстуальная близость с формулировками ст. 1 Гражданского кодекса РФ, позволяющая обнаружить значительное количество частноправовых аспектов, тогда как принципы земельного и градостроительного законодательства больше отражают их публичную природу.

является восстановление утраченного смысла, но не «отбрасывание» за ненадобностью огромного пласта теоретических наработок в данной области [22, с. 74].

¹ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 8 дек.

² В частности, к ним отнесены такие принципы, как обеспечение права каждого на свободный доступ к физической культуре и спорту; единство нормативной правовой базы в области физической культуры и спорта на всей территории Российской Федерации; сочетание государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием таких отношений субъектами физической культуры и спорта; запрет на дискриминацию и насилие в области физической культуры и спорта, на манипулирование официальными спортивными соревнованиями и др.

Одновременно с анализом позиции законодателя, формулирующего принципы отраслей, относимых учеными к комплексным, нельзя забывать и о подходе, который многими считается общепризнанным, заключающемся в делении принципов права по уровням в зависимости от сферы воздействия на общие, межотраслевые и отраслевые. Например, применительно к земельному праву ученые пишут: «Общепризнана классификация принципов земельного права на конституционные (общеправовые), межотраслевые и отраслевые» [18, с. 110]. Вместе с тем, как и применительно к вопросу о системе права в целом, такая же ситуация характерна и для принципов права. Многие исследователи справедливо задаются вопросами о необходимости отраслевых принципов при наличии общих принципов права или обращают внимание на отсутствие практической целесообразности такого деления при наличии законодательно закрепленных принципов применительно к регулированию отдельных групп общественных отношений. Другими словами, обоснование необходимости формирования системы принципов предопределено авторской позицией на систему права в целом. Однако следует обратить внимание, что подходы ученых к принципам права не в полной мере корреспондируют общепризнанным подходам к системе права. В частности, исследователи считают допустимым, что одни и те же принципы права могут быть характерны как для отраслей частного, так и для отраслей публичного права, обосновывают существование межотраслевых принципов с одинаковым наименованием, но разным содержанием применительно к отдельным отраслям права. Наиболее показательными в этом контексте являются выводы о том, что, например, принцип свободы договора не может быть «монополизирован» гражданским правом: усложнение общественных отношений привело к развитию договорного регулирования во всех сферах, включая публичное право. Соответственно, делается вывод о том, что данный принцип как минимум должен считаться межотраслевым [17].

Выскажем определенные сомнения в том, что ученым в настоящий момент удалось убедительно доказать существование межотраслевых принципов права: нет единства не только в их определении, но и даже в примерном перечне [8]. Представляется, что наиболее слабым звеном в научном обосновании существования отдельных межотраслевых принципов является подмена формы и содержания. Если утверждать, что у нескольких отраслей права существует общий принцип, то содержание данного принципа должно быть одинаковым, а не совпадать лишь терминологически (текстуально). Вызывает некоторое недоумение, когда сторонники выделения межотраслевых принципов пишут о том, что «одни и те же принципы, действующие в различных отраслях права, проявляются в них по-разному, неодина-

ково... В каждой отрасли права они имеют собственное специфическое содержание, придающее им самостоятельное значение» [17, с. 70]. Полагаем, что одно исключает другое: если принцип межотраслевой, то его понимание должно быть единым применительно ко всем тем отраслям права, которые включены в данную группу. Таким образом, сам факт того, что договоры в настоящее время заключаются не только в рамках гражданского права, но и трудового, семейного, земельного, жилищного и мн. др., а также публичного права, не дает оснований говорить о распространении данного принципа на указанные отрасли. Содержание принципа свободы договора выработано гражданским законодательством, судебным толкованием в соответствующих спорах, а также цивилистической наукой, и его применение в иных отношениях происходит со значительными исключениями, в определенных случаях полностью выхолащивающих его суть с точки зрения частного права. И даже те ученые, кто ратует за применение принципа свободы договора к договорам в области публичного права, прямо пишут о том, что необходимость его ограниченного использования не вызывает сомнений, а также отмечают, что «следует признать, что в полной мере рассматриваемый принцип не может распространять свои положения на отношения в сфере государственного управления» [21, с. 32]. И даже, более того, специалисты в области публичного права полагают, что излишняя увлеченность частноправовыми механизмами применительно к публичному договору приводит к неблагоприятным результатам в сфере регулирования государственного управления [11].

Указанное свидетельствует, что попытка объединить под одним наименованием разные по своей сущности явления не может выступать убедительным аргументом, позволяющим выделять отдельные межотраслевые принципы права.

Другое дело, когда речь заходит о комплексных отраслях законодательства. Можно было бы предположить, что именно в этом контексте имеет значение выделение межотраслевых принципов права. Коль скоро комплексная отрасль состоит из норм различной отраслевой принадлежности, то принципы базовых отраслей автоматически становятся межотраслевыми с появлением такой комплексной отрасли законодательства. Вместе с тем отсутствие единства подходов к пониманию комплексной отрасли обозначает значимое расхождение в одном вопросе. Одни ученые полагают, что комплексное образование не претендует на самостоятельность. Центральным является термин «*комплексная*», что свидетельствует о комбинировании в одном акте норм различной отраслевой принадлежности. Развивая эту идею применительно к принципам, следует заключить, что такая отрасль заимствует принципы тех отраслей, нормы которых она объединила.

И судебным органам достаточно определить, что применяемые ими нормы имеют ту или иную природу, что дает им основание для апеллирования к соответствующим принципам права. Например, для применения принципов гражданского права к медицинским отношениям достаточно определить, что определенные нормы имеют гражданско-правовую природу и касаются договорного регулирования в сфере оказания медицинских услуг.

Другие же исходят из того, что к *комплексной* необходимо добавить указание на *самостоятельность*, а сформулированные законодателем принципы обладают собственным содержанием, что наряду с иными атрибутами самостоятельности (особого предмета регулирования, например) позволяет отграничить данное комплексное образование от базовых (материнских) отраслей права. Соответственно, при разрешении споров применительно к отношениям, прямо урегулированным нормами комплексной отрасли законодательства, можно опираться только на те принципы, которые непосредственно нашли отражение в акте (в том числе кодифицированном), лежащем в основе соответствующей комплексной отрасли¹.

Две указанные позиции являются полярными: использование одной исключает применение другой. В этой связи интересно проследить на примере отдельных комплексных отраслей законодательства, какого же пути придерживается по этому вопросу в настоящее время доктрина и судебная практика.

Принципы жилищного законодательства: самостоятельность или комплексность?

Анализ юридической литературы, посвященной принципам жилищного права, демонстрирует, что ученые обходят стороной принципиальный вопрос, обозначенный выше. Как правило, ограничиваясь общими замечаниями о том, что «принципы жилищного законода-

¹ Следует сделать ремарку, что две указанные точки зрения выделены нами в контексте анализа рассуждений ученых о самих комплексных или комплексных (самостоятельных) отраслях права. Выводы о принципах уже сформулированы нами на основе высказанных общих суждений. Для примера можно привести мнение А.И. Землина о транспортном праве. Ученый пишет: «Комплексные отрасли имеют лишь особый предмет (рассматриваемый в иной плоскости, нежели предметы основных отраслей) и некоторые черты юридического своеобразия, а именно — самостоятельную область законодательства, **некоторые единые принципы** (выделено мной. — С. С.), положения, приемы регулирования. Однако у них нет главных черт юридического своеобразия — “своего” метода и механизма регулирования. По нашему мнению, появление новой отрасли права возможно лишь там и тогда, где и когда можно сформулировать общие положения, отражающие единые для всех норм принципы и методы регулирования» (см.: [9]).

тельства определяют сущность всей системы жилищного права и жилищного законодательства, отражают его наиболее важные свойства» [4, с. 8], в дальнейшем ученые переходят к перечислению поименованных в законе и предлагаемых в доктрине принципов и их общей характеристике.

Только в одной работе нами была обнаружена сама констатация обозначенной проблемы, а также лаконичное присоединение автора к позиции о том, что система принципов жилищного права должна быть объединена общей целью (обеспечить жилищные интересы граждан), а потому концепцию разноотраслевой природы принципов жилищного права поддержать нельзя [3].

Наименьшая сложность возникает в отношении тех принципов, которые текстуально совпадают с принципами, указанными в ст. 1 ГК РФ, хотя и тут все неоднозначно с точки зрения их содержательного наполнения. Однако еще более серьезные проблемы возникают в отношении принципов, отсутствующих в тексте ст. 1 ЖК РФ. В первую очередь, речь идет о принципе свободы договора и принципе добросовестности.

Начнем с принципа добросовестности. Как известно, текстуально он был введен в ГК РФ в 2013 г., аналогичных изменений в ЖК РФ введено не было. Согласно п. 2 ст. 7 ЖК РФ его применение допустимо только при невозможности использования аналогии закона (наряду с применением аналогии права).

Порассуждаем о применении принципа добросовестности в конкретном примере. Статья 32 ЖК РФ регулирует отношения по заключению соглашения о выкупе жилого помещения для государственных и муниципальных нужд. На практике достаточно часто возникают ситуации, когда публичный собственник, приняв решение об изъятии, заключает такие соглашения с частью собственников. Другие собственники, отказавшиеся заключить соглашение и выехать из жилого помещения, ставят вопрос в суде о недействительности решения об изъятии по различным основаниям (как правило, связанным с нарушением процедуры принятия такого решения). И если суд удовлетворяет такие требования собственников, то возникает вопрос о судьбе заключенных соглашений о выкупе и возможности применения понимания добросовестности, сложившегося в частном праве.

Собственник, который заключил соглашение, получил деньги, приобрел на них другое жилое помещение, совершенно не желает наступления традиционных в этом случае последствий — признания недействительным соглашения об изъятии и реституции (возвращение денег и обратный переезд в квартиру). Логичным выглядит использование в данном случае принципа эстоппель: публичный собственник сам

нарушил процедуру изъятия, а потому не может ссылаться на недействительность соглашения. Однако в жилищном праве сложился иной подход применительно к признанию недействительными сделок, заключенных на основании решений публичных органов. Так, Верховный Суд РФ в 2009 г. применительно к схожей ситуации разъяснил, что если признается недействительным решение о предоставлении жилого помещения по договору социального найма (даже по вине самой администрации), то рушится и сам договор социального найма¹.

Обращают внимание исследователи и на то, что в отсутствие принципа добросовестности в ст. 1 ЖК РФ, с одной стороны, участники жилищных отношений активно апеллируют к добросовестности в многочисленных спорах, в которых ставится вопрос о признании права пользования жилым помещением по различным договорам найма (социального, коммерческого, специализированного), хотя в соответствующих статьях ЖК РФ обосновывать добросовестность в этом случае не требуется, а с другой стороны, в жилищном праве формируется свой подход к добросовестному поведению, в частности в спорах о намеренном ухудшении жилищных условий [20]. Регистрация в жилом помещении или снятие с регистрационного учета трактуется судами и как добросовестное поведение, допускаемое законом, и как недобросовестное поведение, приводящее к ухудшению жилищных условий².

Одновременно с этим Конституционный Суд РФ еще в 2012 г. применительно к вопросу об обращении взыскания на единственное жилое помещение обозначал проблему соотношения принципа добросовестного исполнения обязательства и принципа недопустимости произвольного лишения жилища, подчеркивая, что ни тот ни другой

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

² Добровольное снятие супруги гражданина с регистрационного учета по месту жительства в жилом помещении, принадлежащем ее отцу, и добровольное снятие гражданина с регистрационного учета по месту жительства, где он имел бессрочное право пользования квартирой, повлекли ухудшение жилищных условий, то есть такие действия привели к созданию нужды гражданина и его супруги в обеспечении жилым помещением и, соответственно, такие действия нельзя признать добросовестными. См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2022 г. по делу № 88-23677/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Требование удовлетворено, поскольку действия по регистрации отца детей заявительницы в квартире, где они проживают, являются разумными, добросовестными, совершенными в рамках семейного законодательства, а потому не могут быть признаны действиями, свидетельствующими об умышленном ухудшении жилищных условий семьи. См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 22 октября 2015 г. по делу № 33-5785/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

принцип не могут брать верх друг над другом: меры, направленные на обеспечение добросовестного исполнения гражданами своих обязательств, не должны нарушать равновесие между ценностями (справедливый баланс между ценностями), выраженными в признании и гарантировании права собственности и в общеправовом принципе добросовестного исполнения обязательств и правом на жилище¹. Очевидно, что Конституционный Суд РФ вынужден апеллировать к общеправовому принципу добросовестности, поскольку на тот момент в нормах гражданского законодательства соответствующих положений еще не было закреплено.

Таким образом, мы видим, что в судебной практике нет однозначного подхода к применению принципа добросовестности, не поименованного в жилищном законодательстве в качестве основного начала. В определенных случаях понимание добросовестности, сложившееся в гражданском праве, игнорируется при разрешении отдельных видов жилищных споров, в других ситуациях ссылка на добросовестность применяется для усиления позиции даже в том случае, если в этом нет необходимости, в третьих условиях формируется собственное понимание добросовестности применительно к отдельным нормам жилищного законодательства.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении принципа свободы договора. Несмотря на отсутствие такого принципа в нормах ЖК РФ, вопросы о нарушении принципа свободы договора применительно к жилищным отношениям ставятся в значительном количестве.

Одно дело, когда речь идет о договорах, текстуально закрепленных одновременно как в нормах гражданского, так и в нормах жилищного законодательства (например, договор коммерческого найма). В этом случае ссылка на принцип свободы договора вполне понятна и уместна.

Когда же речь заходит о договорах, нормы о которых содержатся исключительно в тексте ЖК РФ, то апеллирование к свободе договора в этом случае как минимум требует дополнительного обоснования. В частности, речь идет о делах, связанных с договором управления многоквартирными домами. Только на примере одного дела можно продемонстрировать, как по-разному суды подходят к этому вопросу. Так, разрешая спор, связанный с договором управления, суд первой инстанции указал, что «при заявлении одной из сторон о прекращении договора управления многоквартирным домом по окончании срока его действия договор не продлевается, что *отвечает принципу свободы*

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

договора, предусмотренному статьей 421 Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Вышестоящая же инстанция указывает, что нормы жилищного законодательства о договоре управления многоквартирным домом, в силу специфики рассматриваемых гражданско-правовых отношений между собственниками МКД и управляющей организацией, являются определенным исключением из общего правила свободы гражданского договора².

Однако возможны и ситуации, когда в рамках договорного регулирования жилищных отношений происходит нарушение свободы гражданско-правового договора. Так, управляющая компания включала в документы на оплату платежи за добровольное страхование. Верховный Суд РФ посчитал, что выставление в квитанциях на оплату жилищно-коммунальных услуг оплаты услуги «добровольное страхование» выходит за рамки полномочий, предоставленных управляющей организации собственниками помещений, не связано с осуществлением деятельности по договору управления домом, нарушен принцип свободы договора, связанный с самостоятельным выбором потребителем страховщика³.

В свежих решениях Конституционного Суда РФ мы также обнаруживаем отсылку к свободе договора применительно к соглашениям о выкупе жилого помещения или предоставлении другого жилья в случае его изъятия для государственных и муниципальных нужд при аварийности многоквартирного дома. При этом именно эту свободу договора суд не пытается ограничить, возложив обязанности по обеспечению жилым помещением в этом случае на органы публичной власти в отношении членов семьи собственника, отказавшихся от приватизации⁴.

¹ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2020 г. № 18АП-8479/2020 по делу № А34-12935/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 декабря 2020 г. № Ф09-7682/20 по делу № А34-12935/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2020 г. № 309-ЭС20-13251 по делу № А60-58964/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ В частности, представляют интерес следующие тезисы: «Положения данной статьи, предусматривая как принудительное изъятие жилых помещений по решению суда, так и договорный способ их передачи, в частности путем предоставления взамен другого жилого помещения, учитывают принцип свободы договора, направлены на защиту интересов собственников. Кроме того, данная статья не предполагает и обязанности публичных органов по предоставлению жилья взамен, оставляя этот вопрос на усмотрение самих участников правоотношения (часть 8), действующих в русле гражданско-правового принципа свободы договора и автономии воли его сторон». См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2024 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я.В. Штраус» // СЗ РФ. 2024. № 19. Ст. 2551.

Таким образом, и применительно к свободе договора наблюдается противоречивая ситуация. С одной стороны, везде, где есть договорное регулирование, суды считают возможным ссылаться на принцип свободы договора, игнорируя отсутствие данного принципа в ст. 1 ЖК РФ, но, с другой стороны, позволяют себе говорить о его ограничении, обосновывая это особым характером жилищных отношений.

Выводы

Смысл норм-принципов комплексных отраслей законодательства состоит в том, что они выступают ориентиром для законодателя в части закрепления соответствующих норм, а также для правоприменителя, разрешающего конкретные споры. Принципы базовых (материнских) отраслей законодательства не могут автоматически применяться к общественным отношениям, составляющим предмет комплексной отрасли. Специфика указанных отношений, особенно ярко проявляющаяся в отношении комплексных отраслей, базирующихся на кодифицированных актах, как раз и является первопричиной необходимости особого регулирования, основанного на началах, отличающихся от начал базовых отраслей законодательства.

Примечательно, как ученые обосновывают, например, приоритет норм земельного законодательства над нормами гражданского законодательства: «Современное доктринальное представление в праве об общем и специальном законе (правилах), где первому отводится главная законодательная роль, а второму подчиненное значение погрешностей, не соответствует тому, как этот принцип был доказан. Земельный закон в отношении оборота земель не может считаться погрешностью, флуктуацией закона гражданского» [18, с. 112–113].

Принципы комплексных отраслей законодательства имеют самостоятельное содержательное наполнение, учитывающее специфику общественных отношений, даже если текстуально определенные принципы совпадают с формулировками, предусмотренными в базовых отраслях, что исключает механическое применение последних для разрешения конкретных споров.

Отсутствие же в перечне норм-принципов комплексных отраслей принципов материнских отраслей не исключает их применение, но требует дополнительного обоснования, основанного: а) на природе применяемых норм; б) допустимости их использования к указанным отношениям; в) определении границ данного принципа и его содержания.

Библиографический список

1. *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 365 с.
2. *Асланян Н.П.* «Комплексная отрасль права» как терминологическое недоразумение // Современное право. 2024. № 1. С. 12–22.
3. *Басос Е.В.* Толкование принципов жилищного права // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2021. С. 3–9.
4. *Бондаренко Н.Л., Халецкая Т.М.* Основные начала жилищного законодательства (принципы жилищного права) Республики Беларусь и их система // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 1 (17). С. 8–23.
5. *Василенко Е.В.* Разработка методологии и создание системы принципов гражданского права как комплексная научная проблема // Власть Закона. 2011. № 2 (6). С. 132–136.
6. *Галесник Л.С.* О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 108–115.
7. *Дембо Л.И.* О принципах построения системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 88–98.
8. *Захаров А.Л.* Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 34 с.
9. *Землин А.И.* Актуальные проблемы развития транспортного права как комплексной отрасли российского права // Транспортное право и безопасность. 2016. № 1 (1). С. 21–27.
10. *Иоффе О.С.* Структурные подразделения системы права // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968. С. 45–60.
11. *Калинина Л.Е.* Публичный договор и развитие административного права // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 8–10.
12. *Коваленко А.Ю.* Правовые принципы комплексных отраслей права // Правоохранительные органы: теория и практика. 2014. № 2. С. 64–67.
13. *Комиссарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 303 с.
14. *Маврин С.П.* О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1. С. 205–216.

15. Мазурина А.О. Образовательное право как комплексная отрасль в системе российского права // Наука и современность. 2014. № 34. С. 215–221.

16. Мозолин В.П. Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107–113.

17. Набиев Ф.С. Межотраслевые принципы права: понятие и классификации // Академический юридический журнал. 2016. № 1–2 (17/18). С. 62–75.

18. Нахратов В.В. Введение в принципы земельного права // Аграрное и земельное право. 2020. № 12 (192). С. 109–113.

19. Нахратов В.В. Принцип преждепользования в земельном праве // Аграрное и земельное право. 2022. № 4 (208). С. 80–87.

20. Пискунова Н.И., Беляева Т.А. Принцип добросовестности действий участников в гражданских, семейных и жилищных правоотношениях в рамках исполнения обязательств // Современный юрист. 2019. № 3. С. 53–61.

21. Попов А.И. Реализация принципа свободы договора в административно-договорных правоотношениях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4 (45). С. 26–32.

22. Тонков Е.Е., Синенко В.С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 2 (25). С. 53–75.

23. Тютюник А.С. Принцип охраны земли как комплексный принцип земельного права // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 79–87.

References

1. Aslanyan N.P. *Osnovnye nachala rossijskogo chastnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Basic Principles of Russian Private Law: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2001. 365 p. (In Russ.)

2. Aslanyan N.P. «Kompleksnaya otrasl' prava» kak terminologicheskoe nedorazumenie [«Complex Branch of Law» as a Terminological Misunderstanding]. *Sovremennoe parvo* — Modern Law. 2024. Issue 1. Pp. 12–22. (In Russ.)

3. Basos E.V. *Tolkovanie principov zhilishhnogo prava. Tolkovanie pravovykh aktov (teoretiko-pravovoj, konstitucionno-pravovoj, grazhdansko-pravovoj i trudo-pravovoj aspekty)* [Interpretation of the principles of housing law. Interpretation of legal acts (theoretical and legal, constitutional and legal, civil and labor law aspects)]. *Materiali IV Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf.* — Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference. Simferopol, 2021. Pp. 3–9. (In Russ.)

4. Bondarenko N.L., Haleczkaya T.M. *Osnovnye nachala zhilishhnogo zakonodatel'stva (principy zhilishhnogo prava) respubliki Belarus' i ih sistema* [The Main Principles of Housing Legislation (Principles of Housing law) of the Republic of Belarus and their System]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* – Actual problems of civil law. 2021. Issue 1 (17). Pp. 8–23. (In Russ.)

5. Vasilenko E.V. *Razrabotka metodologii i sozdanie sistemy principov grazhdanskogo prava kak kompleksnaya nauchnaya problema* [Development of Methodology and Creation of a System of Principles of Civil Law as a Complex Scientific Problem]. *Vlast' Zakona* – Power of Law. 2011. Issue 2 (6). Pp. 132–136.

6. Galesnik L.S. *O problemah sistemy sovetskogo prava* [On the Problems of the Soviet Legal System]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1957. Issue 2. Pp. 108–115. (In Russ.)

7. Dembo L.I. *O principah postroeniya sistemy sovetskogo prava* [On the principles of constructing the system of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet state and law. 1956. Issue 8. Pp. 88–98. (In Russ.)

8. Zaharov A.L. *Mezhotraslevye principy prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk*. [Interbranch Principles of law: Synopsis of cand. jurid. sci. diss.]. Kazan', 2003. 34 p. (In Russ.)

9. Zemlin A.I. *Aktual'nye problemy razvitiya transportnogo prava kak kompleksnoj otrasli rossijskogo prava* [Current Issues of Development of Transport Law as a Complex Branch of Russian Law]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'* – Transport law and security. 2016. Issue 1 (1). Pp. 21–27. (In Russ.)

10. Ioffe O.S. *Strukturnye podrazdeleniya sistemy prava* [Structural Subdivisions of The Legal System]. *Uchenye zapiski VNIISZ* – Scientific Notes of VNIISZ. 1968. Vol. 14. Pp. 45–60. (In Russ.)

11. Kalinina L.E. *Publichnyj dogovor i razvitie administrativnogo prava* [Public contract and the development of administrative law]. *Administrativnoe pravo i process* – Administrative law and process. 2017. Issue 10. Pp. 8–10. (In Russ.)

12. Kovalenko A.Yu. *Pravovye principy kompleksnyh otraslej prava* [Legal Principles of Complex Branches of Law]. *Pravoohranitel'nye organy: teoriya i praktika* – Law Enforcement Agencies: Theory and Practice. 2014. Issue 2. Pp. 64–67. (In Russ.)

13. Komissarova E.G. *Principy v prave i osnovnye nachala grazhdanskogo zakonodatel'stva: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Principles of Law and Basic Principles of Civil Legislation: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2002. 303 p. (In Russ.)

14. Mavrin S.P. *O roli metoda pravovogo regulirovaniya v strukturirovanii i razviii pozitivnogo prava* [On the Role of the Method of Legal Regulation in the Structuring and Development of Positive Law]. *Pravovedenie* – Jurisprudence. 2003. Issue 1. Pp. 205–216. (In Russ.)

15. Mazurina A.O. *Obrazovatel'noe pravo kak kompleksnaya otrasl' v sisteme rossijskogo prava* [Educational Law as a Complex Branch in the System of Russian Law]. *Nauka i sovremennost'* – Science and Modernity. 2014. Issue 34. P. 215–221. (In Russ.)

16. Mozolin V.P. *Sistema rossijskogo prava (doklad na vserossijskoj konferencii 14 noyabrya 2001 g.)* [The system of Russian Law (Report at the All-Russian Conference on November 14, 2001)]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2003. Issue 1. Pp. 107–113. (In Russ.)

17. Nabiev F.S. *Mezhotraslevye principy prava: ponyatie i klassifikacii* [Interbranch Principles of Law: Concept and Classifications]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* – Academic Law Journal. 2016. Issue 1–2 (17/18). Pp. 62–75. (In Russ.)

18. Nahratov V.V. *Vvedenie v principy zemel'nogo prava* [Introduction to the Principles of Land Law]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* – Agrarian and land law. 2020. Issue 12 (192). Pp. 109–113. (In Russ.)

19. Nahratov V.V. *Princip prezhdopol'zovaniya v zemel'nom prave* [The Principle of Prior Use in Land Law]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* – Agrarian and land law. 2022. Issue 4 (208). Pp. 80–87. (In Russ.)

20. Piskunova N.I., Belyaeva T.A. *Princip dobrosovestnosti dejstvij uchastnikov v grazhdanskikh, semejnykh i zhilishhnykh pravootnosheniyakh v ramach ispolneniya obyazatel'stv* [The Principle of Good Faith in the Actions of Participants in civil, Family and Housing Legal Relations Within the Framework of the Fulfillment of Obligations]. *Sovremennyy yurist* – Modern lawyer. 2019. Issue 3. Pp. 53–61. (In Russ.)

21. Popov A.I. *Realizaciya principa svobody dogovora v administrativno-dogovornykh pravootnosheniyakh* [Implementation of the Principle of Freedom of Contract in Administrative-contractual Legal Relations]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Issue 4 (45). Pp. 26–32. (In Russ.)

22. Tonkov E.E., Sinenko V.S. *Kompleksnye otrasli prava: plodotvornaya ideya ili otkaz ot formal'noj opredelennosti v pravovoj nauke?* [Complex Branches of Law: a Fruitful Idea or a Rejection of Formal Certainty in Legal science?]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* – VSU Bulletin. Series: Law. 2016. Issue 2 (25). Pp. 53–75. (In Russ.)

23. Tyutyunik A.S. *Princip ohrany zemli kak kompleksnyj princip zemel'nogo prava* [The Principle of Land Protection as a Complex Principle of Land Law]. *Yuridicheskaya nauka* – Legal Science. 2016. Issue 2. Pp. 79–87. (In Russ.)

Информация об авторе:**С.И. Суслова**

Доктор юридических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4.

ORCID: 0000-0002-7487-6879.

Researcher ID: R-7761-2016.

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307.

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071.

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-63-88-111.

Information about the author:**S.I. Suslova**

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
664011, Irkutsk, st. Nekrasov, 4.

ORCID: 0000-0002-7487-6879.

Researcher ID: R-7761-2016.

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307.

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071.

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-63-88-111.

МЕТОДОЛОГИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ХИМЕРЫ СТАНДАРТОВ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

М.И. Подрабинок¹

«Юртех форум»

E-mail: maxim@jurteh.ru

Актуальность: при рассмотрении споров между субъектами гражданского оборота квалификация поведения субъекта гражданского права как добросовестного или недобросовестного является ключевым фактором для вынесения решения по делу. Добросовестность субъектов гражданско-правовых отношений является также источником для обсуждения различных теоретических концепций. При этом современные исследования в сфере научной и практической юриспруденции видятся эффективными с применением двух принципов методологии частноправовых исследований: 1) принципа «Ворота в будущее», согласно которому для создания нового научного знания важно устремляться в будущее, отбрасывая прошлое; 2) принципа «Строгость мысли», согласно которому исследователь должен стремиться к объективности и строгости в своих суждениях, чтобы избежать предвзятости и предрассудков. Применение указанных принципов может способствовать формированию стандартов добросовестного поведения, дать благоприятные результаты для эффективного судопроизводства и формирования эффективного правового регулирования. **Методы:** формально-юридический и логический методы научного познания, метод дедукции и индукции, анализа и синтеза, метод научного обобщения. **Результаты:** Автор приходит к выводам о том, что: 1) юридическая наука переживает эпистемологический кризис, характеризующийся недостатком объективности и достоверности в правовых исследованиях; 2) эмпирические правовые исследования могут стать спасительным средством для юридической науки, способствуя преодолению догматического мышления юристов; 3) будущее правовых исследований лежит в области юридической статистики, которая предоставляет возможность для анализа и интерпретации больших объемов данных. Автор видит эффективным для частноправовых исследований

¹ Работа © Подрабинок М.И. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

применение юридической (частноправовой) статистики и предлагает собственный подход к выявлению стандартов добросовестного поведения, суть которого сводится к обработке частотности упоминания норм права в текстах судебных актов. Полученные в результате исследования данные могут быть применены для прогнозирования содержания вынесенных в будущем судебных актов, оценки рентабельности по отдельным категориям споров.

Ключевые слова: методология частноправовых исследований; юридическая (частноправовая) статистика; стандарты добросовестного поведения.

METHODOLOGY OF PRIVATE LAW RESEARCH: CHIMERAS OF STANDARDS OF GOOD FAITH BEHAVIOR

M.I. Podrabinok

«Jurteh Forum»

E-mail: maxim@jurteh.ru

Relevance: when considering disputes between subjects of civil turnover, the qualification of the behavior of a subject of civil law as good faith or bad faith is a key factor for making a decision on the case. The good faith of subjects of civil law relations is also a source for discussing various theoretical concepts. At the same time, modern research in the field of scientific and practical jurisprudence seems effective with the use of two principles of the methodology of private law research: 1) the principle of the “Gateway to the Future”, according to which, in order to create new scientific knowledge, it is important to strive for the future, discarding the past; 2) the principle of “Strictness of Thought”, according to which the researcher should strive for objectivity and rigor in his judgments in order to avoid bias and prejudice. The application of these principles can contribute to the formation of standards of good faith behavior, give favorable results for effective legal proceedings and the formation of effective legal regulation. **Methods:** formal-legal and logical methods of scientific knowledge, the method of deduction and induction, analysis and synthesis, the method of scientific generalization. **Results:** The author comes to the conclusion that 1) legal science is experiencing an epistemological crisis, characterized by a lack of objectivity and reliability in legal research; 2) empirical legal research can become a lifesaver for legal science, helping to overcome the dogmatic thinking of lawyers; 3) the future of legal research lies in the field of legal statistics, which provides an opportunity to analyze and interpret large amounts of data. The author sees the use of legal (private law) statistics as effective for private law research and proposes his own approach to identifying standards of good faith behavior, the essence of which

comes down to processing the frequency of references to legal norms in the texts of judicial acts. The data obtained as a result of the study can be used to predict the content of judicial acts issued in the future, assess the profitability of individual categories of disputes.

Key words: *methodology of private law research; legal (private law) statistics; standards of good faith behavior.*

Введение

Вызов, который категория добросовестности бросает науке, заключается в том, что использование оценочной категории тяжело поддается осмыслению при помощи эмпирических изысканий. Безусловно, право есть искусство добра и справедливости (хотя со справедливостью намного сложнее). Причем искусство, которое позволяет не просто улучшать мир в долгосрочной перспективе, а улучшить мир здесь и сейчас. Однако, когда речь заходит о фундаментальных проблемах юридической науки, в том числе о добросовестности, использование прикладных инструментов встречается значительно реже. Представляется, что анализ судебной статистики для категории «добросовестность» является чрезвычайно важным и необходимым, поскольку позволяет увидеть динамику развития общественных отношений.

Можно предположить, что для выявления стандартов добросовестности как нельзя кстати подходит метод частноправовой статистики, а также метод построения моделей общественных отношений. Здесь следует привести аналогию со специальным разделом экономики — эконометрикой, который позволяет экономистам строить модели рынка в целях прогнозирования тех или иных экономических показателей. Представляется, что для построения моделей общественных отношений также будет уместно использовать моделирование по крайней мере в целях оценки регулирующего воздействия тех или иных норм и в целях дальнейшего совершенствования уровня законодательной техники.

Добросовестность в период до революции рассматривалась как элемент судейского произвола. И.А. Покровский справедливо замечал, что «мы попадем на наклонную плоскость, по которой неизбежно докатимся до полного судейского контроля над всей областью оборота с точки зрения совершенно субъективных и произвольных представлений о “справедливости”, “социальном идеале”» [5, с. 262].

Такая опасность сохраняется для оборота и по сей день. Нет сомнений в том, что оценочный характер категории «добросовестность» может быть использован как во благо нуждам общества, так и во вред. Выстраивание стабильного правопорядка не может основываться

на безграничном судебном усмотрении. Однако полностью лишить правоприменителя возможности широко толковать букву закона также видится неправильным, поскольку необходим баланс.

В советский период под добросовестным поведением понималось «надлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств и других обязанностей». Такая формулировка давала основание отождествлять правовое поведение и добросовестное. «В первой редакции ГК РФ, воспринявшей в полной мере эту традицию, общая обязанность добросовестного поведения отсутствовала — авторы первой редакции Кодекса предпочли следовать советской доктрине» [8, с. 105].

Так, Ю.Б. Фогельсон, проводя анализ динамики ссылок на добросовестность в судебных актах, указывает, что «с 2002 г. суды начинают ссылаться на ст. 10 ГК РФ, но процент этих ссылок невысок и шесть лет держится на постоянном уровне. Затем, в ноябре 2008 г., вышло упомянутое выше информационное письмо Президиума ВАС РФ № 127 и процент ссылок на ст. 10 ГК РФ рванул вверх и продолжает расти с высокой скоростью. Ни изменения в ГК РФ марта 2013 г., ни разъяснение Пленума ВС РФ 2015 г. практически никакого влияния на этот рост не оказали, разве что немного его подстегнули. Такой рост процента ссылок, по-моему, можно объяснить только одним — ежегодно суды находят новые ситуации, к которым, по их мнению, применима ст. 10 ГК РФ, т.е. все больше и больше расширяют сферу применения этой нормы» [8, с. 109].

Конечно, рыночная экономика не может существовать без автономии воли, свободы договора. «Однако неограниченная свобода в достижении эгоистических интересов таит в себе способность дестабилизации оборота, так как привносит в него элементы, на которые не рассчитывает добропорядочное большинство. Предсказуемость поведения основана на удовлетворении ожиданий, а они базируются на представлении о добросовестном поведении. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон»¹.

В связи с вышеизложенной основной целью исследований в сфере частного права видится использование методов, позволяющих содействовать формированию стандартов добросовестного поведения. Формирование стандартов добросовестного поведения представляется целесообразным проанализировать через естественно-научный подход к пониманию права.

¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (проект рекомендован президиумом Совета к опубликованию в целях обсуждения (протокол от 11 марта 2009 г. № 2)). URL: <http://privlaw.ru/upload/iblock/45d/zozzeioj3llbp0abt2hrmnvww12c9t3.rtf>.

1. Естественно-научный подход к пониманию права

1.1. Эпистемологический кризис

Общеизвестно, что право изучает поведение людей. Для скептиков следует сделать уточнение: поведение людей под действием правовых норм. Однако такое деление на два состояния (когда право действует и когда нет) представляется искусственным и надуманным. Люди живут как живут, и ни у кого из них в один момент не переключается тумблер — действовать или не действовать по праву.

Знание или незнание нормы, общий уровень того, что называют правосознанием (как видится, довольно упречный термин), каким-то образом воздействует на человека, ограничивает его поведение рамками дозволенного. Единственным верифицируемым способом объяснения такого воздействия является естественно-научный подход к пониманию права.

Здесь представляется целесообразным пример из области сравнительного правоведения. Предполагается, что в основу классификации стран по принадлежности к той или иной правовой семье может быть положена ментальность¹. Однако устоявшегося понимания ментальности не существует и по определению не может существовать. Авторы, использующие этот термин, закладывают собственные представления о том, что представляет собой правовая система конкретной страны. Ссылки на опыт путешествий или даже работы в такой юрисдикции не могут служить доказательством научности таких суждений. Чаще всего выводы, к которым приходят авторы, напоминают бытовые разговоры, а не строгие научные выкладки.

Прикрываясь социально-гуманитарным щитом, такие авторы умело парируют аргументы оппонентов, каждый раз заставляя их сомневаться в своей компетентности. При этом следует отметить, что естественно-научное знание опровержимо. Ни один физик, химик или математик не ответит упреком на аргументированную критику несостоятельности своей теории. Если теория не выдерживает критики, она недостоверна.

К сожалению, несмотря на значительные усилия таких авторов, их методология исследований вызывает серьезные сомнения. В таких случаях толерантность недопустима.

¹ Путем широкого изучения структуры других обществ и других правовых систем компаративисты должны создать необходимые условия для плодотворного диалога; они должны объяснить **ментальность**, способ рассуждений и концепции иностранных систем и создать научные юридические словари в широком смысле слова, позволяющие людям, которые говорят на разных правовых языках, понять друг друга [1, с. 8].

Представляется, что социально-гуманитарное знание в целом и юридическая наука в частности испытывают кризис по причине размывания научно достоверных знаний бытовыми заблуждениями и предрассудками.

Как справедливо отмечают О.А. Кузнецова и А.В. Захаркина, «в большинстве цивилистических диссертаций указывается, что объектом исследования являются общественные отношения в той или иной регулируемой гражданским правом сфере. Однако такое фрагментирование объекта познания предполагает выбор методологии социальных правовых исследований, представленной такими методами, как непосредственное наблюдение, опрос, анкетирование, социальный правовой эксперимент, статистическое обобщение фактов и др.» [3, с. 235].

В таких работах не осуществляется сбор и обработка данных, а выводы по ключевым вопросам исследования часто базируются на внутреннем убеждении автора. Это, несомненно, влияет на достоверность результатов, поскольку вероятность угадать в таких случаях сопоставима с подбрасыванием монетки (50/50 — событие имеет равновероятный исход).

Утверждение, основанное на равновероятном исходе, в лучшем случае бесполезно для науки, поскольку оно не способствует ни увеличению, ни уменьшению знаний об истинном предмете юридической науки — поведении людей. В худшем случае такое утверждение представляет серьезную угрозу для научной картины мира юриста, парализует исследовательскую деятельность и заставляет бесконечно ходить кругами вокруг базовых понятий.

Естественно-научное знание развивается по принципу от простого к сложному, что позволяет постепенно углубляться в понимание явлений и процессов. В отличие от этого юридическое знание строится иначе. Чтобы объяснить прохожему, что такое объект недвижимости, потребуется как минимум год ежедневных лекций; и даже в этом случае не гарантировано, что удастся передать всю сложность и полноту этой онтологической конструкции. Тем более бесперспективны попытки объяснить категорию добросовестности.

1.2. Борьба с догмой при помощи эмпирических правовых исследований

Можно предположить, что юридическая наука переживает эпистемологический кризис, характеризующийся недостатком объективности и достоверности в правовых исследованиях.

Не существует более точного ответа на вопрос «Что изучает право?», чем поведение людей.

Представляется рациональным в данном случае следовать критериям научности знания, предложенным Поппером, главным из которых

является фальсифицируемость [6]. Согласно этому критерию теория считается научной, если существует возможность проведения эксперимента, способного ее опровергнуть. Это означает, что теория должна быть проверяемой и потенциально опровержимой.

Кроме того, видится уместным следовать правилам социологического метода по Дюркгейму, который отмечает, что «социология как и юриспруденция стремится к выявлению причинно-следственных зависимостей между социальными фактами и явлениями». Такой подход позволяет обнаруживать регулирующее воздействие закона на функционирование общества [2, с. 312].

Общеизвестным является тот факт, что с появлением углеродного анализа значительное количество диссертаций историков, основанных на периодизации исторических эпох, оказались несостоятельными. Аналогичная ситуация наблюдается и в юриспруденции.

Кроме того, подтверждением мысли о том, что с точки зрения юридической схоластики возможно обоснование целесообразности любого поведения, являются действия французского юриста Пьера де Ланкра, известного своими жестокими действиями по сжиганию невинных людей, обвиненных в колдовстве. При этом его рассуждения оправдывали подобное поведение. В связи с этим возникает вопрос о гуманности таких решений, даже если они обоснованы с точки зрения юридической схоластики.

Именно поэтому юристы-исследователи должны придерживаться естественно-научной картины мира, следовать принципам «Ворота в будущее» и «Строгость мысли», чтобы преодолевать доминирующие в обществе предрассудки и заблуждения.

Схоластика может проявляться как в невежественной, так и в искусной форме. Борьба с догматизмом является тем, что отличает ученого от схоласта.

В связи с этим представляется актуальным для современных частно-правовых исследований использование двух принципов методологии: «Ворота в будущее» и «Строгость мысли», особенности применения которых проявляются в следующем.

2. Методология исследований — это ответ на вопрос о том, что мы можем узнать

2.1. Принцип «Ворота в будущее»

Химера, в древнегреческой мифологии один из наиболее ярких и запоминающихся символов несбыточной идеи, представляет собой огнедышащее чудовище с головой льва [4]. В контексте методологии

исследований победа над химерой, то есть воплощение несбыточной идеи в реальность, невозможна без устремления к будущему.

Отринуть прошлое и устремить мысли в будущее — это первый и самый важный принцип методологии исследований. Этот принцип можно метафорически представить как ворота в будущее, как это было описано у академика Императорской Академии художеств Н.К. Рериха в книге «Врата в будущее» [7].

Думается, несбыточная идея заключается в распространении методов юридической статистики для выявления стандартов добросовестного поведения участников общественных отношений. Это попытка победить химеру непонимания и консерватизма, поскольку стандарты поведения существуют независимо от наших собственных мнений. Точно так же, как незнание законов физики не отменяет их действия по отношению к невежде, который их не знает.

2.2. Принцип «Строгость мысли»

Принцип «Строгость мысли» проявляется прежде всего в беспристрастности к анализу фактологии. Над юридической наукой во все времена стучались тучи. В зависимости от нравов общества менялись и представления о «плохом» и «хорошем» вариантах поведения. Однако ограничиться одним таким утверждением, представляется, недостаточно.

Принцип «Строгость мысли», отраженный в высказывании австрийско-британского философа Людвиг Витгенштейна: «То, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием», является не менее важным принципом методологии исследования. Он подразумевает беспристрастность к фактам и строгость в мышлении, что позволяет избегать предвзятости и субъективности в правовых исследованиях.

Юридическая наука должна стремиться к объективности и строгости в своих исследованиях, чтобы преодолеть эпистемологический кризис.

3. Выявление стандартов поведения на основе юридической (частноправовой) статистики

Схоластика может проявляться как в невежественной, так и в искусной форме. Борьба с догматизмом является тем, что отличает ученого от схоласта.

Проблема алгоритмизации выявления критериев добросовестного поведения, алгоритмизации добросовестности в целом, заключается в том, что довольно трудно определить, чем руководствуется суд при

вынесении решения в отсутствие инструкции, следующей из закона (своейственной странам континентальной правовой семьи).

Наличие судебных актов, получивших широкое распространение в правоприменительной практике, в которых суды начинают придерживаться определенных конвенциональных установок, позволяет утверждать о формировании стандарта поведения. Под стандартом поведения в данном случае понимается та модель поведения участника оборота, при которой риск (вероятность) привлечения его к ответственности либо увеличится, либо будет минимизирован.

Представляется, что юрист в данном контексте выступает в роли дата-аналитика, осуществляя прогнозирование исхода судебного решения.

Так, например, «кредиторы часто сталкиваются с ситуациями, когда должник, стремясь избежать обращения взыскания на свое имущество, передает его или продает по заниженной цене связанным с ним лицам. Такие сделки могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве должника. Однако не всегда целесообразно инициировать длительную и дорогостоящую процедуру банкротства только для оспаривания сделок по выводу имущества, особенно если этого имущества достаточно для удовлетворения требований всех кредиторов»¹.

Статья 10 ГК РФ предоставляет возможность оспаривать сделки, заключенные во вред третьим лицам, включая кредиторов, через доказывание и недобросовестности поведения. В частности, это касается сделок должника, направленных на сокрытие имущества от кредиторов. Однако судьи часто сомневаются в праве кредитора, не являющегося стороной оспариваемой сделки, на ее оспаривание в отсутствие возбужденного дела о банкротстве. Всем литигаторам известно, что убедить судью в обратном и оспорить сделки должника может помочь подборка решений, в которых суды признают недействительными сделки по выводу активов на основании ст. 10 ГК РФ в отсутствие процедуры банкротства.

Прекрасной иллюстрацией такого подхода являются следующие примеры из судебной практики.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 20 июля 2011 г. по делу № А50-23254/2010 [Ф09-4022/2011]² сделки по отчуждению доли в уставном капитале общества «Вандерхолл» были признаны недействительными, поскольку по оценке суда были

¹ Сам себе кредитор-3: как избежать включения в реестр кредиторов аффилированного лица должника, исполнившего за него реальные обязательства перед третьим. URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/20/sam_sebe_kreditor-3_kak_izbezhat_vklyucheniya_v_reestr_kreditorov_affilirovannogo_lica_dolzhnika_isp.

² СПС «КонсультантПлюс».

совершены в целях уклонения от погашения задолженности перед Банком ВТБ.

Также в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 26 декабря 2012 г. по делу № А55-4417/2012 [Ф06-10085/2012]¹ истец обратился в суд к обществу с ООО «Мир» и ООО «Искра» с иском о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности, а суд пришел к выводу о недействительности сделок из-за злоупотребления правом.

Кроме того, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 29 января 2014 г. по делу № А60-16916/2013 [Ф09-14049/2013]² суд пришел к выводу, что сделки купли-продажи были заключены лишь для вида, не привели к передаче имущества в собственность покупателя, действия продавца признаны недобросовестными, ответчик допустил злоупотребление правом распоряжения своим имуществом в ущерб кредитору.

Примером анализа добросовестности поведения сторон также является Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 октября 2015 г. по делу № А60-42286/2014 [Ф09-6772/2015]³ по спору между ООО «Строй-Инвест» и ООО «НСПС» о признании сделки недействительной.

Следовательно, проводимый правоприменителем анализ судебной практики и предоставление подборки судебной практики в суде дают основания считать, что юрист зачастую выступает в роли дата-аналитика, осуществляя не только прогнозирование исхода судебного решения, но и сбор статистических данных. Для прогноза исхода судебного решения в данном случае правоприменитель конкретизирует запрос до тех судебных актов, которые прямо упоминают термин «общегражданские основания», выделяя их из всего массива судебных актов.

В самом общем виде дата-аналитика, прогнозирование исхода судебного решения, сбор статистических данных правоприменителем могут быть проиллюстрированы в таблице 1.

Погрешность в размере 0,94 % является допустимой, что свидетельствует об общей репрезентативности выборки (табл. 2).

Можно сделать вывод, что приведенные в таблицах данные показывают, что в 2008 г. не было рассмотрено ни одного дела по данным параметрам поиска либо акты не попали в справочно-правовые системы. Статистический анализ позволяет правоприменителю сделать выводы об общей динамике рассмотрения споров, которая показывает, что

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Там же.

Таблица 1

Статистика применения института внеконкурсного оспаривания сделок на 31 октября 2024 г.

Критерий поиска	Количество судебных актов
«Общегражданские основания»	9 959 (100 %)
«Общегражданские основания» + банкротный спор по исходам рассмотрения	$8\,976 (90,13\%) \cdot 90,13 = (8\,976 \times 100) / 9\,959$
«Общегражданские основания» + гражданский спор по исходам рассмотрения	$886 (8,90\%) \cdot 8,90 = (886 \times 100) / 9\,959$
Иные (погрешность)	$94 (0,94\%) \cdot 0,94 = (94 \times 100) / 9\,959$

Таблица 2

Статистика применения института внеконкурсного оспаривания сделок с 2024 по 2007 год на 31 октября 2024 г.

Год	Всего	Удовл.	Частично удовл. / отказ, прекращение, возврат, не опр.
2024	94	20	74
2023	98	17	81
2022	120	33	87
2021	106	28	78
2020	72	21	51
2019	86	34	52
2018	62	11	51
2017	40	6	34
2016	41	11	30
2015	40	11	29
2014	45	14	31
2013	27	5	22
2012	20	5	15
2011	22	4	18
2010	9	2	7
2009	2	1	1
2008	0	0	0
2007	2	1	1

только два подобных дела были рассмотрены в 2007 г., а в 2024 г. было рассмотрено уже около ста подобных дел. Также правоприменитель может увидеть на основании статистического анализа, что «самым урожайным» по внеконкурсному оспариванию сделок стал 2022 год, в котором было рассмотрено 120 дел. На основании этого можно сделать вывод, что институт внеконкурсного оспаривания сделок с каждым годом становится все более распространенным и востребованным.

Следовательно, для юриста-исследователя и юриста-правоприменителя не требуется владение математикой на уровне кандидата математических наук, а также глубокое понимание теории вероятности; однако для них может быть весьма полезным применение таких инструментов, как локальная и интегральная теоремы Лапласа, формула Пуассона, формула Байеса, формула Бернулли, диаграммы Эйлера — Венна, закон распределения дискретной случайной величины, а также использование теории множеств для анализа анкетных опросов и социальных групп, матриц выборочной ковариации и корреляции, психофизического закона Вебера — Фехнера (где S — интенсивность ощущения, Y — интенсивность раздражителя, a и b — константы, зависящие от условий и вида раздражителей).

При этом представляется целесообразным для юриста-исследователя применение некоторых элементов теории вероятности в узком контексте, а также использование комбинаторных методов для анализа частноправовых отношений и вероятностного истолкования правоприменительной практики. Думается, что теория вероятностей играет значительную роль в юриспруденции, включая теоремы сложения вероятностей, независимые события и условную вероятность, а также моделирование общественных отношений с помощью бинарных (двоичных) отношений.

Поскольку стандарты поведения существуют независимо от наших собственных мнений, представляется возможной победа над химерой непонимания и консерватизма при помощи распространения методов юридической статистики для выявления стандартов добросовестного поведения участников общественных отношений.

Таким образом, применение в методологии частноправовых исследований принципов «Ворота в будущее» и «Строгость мысли» позволит создание нового научного знания без предвзятости и предрассудков. Применение указанных принципов может способствовать формированию стандартов добросовестного поведения, дать благоприятные результаты для эффективного судопроизводства и формирования эффективного правового регулирования. Это позволит юридической науке пережить эпистемологический кризис, характеризующийся недостатком объективности и достоверности в правовых исследованиях.

А эмпирические правовые исследования могут стать спасительным средством для юридической науки, способствуя преодолению догматического мышления юристов. По этой причине видится, что будущее правовых исследований лежит в области юридической статистики, которая предоставляет возможность для анализа и интерпретации больших объемов данных.

Библиографический список

1. Давид Р. Основные правовые системы современности (Сравнительное право) / пер. с фр. М.А. Крутоголова, В.А. Туманова; предисл. В. Туманова. М.: Прогресс, 1967. 496 с.
2. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / пер. с франц. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021. 382 с.
3. Кузнецова О.А., Захаркина А.В. Объект и предмет исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 217–249.
4. Кун Н.А. Мифы и легенды Древней Греции. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 300 с.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 451 с.
6. Поннер К.Р. Логика научного исследования / пер. с англ.; под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Республика, 2005. 446 с.
7. Рерих Н.К. Врата в будущее. Рига: Uguns, 1936. 325 с.
8. Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 103–116.

References

1. David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (Sravnitelnoye pravo)* / per. s fr. M.A. Krutogolova, V.A. Tumanova; predisl. V. Tumanova [Basic Legal Systems of Modernity (Comparative Law) / Translated from French by M.A. Krutogolov, V.A. Tumanov; Foreword by V. Tumanov]. Moscow, 1967. 496 p. (In Russ.)
2. Durkheim E. *Pravila sotsiologicheskogo metoda* / per. s fr. V. Zhelninova [Rules of Sociological Method; Translated from French by V. Zhelninov]. Moscow, 2021. 382 p. (In Russ.)
3. Kuznetsova O.A., Zakharina, A.V. *Ob'yekt i predmet issledovaniya v tsivilisticheskikh dissertatsiyah* [Object and Subject of Research in Civil Law Dissertations]. *Metodologicheskie problemy tsivil'nogo prava* – Methodological Problems of Civil Law Research. 2019. Issue 1. Pp. 217–249. (In Russ.)

4. Koon N.A. *Mify i legendy Drevney Gretsii* [Myths and Legends of Ancient Greece]. Moscow, 2011. 300 p. (In Russ.)

5. Pokrovsky I.A. *Glavnye problemy tsivil'nogo prava* [Main Problems of Civil Law]. Moscow, 1998. 451 p. (In Russ.)

6. Popper K.R. *Logika nauchnogo issledovaniya / per. s angl.; red. V.N. Sadovsky* [The Logic of Scientific Research / Translated from English; Edited by V.N. Sadovsky]. Moscow, 2005. 446 p. (In Russ.)

7. Rerikh N.K. *Vorota v budushchee* [Gates to the Future]. Riga, 1936. 325 p. (In Russ.)

8. Fogelson Yu.B. *Printsip dobraya vera v rossiyskoy sudebnoy praktike* [The Principle of Good Faith in Russian Judicial Practice]. *Vestnik ekonomicheskoy spravedlivosti Rossiyskoy Federatsii* — Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. Issue 9. Pp. 103–116. (In Russ.)

Информация об авторе:

М.И. Подрабинок

Партнер сообщества

«Юртех форум»

Information about the author:

M.I. Podrabinok

«Jurteh Forum»

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340



DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2025-7-7-120-138>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.А. Ананьева¹

Российский государственный университет правосудия

E-mail: annaslast@mail.ru

М.А. Бажина

Уральский государственный юридический университет

имени В.Ф. Яковлева

E-mail: mashsol@mail.ru

***Введение:** проблемы транспортного права привлекают все большее внимание ученых и все чаще становятся предметом диссертационных исследований. Этому способствуют как объективные потребности в теоретическом осмыслении стоящих перед транспортной отраслью новых задач и новых подходов к правовому регулированию и правоприменению, так и те шаги, которые предпринимают представители науки транспортного*

¹ Работа © Ананьева А.А., Бажина М.А. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

права для его качественного развития. В связи с этим представляется актуальным и полезным проанализировать как уже сложившиеся тенденции в выборе приемов и способов научного исследования в сфере транспорта, так и объективные потребности в использовании отдельных методов, диктуемые спецификой транспортного права, определить объективные и субъективные причины формирования методологической базы, привлечь внимание к отдельным методам и подходам, имеющим для них особое значение. Важным является также систематизация уже накопленных научных знаний в транспортной сфере и гармоничное их использование не только при определении тех направлений, которые остаются в некотором «забвении» у современных ученых, но и при проведении дальнейших исследований. **Цель:** показать тенденции в выборе приемов и способов научного исследования в сфере правового регулирования транспортной деятельности и объективные потребности в использовании отдельных методов, диктуемые спецификой транспортного права. **Методы:** при проведении исследования применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, описание), а также формально-догматический и метод интерпретации и прогнозирования. **Результаты:** авторы проанализировали диссертационные исследования в сфере частноправового регулирования транспортно-логистической деятельности, выявили отдельные аспекты, связанные с методологией соответствующих исследований. Кроме того, в работе выделены основополагающие тенденции развития научного познания в целях повышения эффективности будущих исследований в сфере транспортной тематики.

Ключевые слова: диссертационное исследование; транспортное право; транспортно-логистическая деятельность; методологическая основа; метод исследования; методологический подход.

METHODOLOGICAL BASIS OF DISSERTATION RESEARCHES DEDICATED TO LEGAL REGULATION OF TRANSPORT RELATIONS

A.A. Ananyeva

Russian State University of Justice

E-mail: annaslast@mail.ru

M.A. Bazhina

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

E-mail: mashsol@mail.ru

Introduction: The problems of transport law are attracting more and more attention from scientists and are increasingly becoming the subject of dissertation

research. This is facilitated by both the objective needs for theoretical understanding of the new challenges facing the transport industry and new approaches to legal regulation and law enforcement, and the steps taken by representatives of the science of transport law for its qualitative development. In this regard, it seems relevant and useful to analyze both the already established trends in the choice of techniques and methods of scientific research in the field of transport, and the objective needs for the use of individual methods dictated by the specifics of transport law, to determine the objective and subjective reasons for the formation of a methodological base, to draw attention to individual methods and approaches that are of particular importance to them. It is also important to systematize the already accumulated scientific knowledge in the transport sphere and harmoniously use it both in determining those areas that remain in some "oblivion" among modern scientists, and in conducting further research. **Purpose:** to show the trends in the choice of techniques and methods of scientific research in the field of legal regulation of transport activities and the objective needs for the use of individual methods dictated by the specifics of transport law. **Methods:** the study used general scientific research methods (analysis, synthesis, description), as well as formal dogmatic and interpretation and forecasting methods. **Results:** The authors analyzed dissertation research in the field of private law regulation of transport and logistics activities, identified individual aspects related to the methodology of the relevant studies. In addition, the work highlights the fundamental trends in the development of scientific knowledge in order to improve the effectiveness of future research in the field of transport topics.

Key words: dissertation research; transport law; transport and logistics activities; methodological basis; research method; methodological approach.

Введение

Транспортная проблематика заслуженно привлекает в последние годы особое внимание научного сообщества, чему способствуют как объективные потребности в теоретическом осмыслении стоящих перед транспортной отраслью новых задач и новых подходов к правовому регулированию и правоприменению, так и те шаги, которые предпринимают представители науки транспортного права для его качественного развития. Что не могло не сказаться и на интересе к диссертационным исследованиям, посвященным правовому регулированию транспортных отношений.

Диссертационные исследования по праву можно назвать «действенным гарантом прогрессивного развития, совершенствования законодательства» [27, с. 12]. Именно на основе материалов диссертационных исследований формируются как теоретические, так и пра-

ктико-ориентированные предложения для обеспечения эффективного регулирования общественных отношений. Так, исходя из научной новизны, связанной с причинами, условиями, предпосылками, факторами того или иного правового явления (т.е. содержательной стороной исследования [11]), могут быть сформулированы отдельные нормы права в виде проекта новой статьи или самостоятельного нормативного правового акта или его части, рекомендации по корректировке официальных актов судебного толкования [12, с. 104].

Как и для любой науки, для правовой науки характерен ее прогрессизм, выражающийся в «перманентном самообновлении наукой концептуального арсенала» [18, с. 152]. Проецируя данное высказывание на сферу научного знания о правовом регулировании транспортных отношений, следует отметить, что система научного знания по транспортному праву проделала достаточно долгий путь развития — от довольно простого представления о транспортной деятельности, где основополагающим ядром рассматривался договор перевозки грузов¹, до современной системы транспортных отношений, складывающихся во всех проявлениях транспортно-логистической деятельности, основные тенденции развития которой предусмотрены Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р². Полагаем, что есть все основания предположить, что все это послужит стимулом как для еще более частого выбора транспортной проблематики в целях подготовки научно-квалификационных работ, так и для совершенствования методологических подходов к их написанию.

Таким образом, представляется актуальным и полезным проанализировать как уже сложившиеся тенденции в выборе приемов и способов научного исследования в сфере транспорта, так и объективные потребности в использовании отдельных методов, диктуемые спецификой транспортного права, определить объективные и субъективные причины формирования методологической базы, привлечь внимание к отдельным методам и подходам, имеющим для них особое значение.

¹ В ст. 72 Основ 1961 г. закреплялось два понятия: договор перевозки груза и договор перевозки пассажира и багажа. Причем определение первого повторялось практически во всех транспортных уставах того времени (ст. 37 УЖД 1964 г., ст. 45 УАТ РСФСР 1969 г., ст. 83 Воздушного кодекса Союза ССР 1935 г.). Отличительной чертой приведенных в них дефиниций являлось указание момента, с которого возникали обязанности перевозчика, — момента вручения ему груза для перевозки.

² Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СЗ РФ. 13.12.2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

Так, для реализации целей данной статьи авторами был проведен анализ методологической основы цивилистических диссертационных исследований в сфере транспорта, защищенных в Российской Федерации за последние десять лет (всего 17 работ за период с 2015 по 2024 год, три из которых были представлены на соискание ученой степени доктора юридических наук). Он позволил выявить некоторые закономерности и тенденции в выборе учеными методов и подходов для решения поставленных перед научной работой целей и задач. Так, в большинстве работ среди специально-юридических методов авторы ориентировались на применение историко-правового и сравнительно-правового методов, метода правового моделирования, а также системного и структурно-функционального подходов. Кроме того, диссертанты часто обращались к межотраслевым и междисциплинарным подходам, даже притом что они не всегда выделялись в методологическом разделе автореферата. Ну и, безусловно, большое внимание было уделено исследованию понятийного аппарата.

Межотраслевой и междисциплинарный подходы как тренды современных исследований в транспортном праве

Междисциплинарность — предопределяющая закономерность современных научных исследований. Современный уклад экономики обуславливает необходимость обращения не только к самому предмету исследования науки транспортного права, но и к смежным научным знаниям, которые в комплексе составляют систему научных знаний, необходимых для формирования обоснованных, аргументированных истинных выводов, закономерностей, положений, категорий и понятий.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере цифровых технологий, а именно на применении электронного документооборота в транспортно-логистической деятельности. Порядку заключения и исполнения транспортных договоров в том или ином аспекте были посвящены многие диссертационные исследования (например, «Правовое регулирование прямой смешанной перевозки грузов» Н.А. Бутаковой [10], «Воздушная чартерная перевозка пассажира и багажа: гражданско-правовое исследование» Л.И. Адиятулиной [1], «Гражданско-правовая ответственность перевозчика по договору перевозки» В.П. Штыкова [25], «Условие о цене в договорах поставки нефте- и газопродуктов трубопроводным транспортом» М.М. Бабичевой [6], «Договор перевозки грузов: полисистемное исследование» В.К. Шайдуллиной [28], «Гражданско-правовая ответственность по договорам перевозки груза и пассажира» А.В. Дудченко [15]). Однако в настоящее время в условиях перехода к электронному документообороту в значительной

степени пересматриваются многие аспекты, связанные с порядком заключения и исполнения договора. Так, создание, апробация, внедрение информационной системы «Национальная цифровая транспортно-логистическая платформа» для оформления перевозок грузов, утвержденная Постановлением Правительства от 3 июля 2024 г. № 908¹, подтверждает факт того, что выработанные ранее подходы уже не соответствуют реалиям современного экономического уклада, который требует обеспечения прозрачности транспортного документооборота (Транспортная стратегия РФ), и предопределяют необходимость пересмотра в целях интеграции в международный рынок транспортно-логистических услуг.

В этой связи становится важным не просто исследовать правовые основания возникновения, изменения и прекращения общественных отношений, а «погружаться» в технические аспекты, которые также получают правовую оболочку и должны не просто механически переписываться, а постигаться с научной точки зрения до установления «духа», их смысла и принципа применения. В качестве примера могут быть приведены следующие нормативные правовые акты: Приказ Федеральной налоговой службы от 9 декабря 2021 г. № ЕД-7-26/1065@, Приказ Федеральной налоговой службы от 13 мая 2024 г. № ЕД-7-26/382@, Приказ Федеральной налоговой службы от 14 мая 2024 г. № ЕД-7-26/383@². Эти акты посвящены утверждению электронной транспортной накладной, электронной дорожной ведомости, электронной квитанции о приеме груза к транспортной накладной на перевозку груза. При этом в них содержатся не только правовые нормы, но и технические, которые требуют осмысления и понимания в практической плоскости для выстраивания эффективного транспортного документооборота.

Обращение к техническим наукам вообще принципиально важно для изучения правового регулирования отношений в транспортной сфере, без познания технологических особенностей тех или иных видов транспорта и взаимодействия участников транспортного процесса невозможно сформировать эффективные предложения по его совершенствованию.

Так, например, изучение особенностей технической эксплуатации автомобилей позволило В.В. Тощенко предложить оптимальную модель договорного регулирования обеспечения осуществления дея-

¹ Постановление Правительства РФ от 3 июля 2024 г. № 908 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по созданию, апробации и внедрению информационной системы “Национальная цифровая транспортно-логистическая платформа” для оформления перевозок грузов» // СЗ РФ. 08.07.2024. № 28. Ст. 4036.

² СПС «КонсультантПлюс».

тельности по перевозке легковыми такси [24]. С.В. Андреевым при исследовании деятельности операторов подвижного состава обоснованно были исследованы технические регламенты безопасной эксплуатации и ремонта подвижного состава, система технического обслуживания и ремонта грузовых вагонов, допущенных в обращение на железнодорожные пути общего пользования в международном сообщении, правила эксплуатации и пономерного учета собственных грузовых вагонов, технологии оказания услуги по согласованному с ОАО «РЖД» нахождению порожних грузовых вагонов на железнодорожных путях общего пользования, по временному размещению (отстоя) порожних вагонов, принадлежащих юридическим или физическим лицам на праве собственности или ином праве и другие технологические особенности эксплуатации подвижного состава на железнодорожном транспорте [5]. А.А. Ананьевой в целях формирования подходов к договорному управлению перевозками были изучены технологические процессы перевозки грузов и порожних вагонов, организация вагонопотоков, диспетчерское управление перевозкой, правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, критерии технических и технологических возможностей осуществления перевозок, отсутствие которых является для перевозчика и владельца инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования основанием отказа в согласовании запроса-уведомления на перевозку порожнего грузового вагона, порожних грузовых вагонов и многое другое [4].

Полагаем, что в любом диссертационном исследовании, посвященном транспортным проблемам, в обязательном порядке должны быть учтены технологические аспекты транспортной деятельности: это позволит, как было указано ранее, разработать и предложить наиболее оптимальные и эффективные правовые средства ее регулирования.

Не может обойтись полноценное цивилистическое диссертационное исследование в сфере транспорта и без обращения к экономическим аспектам перевозочной деятельности. На основе проведенного анализа диссертаций по транспортному праву можно отметить необходимость изучения экономических процессов, закономерностей, потребностей в правовых исследованиях. Так, представляется справедливым утверждение В.В. Момотова о том, что нормативное регулирование не должно противоречить экономическим законам [20, с. 31]. Безусловно, степень погружения в экономические проблемы разнится в зависимости от выбранной диссертантом тематики, но полное их игнорирование нам представляется немыслимым. А.Г. Демиева и Л.Г. Туктамышева в связи с этим обоснованно утверждают, что несомненна привлекательность направления «экономика и право» как весьма значительного «портфеля» методологических приемов и взглядов [14, с. 310]. Особый

интерес в рассматриваемом аспекте также представляет диссертационное исследование М.Ю. Назарова, посвященное гражданско-правовой ответственности перевозчика при смешанных перевозках грузов, в котором пристальное внимание уделяется методу экономического анализа права. Ценно также не только то, что диссертант обратился к, по сути, новой для российского права методологии, но и то, что особенности его применения в ходе исследования были достаточно подробно изложены в диссертации. Хотелось бы поддержать изложение в квалификационных работах по праву причины и значение выбора исследователем той или иной методологической основы, ведь это позволяет не только дать объективную оценку предложенным выводам, обогатить научные знания о методологических проблемах диссертационных исследований, но и более продуктивно использовать достигнутые результаты в будущих научных работах.

Исследование понятийного аппарата

Исследование понятийного аппарата — залог всестороннего познания предмета исследования во всей его полноте. Категории и понятия всегда являлись одним из средств научного познания, с помощью которых определяются сущность и форма исследуемых явлений или предметов, их элементы, связи, функции и т.д. Сформированные ранее в правовой науке определения категорий и понятий могут стать основой для установления закономерностей исследуемых явлений и предметов [9], знания о которых еще недостаточно полно сформированы или являются дискуссионными. Именно поэтому во всех диссертационных исследованиях, подготовленных и защищенных за последние 10 лет, особое место отводится исследованию понятий. Так, например, в диссертационном исследовании Е.М. Данилина «Договор буксировки по гражданскому праву России» дается понятие договора буксировки, которое является важным для науки транспортного права, так как в нем определяется специфика самого договора с научной точки зрения. В диссертационном исследовании Е.О. Пауловой «Договор как гражданско-правовое средство управления рисками в транспортных обязательствах», защищенном в 2022 г., дается авторское определение услуги по управлению правовыми рисками в транспортном обязательстве, в котором отмечена специфика правовой цели оказания такой услуги. А на основании данной дефиниции представлено определение договора на оказание услуг по управлению рисками в транспортном обязательстве. В диссертационном исследовании Д.С. Федоровой «Договорное регулирование совместной деятельности исполнителей транспортных услуг по перевозке пассажиров и багажа» представлены

авторские определения соглашения о бронировании, договора код-шеринга с условием блокирования мест, договора на оказание услуг по пересадке пассажира, а также введено в научный оборот новое понятие «исполнитель транспортных услуг», а также новая трактовка уже существующего в науке понятия «узловые соглашения». В силу ограниченности объема настоящей работы не представляется возможным перечислить все труды, защищенные по какой-либо отдельной сфере транспортного права. Однако общей тенденцией является то, что понятийный аппарат выступает верным ориентиром в конкретных исследованиях, чтобы получить достоверные знания и не допустить логических ошибок, связанных с отсутствием всестороннего изучения признаков того или иного правового явления или предмета.

Кроме того, учитывая, что понятийный аппарат является «живым организмом», в результате воздействия определенных условий и факторов (например, экономических, политических, технологических и т.д.) одни понятия, входящие в систему понятийного аппарата транспортного права, исчезают, другие содержательно изменяются, появляются совершенно новые понятия. Тем самым можно согласиться с В.М. Барановым, который называл понятийный аппарат базисом, обеспечивающим эффективную реализацию не только конкретных законодательных актов, но и всех элементов правовой системы России [8, с. 27]. В этой связи представляется особенно важным проводить исследования, которые бы не только касались анализа конкретных понятий, но и учитывали возможность их включения в понятийный аппарат современного транспортного права. Такого рода попытки, в частности, были сделаны в рамках диссертационных исследований М.А. Бажиной «Понятийный аппарат транспортного права в России» [7], А.А. Ананьевой «Договорное регулирование оказания услуг по управлению перевозками» [4].

Намеченная тенденция может быть продолжена и в отношении иных понятий, имеющих в настоящее время основополагающее значение. В качестве примера можно привести понятие «транспортная инфраструктура», которое в настоящее время подвергается содержательной трансформации. Так, ранее под транспортной инфраструктурой понимались конкретные физические объекты, служащие определенной цели в транспортной сфере. С развитием технологического комплекса, включающего в себя группу специализированных и универсальных терминалов, а также необходимых объектов инженерной, транспортной и административной инфраструктуры для обслуживания транзитных, экспортно-импортных, региональных и межрегиональных грузопотоков, появляется потребность в развитии такого нового инфраструктурного элемента, как платформенные решения, представляющие

собой связь между физическими объектами в рамках определенной информационной системы. В качестве одного из проявлений платформенных решений можно назвать применение высокоавтоматизированных транспортных средств, относящихся к категориям 1 и 2¹. Их функционирование строится на применении автоматизированной системы управления движением, которая состоит из баз данных информации, обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Иными словами, автоматизированные системы управления движением представляют собой информационную систему, на основе которой реализуется применение высокоавтоматизированных транспортных средств. В настоящее время для апробации и внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств в транспортно-логистическую сферу введены экспериментальные правовые режимы цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств².

Приведенный пример наглядно иллюстрирует взаимосвязь всех элементов транспортной системы между собой, что предопределяет необходимость исследования правового регулирования на системной основе.

Данная тенденция неразрывно связана с иной тенденцией (и предопределяет ее), которая должна быть в обязательном порядке учтена при подготовке диссертационных исследований в транспортной сфере.

Системный и структурно-функциональный подходы

Исключительная важность применения системного и структурно-функционального подходов в правовой сфере часто подчеркивается в юридической литературе, что естественно, ведь само право представляет собой системное явление и этим предопределяет необходимость применения системного подхода при исследовании правовых явлений. С.С. Алексеев обращал внимание на то, что «свойство системности характеризует главным образом внутреннюю юридическую согласованность права» [3, с. 10]. Е.Б. Козлова совершенно обосно-

¹ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территории отдельных субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Например: Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

ванно полагает, что «системный подход к праву служит углублению представлений о сконструированности права, его функционировании и развитии, создает теоретическую предпосылку для практического совершенствования такого качества правовой действительности, как ее системность» [17, с. 7].

Системный подход был применен во многих диссертационных работах по транспорту за последнее десятилетие, но особо следует выделить работы, посвященные договорному регулированию транспортных отношений, в том числе диссертации А.А. Ананьевой, Д.С. Данилина, М.Ю. Назарова, В.А. Сапеги, В.В. Тощенко, Е.М. Федотовой и В.К. Шайдуллиной. Его использование позволило авторам не только показать договоры, опосредующие перевозочную деятельность в их системном единстве и взаимодействии, определив место и роль каждого из них, функциональное назначение, роль и эффективность воздействия, но и решить одну из насущных для транспортного права проблем — проблему разграничения различных договорных конструкций, а также выявить интегративное свойство договорной системы, определить преобразующий потенциал каждого из ее элементов, выявить закономерности ее работы и развития.

Не может не обратить на себя внимание и то, что в этом может быть прослежено и формирование целого научного направления и даже научной школы, основоположником и идейным вдохновителем которых можно смело назвать С.Ю. Морозова. Его исследование о системе транспортных организационных договоров, бесспорно, может быть оценено как образец применения системного и структурно-функционального подхода в транспортном праве. С.Ю. Морозов справедливо утверждает, что системность права обуславливает невозможность исследования договорной системы без системного подхода и системного анализа, которые позволяют сформировать целостное представление о системе транспортных договоров [21, с. 184].

Не меньшую ценность представляет и исследование транспортных договоров в структуре системы гражданско-правовых договоров в целом, транспортной системы как таковой, отдельных элементов транспортной деятельности в их качественном взаимодействии и др.

Метод правового моделирования

Как верно отмечает В.К. Шайдуллина, «правовое моделирование является одним из самых востребованных методов исследований в юриспруденции» [28, с. 70]. Однако, несмотря на такую значимость, данный метод применялся далеко не во всех научных исследованиях. Так, в 2014 г. О.А. Кузнецова обратила внимание на то, что лишь

в шести из ста авторефератах, проанализированных ею, содержалась информация о применяемом методе моделирования [18]. Однако интересным представляется тот факт, что в большинстве из анализируемых диссертационных исследований, подготовленных по транспортному праву, метод правового моделирования был не только применен, но и отражен в методологической основе. Думается, что такой результат объясняется не столько спецификой транспортного права, сколько огромной просветительской работой по разъяснению важнейшего значения методологии в цивилистическом исследовании, роли отдельных методов и подходов, которая проводится в рамках ежегодных методологических чтений, посвященных М.Ю. Чельшеву.

Правовое моделирование как инструмент познания, по мнению Р.В. Мамедова, нацелено на изучение объекта посредством его модели, т.е. призвано выделить в исследуемой системе те признаки, свойства, связи и отношения, которые в дальнейшем станут предметом исследования [19, с. 45]. П.В. Алексеев под правовым моделированием понимает «такой метод исследования, при котором интересующий исследователя объект замещается другим объектом, находящимся в отношении подобия к первому объекту. Первый объект называется оригиналом, а второй — моделью. В дальнейшем знания, полученные при изучении модели, переносятся на оригинал на основании аналогии и теории подобия» [2, с. 376]. С.Ю. Морозов подчеркивает, что «в результате решения экспертной задачи появляется познавательная модель, которая затем “подгоняется” под реальность путем последующего сравнения предсказаний модели с действительным развитием событий» [21, с. 183].

В изученной авторами выборке диссертаций метод правового моделирования применялся для достижения различных результатов, среди которых особенно хотелось бы отметить исследование и совершенствование юридической конструкции отдельных транспортных договоров, построение структурных и функциональных моделей отдельных элементов исследуемых систем договоров, моделирования новых договорных конструкций. В заключение отметим, что потенциал использования данного метода правовых исследований огромен, и не только для научных исследований, посвященных правовому регулированию транспортных отношений, но и в целом для всех цивилистических диссертационных исследований.

Историко-правовой метод

Особо следует выделить историко-правовой метод, который используется некоторыми авторами при проведении научных исследований в сфере транспортного права. Так, Е.М. Данилин во второй главе

своей работы «Договор буксировки по гражданскому праву России» применил данный метод в целях исследования вопроса о соотношении договора буксировки со смежными договорными обязательствами. Без сомнения, заслугой диссертанта можно признать историко-правовой анализ становления договора буксировки, опираясь на результаты которого автор выявил особенности договора буксировки и провел анализ его соотношения с иными гражданско-правовыми договорами (с. 59–62 диссертации) [13].

В докторской диссертации М.А. Бажина также использовала историко-правовой метод для изучения понятийного аппарата транспортного права России [7]. Применение данного метода в такого рода работе является необходимой предпосылкой генетической трактовки элементов понятийного аппарата транспортного права, уяснения соотношения исходной семантики понятий с современным их содержанием.

В целом, думается, значимость данного метода становится особенно очевидна тогда, когда требуется учитывать принцип преемственности, который представляется основополагающим для развития научного знания транспортного права, а также незаменимым для совершенствования транспортного законодательства. Именно этот метод позволяет объяснить применение в современном транспортном праве отдельных юридических конструкций, а также тех понятий и их дефиниций, наличие которых порой вызывает определенное недоумение, непонимание или отторжение. Игнорирование данного метода в современных условиях не позволит достоверно и всесторонне оценить существующую систему общественных отношений в сфере транспортно-логистической деятельности, которая формировалась на протяжении многих десятилетий.

Тем самым гармоничное включение историко-правового метода в научные исследования позволит добиться объективных результатов в условиях высокой степени консервативности научного знания в сфере транспортного права.

Выводы

Представленное исследование призвано обратить внимание на существующие проблемные аспекты в сфере развития научного знания транспортного права, накопленного за последние десять лет. Следует подчеркнуть, что выбранный авторами временной отрезок ни в коем случае не выносит за границы значимости иные исследования в транспортной сфере, которые дали мощный толчок развитию науки транспортного права. Однако представляется крайне важным в последующих исследованиях наполнять текст цитатами тех авторов, чьи труды могут

быть по праву названы научными достижениями, которые в значительной степени обогатили науку транспортного права. Дальнейшее развитие науки транспортного права видится в преемственности между современными исследователями и теми, кто позволил создать поистине богатый задел научного знания транспортного права. Такая преемственность будет иметь свои результаты тогда, когда современные исследователи смогут грамотно использовать наработанный объем знаний с учетом современных тенденций развития научного познания (в т.ч. и в транспортном праве). Такой комплексный подход позволит не только исследовать то или иное явление или предмет в транспортной сфере, а всецело охватывать картину научного поля, учитывая отдельные детали системно. Именно такой подход является залогом успешного развития научного знания, так необходимого не только для развития науки, но и для современного законодательства, правоприменительной сферы.

Библиографический список

1. *Адиятулина Л.И.* Воздушная чартерная перевозка пассажира и багажа: гражданско-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 202 с.
2. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учебник. М.: Проспект, 2000. 608 с.
3. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. 264 с.
4. *Ананьева А.А.* Договорное регулирование оказания услуг по управлению перевозками: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
5. *Андреев С.В.* Правовое регулирование деятельности оператора железнодорожного подвижного состава: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 236 с.
6. *Бабичева М.М.* Условие о цене в договорах поставки нефте- и газопродуктов трубопроводным транспортом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 228 с.
7. *Бажина М.А.* Понятийный аппарат транспортного права в России: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 401 с.
8. *Баранов В.М.* Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: матер. Междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.). 1456 с.
9. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. — М.: Nota Bene, 2000. 574 с.
10. *Бутакова Н.А.* Правовое регулирование прямой смешанной перевозки грузов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 501 с.

11. *Габов А.В.* О новизне результатов диссертационных исследований по праву // Юрическое образование и наука. 2019. № 7. С. 23–38.
12. *Голубцов В.Г.* Теоретическая и практическая значимость цивилистической диссертации // Методологические проблемы цивилистических исследований. М.: Статут, 2022. С. 97–117.
13. *Данилин Е.М.* Договор буксировки по гражданскому праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 202 с.
14. *Демиева А.Г., Туктамышова Л.Г.* Активная экономическая деятельность: междисциплинарный подход к исследованию // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 306–315.
15. *Дудченко А.В.* Гражданско-правовая ответственность по договорам перевозки груза и пассажира: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 184 с.
16. *Ильин В.В.* Философия и история науки. М., 2005. 432 с.
17. *Козлова Е.Б.* Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости. М., 2013. 366 с.
18. *Кузнецова О.А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 254–270.
19. *Мамедов Р.В.* Конструирование как методологический подход в правоведении // Образование и право. 2013. № 5 (45). С. 44–54.
20. *Момотов В.В.* Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 29–35.
21. *Морозов С.Ю.* Система транспортных организационных договоров: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 491 с.
22. *Назаров М.Ю.* Гражданско-правовая ответственность перевозчика при смешанных перевозках грузов: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2023. 241 с.
23. *Паулова Е.О.* Договор как гражданско-правовое средство управления рисками в транспортных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2022. 208 с.
24. *Тощенко В.В.* Система договоров перевозок такси автомобильным транспортом: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 205 с.
25. *Штыков В.П.* Гражданско-правовая ответственность перевозчика по договору перевозки: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 206 с.
26. *Федотова Д.С.* Договорное регулирование совместной деятельности исполнителей транспортных услуг по перевозке пассажиров и багажа: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019. 215 с.
27. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 463 с.

28. *Шайдуллина В.К.* Договор перевозки грузов: полисистемное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 200 с.

References

1. *Adiyatulina L.I. Vozdushnaya charternaya perevozka passazhira i bagazha: grazhdansko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [Contractual Regulation of the Provision of Transportation Management Services: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2021. 202 p. (In Russ.)
2. *Alekseev P.V., Panin A.V. Filosofiya* [Philosophy]: uchebnik. Moscow, 2000. 608 p. (In Russ.)
3. *Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava* [The Structure of Soviet Law]. Moscow, 1975. 264 p. (In Russ.)
4. *Ananeva A.A. Dogovornoe regulirovanie okazaniya uslug po upravleniyu perevozkami: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Contractual Regulation of the Provision of Transportation Management Services: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2020. 424 p. (In Russ.)
5. *Andreev S.V. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti operatora zheleznodorozhnogo podvizhnogo sostava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regulation of the Activities of the Operator of Railway Rolling Stock: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 236 p. (In Russ.)
6. *Babicheva M.M. Uslovie o cene v dogovorakh postavki nefte- i gazo-produktov truboprovodnym transportom: dis. ... kand. yurid. nauk* [Price clause in Contracts for the Supply of oil and Gas Products by Pipeline Transport: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 228 p. (In Russ.)
7. *Bazhina M.A. Ponyatijnyj apparat transportnogo prava v Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual Apparatus of Transport Law in Russia: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2022. 401 p. (In Russ.)
8. *Baranov V.M. Zakonodatel'naya definiciya kak obshchepravovoj fenomen* [Legislative Definition as a General Legal Phenomenon]. *Logiko-gnoseologicheskie, politiko-yuridicheskie, moral'no-psikhologicheskie i prakticheskie problemy: mater. Mezhdunar. kruglogo stola* — Logical-epistemological, Political-legal, Moral-psychological and Practical Problems: Materials of the International Round Table. Chernovcy, 2006. 1456 p. (In Russ.)
9. *Berzhel Zh.L. Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, 2000. 574 p. (In Russ.)
10. *Butakova N.A. Pravovoe regulirovanie pryamoj smeshannoj perevozki грузов: dis. ... d-ra yurid. nauk.* [Legal Regulation of Direct Mixed Transportation of Goods: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 501 p. (In Russ.)
11. *Gabov A.V. O novizne rezul'tatov dissertacionnykh issledovanij po pravu.* [On the Novelty of the Results of Dissertation Research in Law].

Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal Education and Science. 2019. Issue 7. Pp. 23–38. (In Russ.)

12. Golubcov V.G. *Teoreticheskaya i prakticheskaya znachimost' civilisticheskoy dissertatsii* [On the Novelty of the Results of Dissertation research in Law]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy* – Methodological problems of civilistic research. 2022. Pp. 97–117. (In Russ.)

13. Danilin E.M. *Dogovor buksirovki po grazhdanskomu pravu Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Towing Agreement Under the Civil Law of Russia: Cand. jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2024. 202 p. (In Russ.)

14. Demieva A.G., Tuktamyshova L.G. *Aktivnaya ekonomicheskaya deyatel'nost': mezhdisciplinarnyy podhod k issledovaniyu* [Active Economic Activity: An Interdisciplinary Approach to Research]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy* – Methodological problems of civilistic research. 2022. № 4. P. 306–315 (In Russ.)

15. Dudchenko A.V. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' po dogovoram perevozki gruzov i passazhira: dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil Liability Under Contracts for the Carriage of Goods and Passengers: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 184 p. (In Russ.)

16. Ilin V.V. *Filosofiya i istoriya nauki* [Philosophy and History of Science]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)

17. Kozlova E.B. *Sistema dogovorov, napravlenykh na sozdaniye ob"yektov nedvizhimosti*. [The system of Contracts Aimed at Creating Real Estate Objects]. Moscow, 2013. 366 p. (In Russ.)

18. Kuznetsova O.A. *Metody nauchnogo issledovaniya v tsivilisticheskikh dissertatsiyakh* [Methods of Scientific Research in Civilistic Dissertations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki* – Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2014. Issue. 4 (26). Pp. 254–270. (In Russ.)

19. Mamedov R.V. *Konstruirovaniye kak metodologicheskiy podkhod v pravovedenii* [Construction as a Methodological Approach in Jurisprudence]. *Obrazovaniye i parvo* – Education and law. 2013. Issue 5 (45). Pp. 44–54. (In Russ.)

20. Momotov V.V. *Ekonomicheskaya effektivnost' prava kak tsel' pravovogo regulirovaniya* [Economic Efficiency of Law as the Goal of Legal Regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian law. 2022. Issue 1. Pp. 29–35.

21. Morozov S.Yu. *Sistema transportnykh organizatsionnykh dogovorov: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of Transport Organizational Agreements]. Moscow, 2012. 491 p. (In Russ.)

22. Nazarov M.Yu. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' perevozchika pri smeshannykh perevozkah gruzov: dis. kand. yurid. nauk* [Civil Liability of The Carrier in Mixed Transportation of Goods]. Perm, 2023. 241 p. (In Russ.)

23. Paulova E.O. *Dogovor kak grazhdansko-pravovoe sredstvo upravleniya riskami v transportnykh obyazatel'stvakh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Contract

as a Civil-law Means of Risk Management in Transport Obligations: Cand. jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2022. 208 p. (In Russ.)

24. *Toshchenko V.V. Sistema dogovorov perevozok taksi avtomobil'nyh transportom: dis. ... kand. yurid. nauk* [Taxi Transportation Contracts System by Automobile Transport: Cand. jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2024. 205 p. (In Russ.)

25. *Shtykov V.P. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' perevozchika po dogovoru perevozki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil Liability of the Carrier Under the Contract of Carriage: Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2015. 206 p. (In Russ.)

26. *Fedotova D.S. Dogovornoe regulirovanie sovmestnoj deyatel'nosti ispolnitelej transportnykh uslug po perevozke passazhirov i bagazha: dis. ... kand. yurid. nauk* [Contractual Regulation of Joint Activities of Providers of Transport Services for the Carriage of Passengers and Baggage: Cand. jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2019. 215 p. (In Russ.)

27. *Syrykh V.M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and Methodology of Legal Science]. Moscow, 2012. 463 p. (In Russ.)

28. *Shajdullina V.K. Dogovor perevozki грузов: polisistemnoe issledovanie: diss. ... kand. yurid. nauk* [Contract for the Carriage of Goods: a Polysystemic Study: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2016. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

А.А. Ананьева

Доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права
Российский государственный университет правосудия,
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.
ORCID: 0000-0002-2018-9918.
Researcher ID: E-2364-2016.

М.А. Бажина

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского права
имени В.С. Якушева
Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева,
620131, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
ORCID: 0000-0003-1237-0052.
Researcher ID: GON-4988-2022.

Information about the authors:**A.A. Ananieva**

Russian State University of Justice,
69 Novocheryomushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia.
ORCID: 0000-0002-2018-9918.
Researcher ID: E-2364-2016.

M.A. Bazhina

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, 620131, Russia.
ORCID: 0000-0003-1237-0052.
Researcher ID: GON-4988-2022.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛГОРИТМА ЗАКУПОЧНОЙ КОНТРАКТАЦИИ

О.А. Беляева¹

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

E-mail: civil@izak.ru

Введение: в современном гражданском обороте мы имеем дело с совершенно новым явлением — договором закупки, который представляет собой особый правовой режим, в него может быть помещен практически любой гражданско-правовой договор. Исследовать специфику вступления в такие договорные отношения невозможно на основе общегражданского и специального законодательства, требуется также учет норм иной отраслевой принадлежности. **Цель:** определить основные особенности возникновения договорных отношений, осложненных закупочной процедурой (не только конкурентной, базирующейся на состязательности потенциальных контрагентов, но и неконкурентной). **Методы:** общенаучные (анализ, синтез, сравнение, аналогия) и частнонаучные (формально-логический, системный, функциональный) методы. **Результаты:** сделаны выводы о критериях (характеристиках) договора закупки, пределах применения к нему общих положений обязательственного права, отмечена невозможность его квалификации в качестве кабальной сделки, отражена специфика реализации принципа свобода договора в такой специальной контрактации.

Ключевые слова: закупка; договор закупки; свобода договора; недобросовестный поставщик; переговоры; протокол разногласий; сговор.

¹ Работа © Беляева О.А. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

METHODOLOGY OF RESEARCHING THE PROCUREMENT CONTRACTING

O.A. Belyaeva

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Government of the Russian Federation

E-mail: civil@izak.ru

Introduction: *In modern civil law, we are dealing with a completely new phenomenon — the procurement agreement representing a special legal regime, almost any civil law agreement can fit it. It is impossible to study the specifics of entering into such contractual relations on the basis of general civil and special legislation, since other sector-specific norms also need to be taken into account.*

Purpose: *to identify the main features of contractual relations complicated by the procurement procedure (not only by the competition-related procedure addressing the competitiveness of potential counterparties, but also by non-competition procedure).* **Methods:** *general scientific (analysis, synthesis, comparison, analogy) and private scientific (formal-logical, systemic, functional) methods.* **Results:** *conclusions are drawn about the criteria (characteristics) of the procurement agreement and about the limits of applying the general provisions of the contractual law to the procurement agreement, the impossibility of qualifying it as a bonded transaction is noted, the specifics of the implementation of the freedom of contract principle in such special contracting are reflected.*

Keywords: *procurement; procurement agreement; freedom of contract; bad faith supplier; negotiations; protocol of disagreement; collusion.*

Введение

В наши дни происходит последовательная дифференциация договорного права [14], одним из проявлений которой выступают договоры закупки; система их регулирования постоянно усложняется, в том числе за счет отягощения требованиями антимонопольного законодательства в контексте квалификации антиконкурентных соглашений. Но не только. Важно отметить, что исследование этих новых отношений не может базироваться только лишь на традиционном цивилистическом подходе также по причине активного, хотя и опосредованного, участия в них государства [21].

Сегодня формы взаимодействия участников гражданского оборота непрозрачны, расстояние между контрагентами не ограничено, границы «размыты», технологии усложнены. Если ранее взаимодействие происходило одноактовыми действиями (сделками), то в настоящее

время наблюдается множество действий (в том числе и организационного характера), предшествующих совершению сделок [11]. Релевантный пример такого сложного взаимодействия — это закупочные процедуры.

Основной контент

Закупочное (торговое, процедурное) и договорное отношения тесно взаимосвязаны: первое возникает по поводу имущественного интереса, а второе — по поводу имущественных прав и, дополняя друг друга, эти отношения имеют похожую, но не единую сущность. При этом без последующего договорного отношения закупочное отношение теряет смысл. Поэтому закупочное отношение носит вспомогательный характер и служит предпосылкой для возникновения договорного отношения. Закупочное отношение следует понимать в узком смысле как процедуру, опосредующую заключение договора [1].

На мой взгляд, закупка заслуживает и более широкой трактовки, собственно говоря непосредственно следующей из норм действующего законодательства¹. Термин «закупка» в развернутом смысле означает определенную деятельность юридического лица — заказчика, включая договорные отношения, поскольку именно посредством договора удовлетворяются потребности заказчика в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности.

Общеизвестно, что договор является многозначным и многоаспектным явлением [10]. Сейчас в современном гражданском обороте имеет место новое явление — «договор закупки». Специфика его обусловлена не существом воплощенных в нем обязательств сторон, но особой процедурой вступления в договорные отношения. Причем окончание процедуры не устраняет специфические черты такого договора, они сохраняются во всей его динамике. Это не вид и не тип гражданско-правового договора и не его особая модель или конструкция. Закупка погружает договор в специальный правовой режим, в котором классические гражданско-правовые обязательства приобретают иные черты. На первый план в регулировании договорных отношений выходят нормы специального законодательства, а именно Закона о закупках [16].

¹ См.: ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571 (далее — Закон о закупках); п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652 (далее — Закон о контрактной системе).

Одной из целей регулирования Закона о закупках является развитие добросовестной конкуренции, предотвращение коррупции и других злоупотреблений (ч. 1 ст. 1 Закона о закупках). Среди принципов закупки, которыми обязан руководствоваться в своей закупочной деятельности заказчик, есть принцип равноправия, справедливости, отсутствия дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки (п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона о закупках).

Закупочная процедура и договор являются разными юридическими составами, которые не вполне самостоятельны, поскольку взаимобусловлены. Процедура закупки проводится в целях определения конкретного лица, которое с максимальной степенью вероятности надлежащим образом исполнит договор. Договор, в свою очередь, базируется на условиях, окончательно определенных в ходе процедуры закупки. Первая юридически значимая точка в юридическом составе закупочной процедуры — это извещение о ее проведении, последняя — оформление протокола о результатах закупки. Протокол выступает необходимой предпосылкой для перехода к заключению договора.

Обусловленность договора проведенными закупочными процедурами в современной практике нередко порождает вопросы об ограничении свободы договора, неравенстве переговорных возможностей заказчика и победителя процедуры, а также о выделении слабой стороны в таких правоотношениях. Отмечу, что проблема защиты слабой стороны является всеобъемлющей для гражданского права. Однако определить ее в конкретном правоотношении может быть непросто. Более того, нельзя считать, что слабая сторона может быть выделена абсолютно в любом правоотношении. Как правило, поиск такой стороны в договорном (обязательственном) отношении обусловлен экономическим неравенством контрагентов [8; 9; 18].

На мой взгляд, определение слабой стороны в закупочных отношениях — неразрешимая дилемма: с одной стороны, переговорный процесс может быть затруднен и даже заблокирован корпоративным заказчиком (причем вовсе не в целях совершения каких-либо злоупотреблений), с другой — закупка — мероприятие добровольное: никто не заставляет претендентов подавать заявки (оферты) и соперничать с конкурентами за право получить договор.

Заказчик не менее «слаб», чем участник закупки, в том смысле, что он изначально связан условиями, которые публично сообщает всем желающим, отношений экономической зависимости с участниками закупок он не имеет. Если участник, подавший заявку, обнаруживает обременительность предлагаемых условий, он может свою заявку отозвать, причем без каких-либо имущественных последствий. Если так

поступят все участники, заказчик лишается возможности удовлетворить свои потребности и, вероятнее всего, терпит убытки. Кто в такой ситуации оказывается в «слабой» позиции? Более того, только участник закупки максимально осведомлен о характеристиках требуемой заказчику продукции, условиях ее поставки, факторах, обуславливающих ее стоимость; с этой точки зрения слабой стороной считать его вряд ли уместно.

Свобода договора в закупках есть, вряд ли имеются основания рассуждать о ее ограничении, ведь по большому счету и в других обязательственных отношениях эта свобода тоже не является беспредельной: ст. 421 ГК РФ в равной степени направлена на обеспечение не только свободы договора, но и баланса интересов сторон¹.

Заключение договора по результатам конкурентной процедуры закупки — это обязанность и заказчика, и победителя. По справедливому мнению высшей судебной инстанции, утрата экономического интереса к заключению договора, тяжелое финансовое положение, убыточность для заказчика спорного договора не отменяют предусмотренной действующим законодательством обязанности по заключению договора с победителем². Формально это действительно так, поэтому, даже если победитель закупки также не заинтересован в заключении договора, «разойтись» стороны не могут: им все равно придется сначала заключить договор, а затем расторгнуть его по обоюдному согласию. Альтернативного варианта законодательство не предполагает. И в то же время свобода договора не ограничена; просто ее реализация в закупках происходит иначе, чем в обычных отношениях: заказчик приглашает участников рынка сделать оферты в отношении будущего договора, определяя все необходимые ему параметры заблаговременно в документации о закупке, а претенденты свободно подают заявки (оферты в отношении будущего договора). На данный момент неизвестно, с кем будет заключен договор и на каких окончательных условиях, но принцип свободы договора уже соблюден (иными словами, свобода реализуется темпорально раньше, чем при обычном порядке заключения договора). Повторюсь: инициатива вступления в договорные отношения для участника закупки ничем не обусловлена, вынужденной контрактации в закупках нет.

Изложенное приводит к выводу о бесперспективности рассуждений о неравенстве и поиске слабой стороны.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2022 г. № 23-П; Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 934-О-О и проч. // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 9 ноября 2021 г. № 303-ЭС21-20752 по делу № А73-13542/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Закупочные процедуры (причем как конкурентные, так и неконкурентные) следует считать особой формой переговорного процесса. Как правило, в науке сравнивают переговоры и торги [20], но «прямые» закупки тоже сопряжены с соблюдением процедуры (например, в части обоснования цены договора [4]), и им также требуется переговорный процесс.

В ст. 434.1 ГК РФ переговоры упоминаются только в контексте заключения договора, причем сам процесс проведения переговоров регламентации не имеет, поскольку граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто. Приведенная норма нацелена на запрет недобросовестных действий и установление ответственности за прерывание переговоров.

Однако предназначение переговоров значительно шире, нежели вступление в договорные отношения. В настоящее время не выработано общепринятого понятия переговоров, что объяснимо, поскольку существует множество вариантов взаимодействия между людьми (беседы, переписки, консультации, диспуты, посредничество, форумы). Переговоры могут вестись в самых разных формах и иметь различную направленность. Например, переговоры по урегулированию споров могут быть как способом досудебного урегулирования конфликта, так и особой примирительной процедурой. Так, переговоры выступают и специально организуемой и управляемой процедурой урегулирования правового спора, участники которой являются друг для друга «ресурсом» в достижении цели и реализации интересов (ст. 138.3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

«Закупка» в широком смысле представляет собой деятельность заказчика, объединяющую несколько стадий развития разнообразных отношений, которые можно в общем виде разделить на две части: преддоговорную и договорную. Более детальная градация проявляется в том, что преддоговорная часть включает в себя процесс формирования потребности заказчика, описания ее в плане закупки, подготовку к организации и проведению процедуры («закупки» в узком смысле), наконец, саму процедуру в динамике ее развития. Внутри преддоговорной части закупочных отношений возможность проведения переговоров и их сущность могут быть оценены по-разному.

Уместно выделить три вида переговоров в закупочной деятельности любого заказчика:

1) до размещения извещения о закупке (назначение — подготовка технического задания, расчет начальной цены, определение возможно-

го количества участников, максимально правильное структурирование информации; важно ничего не обещать);

2) во время проведения закупочной процедуры (назначение — убедиться в достоверности поданных предложений, способствовать реальной состязательности участников, уточнить техническое задание; возможно провести переторжку, важно не допустить неравенства участников);

3) после определения победителя закупки, т.е. накануне заключения договора (назначение — исправить ошибки, уточнить детали договорных условий, выехать на производство, приступить к испытаниям оборудования, провести постквалификацию; важно не допустить изменения условий, за счет которых участник победил).

Законодательного запрета на проведение переговоров, взаимодействие с участниками рынка (потенциальными претендентами на участие в закупке) не установлено. Более того, заказчик объективно не может узнать состояние рынка без общения с хозяйствующими субъектами, функционирующими на нем. Такое взаимодействие можно в равной степени называть как переговорами, так и консультациями. Простой пример — это лотирование, провести которое без изучения рынка невозможно. В то время как правильное формирование лотов (правильное не с юридической точки зрения, а с позиции прогнозирования конкурентной ситуации на процедуре) находится в прямой причинно-следственной связи с результативностью и эффективностью закупки, общение, консультации и информационное взаимодействие с участниками рынка позволяют заказчику составить представление о том, кто и с какими товарными позициями может стать реальным претендентом на участие в закупке. Следовательно, это является определяющим фактором для выбора вида лотирования: монолот, смешанный лот, интегративный лот [13].

В Российской Федерации представлена дуальная система регулирования публичных закупок: Закон о закупках и Закон о контрактной системе. Эти акты отличаются по кругу субъектов, на деятельность которых они воздействуют, по целям регулирования, по объему нормативного массива и степени детализации норм. В этой связи представляется уместным сопоставить подходы к определению допустимых переговоров, содержащиеся в этих федеральных законах.

Так, аналогом закупочных подразделений корпоративных заказчиков являются контрактные службы государственных заказчиков. Контрактная служба организует в случае необходимости консультации с поставщиками (подрядчиками, исполнителями) и участвует в таких консультациях в целях определения состояния конкурентной среды на соответствующих рынках товаров, работ, услуг, определения

наилучших технологий и других решений для обеспечения государственных и муниципальных нужд¹. Таким образом, консультации с поставщиками необходимы для правильного формирования потребности (нужды), это взаимодействие, требуемое на стадии планирования закупки.

Однако недопустимо направлять участникам рынка (потенциальным претендентам) информацию, которая создает для них преимущества перед иными хозяйствующими субъектами, поскольку такие действия могут быть квалифицированы как нарушение антимонопольных запретов при проведении торгов и иных способов конкурентных закупок (ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», далее — Закон о защите конкуренции).

Равным образом без взаимодействия с участниками рынка невозможно адекватно определить начальную (максимальную) цену договора: для этих целей традиционно используются ценовые запросы или запросы коммерческих предложений.

В динамике самой закупочной процедуры (от ее объявления до подведения итогов) также не имеется законодательно установленного запрета на проведение переговоров с участниками закупки.

Запрет переговоров, сформулированный в ст. 46 Закона о контрактной системе, в сфере корпоративных закупок не действует. Попутно отмечу, что сущность данного запрета касается только определенных лиц, таких как: 1) заказчик, член комиссии — участник закупки; 2) заказчик — оператор электронной площадки; 3) оператор электронной площадки — участник закупки. Причем для второго и третьего случаев сделана оговорка: запрет действует лишь при условии создания преимущественных условий участия или разглашения конфиденциальной информации².

Похожий запрет установлен и для корпоративных закупок, но, в отличие от сегмента контрактной системы, он не имеет универсального характера, поскольку, во-первых, действует исключительно при проведении конкурентных закупок, участниками которых являются только субъекты малого и среднего предпринимательства (ч. 9 ст. 3.3

¹ Пункт 3.1.5 Типового положения (регламента) о контрактной службе, утв. приказом Минфина России от 31 июля 2020 г. № 158н // СПС «КонсультантПлюс».

² Переговорный запрет не применяется при проведении неконкурентных закупок, в частности проводимых на платформе единого агрегатора торговли (письмо Минфина России от 15 февраля 2023 г. № 24-03-08/12914 «О рассмотрении обращения» // СПС «КонсультантПлюс»). Справедливым видится и отождествление переговоров с допуском потенциального участника закупки на объект производства работ (письмо Минэкономразвития России от 25 июля 2016 г. № Д28и-1869 «О разъяснениях, связанных с применением Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс»).

Закона о закупках); во-вторых, не затрагивает отношений между заказчиком и участниками закупки.

Между тем, по мнению ФАС России, изложенному в Стандарте закупочной деятельности¹, нарушения антимонопольных запретов могут быть выражены не только в координации деятельности участников закупки, но и в проведении не предусмотренных положением о закупке переговоров между заказчиком и участником с момента объявления закупки и до определения победителя закупки, в том числе с предоставлением участникам закупки сведений о предложениях иных участников закупки, ходе проведения закупки и принимаемых решениях, за исключением сведений, находящихся в открытом доступе. Поэтому в положении о закупке, иных нормативных актах заказчика целесообразно для сотрудников заказчика, организатора закупок, инициатора закупок, членов комиссий, экспертов предусмотреть запрет на совершение вышеуказанных действий. Такой механизм позволяет снизить при проведении закупок коррупционные риски и определить в качестве победителя участника, предложившего условия исполнения договора, наиболее полно удовлетворяющие потребностям заказчика, с соблюдением принципов прозрачности и гласности проводимых закупок.

Таким образом, нивелирование коррупционных и иных рисков, по мнению контрольного органа, может быть достигнуто за счет упорядочения, регламентации процесса переговоров (соотношения запретов и дозволений).

Например, недопустимо обсуждать с участником закупки содержание заявок, поданных другими участниками, а также запросов о разъяснении положений документации о закупке. В то же время переговоры с исчерпывающим перечнем вопросов для изменения или уточнения допустимы. Так, в закупочной практике некоторых корпоративных заказчиков переговоры позиционируются как процедура, проводимая в ходе закупки в отношении любых аспектов заявок участников закупки в целях уточнения требований к закупаемой продукции, условиям договора и иным условиям закупки либо улучшения заявок в интересах заказчика, кроме изменения предмета закупки.

В целом даже при отсутствии законодательного запрета заказчику целесообразно определить допустимые форматы переговоров в ходе проведения процедуры закупки, а также до или после нее.

Оценка правомерности проведения переговоров и (или) консультаций с участниками рынка не может быть дана в отрыве от принципов закупки, которыми обязаны руководствоваться все корпоративные

¹ URL: <https://fas.gov.ru/documents/574853>.

заказчики. Среди них на первый план следует поставить равноправие, справедливость, отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки (п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона о закупках).

В частности, консультации не должны сводиться к общению с каким-либо одним участником рынка, тем более они не должны трансформироваться в делегирование поставщику полномочий по подготовке технического задания и документации о закупке в целом.

Между «консультациями с поставщиками» и «антиконкурентными соглашениями» существует очень тонкая грань, можно даже сказать, что она носит умозрительный характер. Консультации могут быть квалифицированы антимонопольным органом как недопустимые переговоры должностных лиц заказчика, а также как создание участникам закупки преимущественных условий участия в конкурентных процедурах, в том числе путем доступа к информации, что означает прямое нарушение антимонопольных запретов [2].

Устоявшейся трактовки понятия «создание преимущественных условий участия в торгах» в отечественной доктрине нет [15]. Представляется, что его следует оценивать не только в сравнении с предложениями (заявками) других участников (условно говоря, «внутри торгов»), но и в виде внеторгового получения договора в связи с признанием процедуры закупки несостоявшейся. По сути, ведь Закон о защите конкуренции исходит из универсального запрета на создание дискриминационных условий как при проведении торгов, так и в процессе их организации, подготовки к проведению [17].

Преимущественные условия выражаются в том, что участники рынка, с которыми должностные лица заказчика контактировали до начала процедуры закупки, заблаговременно получают информацию о закупке, могут раньше других начать переговоры со вспомогательными контрагентами (субподрядчиками), готовить заявку на участие в закупке, включая ее обеспечение и прочее.

В целом нельзя направлять участникам закупки информацию, которая создаст им преимущества перед иными участниками закупки (ни во время закупки, ни до ее начала).

В подавляющем большинстве случаев антиконкурентные соглашения отличаются высоким уровнем конспиративности, что стало причиной выработки особой позиции высшей судебной инстанции: факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключенности в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством. Законодательством не определено и не может быть определено, какие доказательства его подтверждают, а также не установлены и не могут быть установлены требования

к форме подтверждающих документов¹. Достижение договоренности означает осуществление процесса согласования воле, однако момент этого волеоголасования не определяет момент заключения сделки. Так, при ведении переговоров договоренность (соглашение) может быть достигнута значительно раньше, чем заключен сам договор, т.е. совершена сделка.

Это особенно ярко выражено при заключении договора на торгах (или в любых других конкурентных процедурах), когда участники сговора заранее достигают договоренности, направленной на устранение конкуренции на аукционах, и затем реализуют ее. Вне зависимости от того, что различные аукционы проходят в разное время, отличаются друг от друга предметом, условием о цене, количеством участников, подавших заявки, в них прослеживается единообразная модель поведения их участников, которая является предметом сговора и заключается в совершении повторяющихся (аналогичных) действий. При этом необходимость доказывания антимонопольным органом фактического исполнения участниками условий соглашения отсутствует, поскольку нарушение состоит в достижении договоренности, которая приводит или может привести к перечисленным в ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции последствиям [12].

Запрет координации деятельности участников торгов означает запрет переговоров с ними. Сговор есть форма координации на торгах. Этот запрет носит универсальный характер.

Организация и проведение торгов (а равно и других конкурентных процедур закупки) — это всегда предмет антимонопольного регулирования независимо от сферы отношений и обязательности торгов². Создание преимущественных или, напротив, дискриминационных условий есть аналог антиконкурентного соглашения или согласованных действий.

Таким образом, речь идет не о вопросе права, а о вопросе факта: могут и будут ли переговоры расценены как сговор заказчика и конкретного участника или участников закупки.

¹ Пункт 9 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

² Вместе с тем нельзя не отметить, что высшей судебной инстанцией сформулирована дискуссионная позиция о применении антимонопольных требований исключительно к регламентированным закупкам и торгам (п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 5), хотя, по моему убеждению, такие запреты обладают глобальным характером.

Если переговоры квалифицируются как нарушение антимонопольного запрета, то возможно наступление следующих правовых последствий:

1) гражданско-правового характера: процедура закупки может быть признана недействительной по иску антимонопольного органа, что повлечет ничтожность заключенного по ее результатам договора (ч. 4 ст. 17 Закона о защите конкуренции, ст. 449 ГК РФ);

2) административно-правового характера: наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 20 до 50 тыс. руб. или дисквалификация на срок до трех лет; на юридических лиц — от 0,1 до 0,5 начальной стоимости предмета торгов, но не более 0,04 совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) и не менее 100 тыс. руб. (ч. 2 ст. 14.32 Кодекса об административных правонарушениях РФ).

Согласно ч. 5 ст. 4 Закона о закупках неотъемлемой частью извещения об осуществлении конкурентной закупки является проект договора. С одной стороны, нет ничего плохого в использовании не только легально установленных терминов, но и просторечий (клише, устойчивых выражений), тем более в случаях, когда содержание просторечия является общепринятым, общеизвестным и не может вызвать двоякое его толкование. С другой стороны, даже если просторечие имплементировано в текст нормативного правового акта, как это вышло со словосочетанием «проект договора», правоприменительная практика однозначно будет испытывать трудности с уяснением его содержания.

Конечно, содержание проекта договора определяет именно заказчик, чаще всего в проекте предлагаются формулировки по большей части договорных условий (по этой причине нередко к проекту договора в закупках применяется ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения, отмечается диспаритет переговорных возможностей сторон¹). Действительно, по общему правилу, победитель не вправе по своему усмотрению предложить заказчику иное. Переговоры по поводу изменений возможны, но эту опцию открывает именно заказчик: возможны ли переговоры в принципе и если да, то в каком объеме. Нередко проект договора сопровождается такими приложениями, как техническое задание, спецификации, которые представляют собой обычаи делового оборота в практике документального оформления договорных отношений и не отягощены какими-либо нормативными ограничениями.

¹ Постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 июля 2024 г. № Ф03-1830/2024 по делу № А51-16620/2023, Арбитражного суда Московского округа от 27 сентября 2024 г. № Ф05-18281/2024 по делу № А40-211883/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Заказчик вправе «запрограммировать» изменения проекта договора, включив в него альтернативные и вариативные оговорки. Альтернативная оговорка предоставит победителю право исключить из проекта договора то или иное условие, вариативная — выбрать один из двух и более предложенных заказчиком вариантов формулировки. В целом современный период характеризуется чередой неординарных событий, таких как техногенные катастрофы, финансовые кризисы, санкции недружественных государств, пандемия COVID-2019, которые оказывают негативное влияние на экономики различных стран. Перечисленные события стали своего рода триггером для изменения частноправовых норм, модификации договорных условий. Для балансирования в условиях кризисных явлений в договоры включается множество разнообразных оговорок [19].

Заказчик может объявить о готовности принимать на рассмотрение протокол разногласий по всем или выборочным условиям договора. Казалось бы, переговорные возможности открыты, но это не так. Принимать и рассматривать протокол разногласий не означает, что заказчик будет с ним соглашаться¹.

Заказчик может активировать и полное право победителя на изменение проекта договора, принимая полностью его проект («договор победителя»); в таком случае в документации будет присутствовать чистый лист (обойтись без него нельзя, так как требуется соблюсти императивную норму о том, что проект договора является неотъемлемой частью документации о закупке). Такой подход удобен при закупке страховых услуг, поскольку договор страхования может быть заключен либо путем составления одного документа, либо путем вручения страховщиком страхователю на основании его письменного или устного заявления страхового полиса (свидетельства, сертификата, квитанции), подписанного страховщиком (п. 2 ст. 940 ГК РФ). Для установления содержания договора страхования, его существенных условий следует принимать во внимание содержание заявления страхователя, страхового полиса, иных документов, а также правил страхования, если договор заключен на условиях, содержащихся в этих правилах².

Является ли нарушением ситуация, когда заказчик размещает вместо проекта «существенные условия договора»? В соответствии с принципом свободы договора, закрепленным в ст. 421 ГК РФ, условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев,

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 мая 2023 г. № Ф09-2171/23 по делу № А60-38550/2022 88 // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 8.

когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. Ни один правовой акт не предписывает заключение договоров конкретного содержания, если договор заключается в порядке, предусмотренном Законом о закупках. Равным образом ни одна норма не предусматривает обязанности заключить договор в порядке, установленном Законом о закупках, в формате договора присоединения. «Проект договора» — это не «договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом». Любой «проект» — это предварительный текст, который предполагает его последующее согласование. В отсутствие требований к проекту, установленных законодательством, существенные условия, которые сторона считает таковыми, не нарушают требования ч. 5 ст. 4 Закона о закупках. Более того, в ст. 432 ГК РФ установлено: договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Именно согласование существенных для сторон условий договора влияет на возможность заключения договора в будущем, а не их оформление в виде проекта.

Вместе с тем в любом случае переговорными возможностями «управляет» заказчик, а победитель не может изменять условия предложенного проекта договора по своему усмотрению.

Будучи составной частью документации о закупке, проект договора может быть предметом самостоятельного обжалования, тем самым не исключено вмешательство антимонопольного органа в проектируемые условия договора. Вместе с тем не усматривается оснований для их оценки на предмет ограничения конкуренции: это вопрос факта, который требует доказывания. На момент проектирования договорных условий можно рассуждать лишь о предполагаемом (гипотетически возможном) ограничении конкуренции.

Может ли договор, условия которого формируются целиком или по большей части именно заказчиком, быть признанным кабальной сделкой (п. 1 ст. 179 ГК РФ)? Участник закупки — слабая сторона, имеет место неравенство переговорных возможностей, возможна дискриминация. Мне представляется, что, несмотря на всю схожесть со стечением тяжелых обстоятельств и невыгодными условиями договора, для квалификации кабальности не хватает одного необходимого

условия — отсутствия свободной воли на совершение сделки. Заявка подается свободно, не под принуждением, а экономические просчеты в прогнозной оценке исполнения договора на предложенных условиях о кабальности договорных условий сами по себе не свидетельствуют¹. Участник закупки изначально имеет полное представление об условиях будущей сделки, кроме того, он может обжаловать условия проекта договора на этапе размещения документации о закупке.

Нередки случаи, когда победитель уклоняется от заключения договора либо заказчик вынужден его отстранить (например, обнаружена подача им недостоверных сведений). Тогда возникает дилемма: закупка формально состоялась, однако фактически она оказалась безрезультативной, поскольку договора нет. В такой ситуации следует изучить правовое положение участника, занявшего в конкурентной процедуре второе место (заявке которого присвоен второй номер). Такой участник является следующим по степени предпочтительности для заказчика после победителя, однако в действующем законодательстве о нем упоминаний нет. Как правило, заказчик определяет позицию второго участника в положении о закупке и документации о закупке по формуле «заказчик вправе — участник обязан». Причем охарактеризовать эту позицию следует как наиболее невыгодную из-за длительности существования обязанности вступить в договорные отношения.

Второй участник проиграл процедуру, однако это далеко еще не конец истории, ведь неизвестно, заключит ли договор первый участник (победитель). Пройдет время, пока заказчик примет решение о признании его уклонившимся от заключения договора, к тому же неизвестно, будет ли заказчик предлагать заключение договора второму участнику. Заказчик по своему усмотрению может организовать и провести повторную процедуру закупки или вовсе ничего не предпринимать.

Поэтому обращение заказчика ко второму участнику может последовать и через полтора месяца после окончания процедуры. Второй участник обязан заключить договор, как правило, под страхом направления сведений о нем в реестр недобросовестных поставщиков, потому как в реестр могут быть включены любые лица, на которые возложена обязанность заключить договор².

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 марта 2021 г. № 48-КГ20-28-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 2 Правил направления заказчиками сведений о недобросовестных участниках закупки и поставщиках (исполнителях, подрядчиках) в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на ведение реестра недобросовестных поставщиков, утв. постановлением Правительства РФ от 22 ноября 2012 г. № 1211 // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6859.

Ввиду того что Закон о закупках допускает коллективное участие в закупках, следует остановиться на алгоритме оформления договора с договорным объединением. Поскольку оно является неправосубъектным образованием, вступить с ним в договор никак нельзя: такое образование не является участником гражданских отношений, оно не коррелирует с понятием «лицо». Заключить договор только с лидером (ведущим партнером) коллективного образования будет неправильно, ведь заявка на участие в закупке не была индивидуальной. Поэтому представляется верным заключать договор со всеми участниками коллективного образования в лице лидера, уполномоченного доверенностями остальных своих «союзников».

В ч. 15 ст. 3.2 Закона о закупках закреплены сроки заключения договора по результатам конкурентной закупки: мораторный срок (заключение договора запрещено) составляет 10 дней, а предельный — 20 дней. Оба срока исчисляются с момента размещения в ЕИС итогового протокола. Установление мораторного срока является «зеркальной» нормой по отношению к ч. 4 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции, предусматривающей возможность административного обжалования результатов закупочной процедуры. Заключение договора до истечения срока на подачу жалобы полностью дезавуирует административную форму защиты прав участников закупки, не согласных с итогами закупочного соревнования. Сроки заключения договора установлены императивно, поэтому заказчик не имеет права их сокращать, например квалифицировать уклонение победителя от заключения договора до истечения предельного 20-дневного срока¹.

Однако нужно сказать, что заказчик может быть поставлен в крайне неудобное положение, потому что победитель может предоставить подписанный со своей стороны договор на 18-й или 19-й день, поэтому заказчик вынужденно нарушит предельный срок заключения договора. На практике такие ситуации имеют место на регулярной основе. Нарушение предельного срока заключения договора может повлечь гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков, не исключено предъявление иска о понуждении к заключению договору (хотя прецедентов подобного рода в судебной практике пока что не было).

Закупка — это «динамичные» отношения [3; 6], в которых определение сроков играет очень важную роль: любое отступление от них может означать ограничение конкуренции и дискриминацию прав участников закупки. Оперативное заключение сделок не исключение. Нашему

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 августа 2021 г. № 305-ЭС21-8247 по делу № А40-7515/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

гражданскому праву известен институт условных сделок. Как мне видится, его можно было бы успешно применять в сфере корпоративных закупок. Так, статья 157 ГК РФ говорит о том, что любая сделка может быть поставлена под отлагательное условие. Проще говоря, договор заключается в назначенные законом сроки, под сомнение не ставится ни факт его заключения, ни факт его существования. Но под условием находится правовой эффект этого договора, т.е. реализация прав и обязанностей его сторон. Отлагательным (суспензивным) условием является то обстоятельство, наступление которого ничем не гарантировано и не находится в сфере волеизъявления сторон. Условие может быть как позитивным, так и негативным, как простым, так и сложным. Главное в отлагательном условии: оно смещает в будущее время сам момент возникновения прав и обязанностей по договору, до наступления отлагательного условия между сторонами наблюдается «эффект связанности».

Несколько слов о сочетании закупочного алгоритма и экстраординарных сделок (требующих особого порядка одобрения). В ч. 15 ст. 3.2 Закона о закупках предписано заключать договор не позднее чем через пять дней с даты его одобрения органом управления заказчика, однако рациональность такого правила вызывает вопросы. Закупка суть игра, призом в которой является право на заключение договора. Этот приз должен быть юридически «чистым», поэтому любые необходимые одобрения должны проводиться до, но никак не после проведения процедуры закупки. В противном случае выходит странная история: реализация права победителя на заключение договора ставится под сомнение, поскольку сделка с ним может не получить одобрения соответствующего органа управления заказчика. Сделка должна быть одобрена заблаговременно и обезличенно, поскольку фигура победителя процедуры еще неизвестна. Ввиду сказанного норма о последующем одобрении экстраординарной сделки должна быть исключена из Закона о закупках.

Наконец, еще одной темой в алгоритме вступления в договорные отношения является признание закупки несостоявшейся [2; 5].

Торги — это своего рода дорога с двусторонним движением, так что для их результативности недостаточно только лишь усилий заказчика: необходим и отклик со стороны участников рынка, управлять которым заказчик, конечно, не может.

Торгам как особому способу заключения договора изначально присуща свободная конкуренция, состязательность — конститутивный признак торгов (наряду с равноправием их участников). Основная цель проведения торгов состоит в том, чтобы за счет привлечения большого числа потенциальных контрагентов повысить конкуренцию

между ними и добиться максимально выгодных условий заключений договора.

Подача заявки на участие в торгах не может быть квалифицирована как акцепт оферты, поскольку оферту организатор торгов никому не направляет. Извещение о торгах, в ответ на которое претендентами подаются заявки, представляет собой лишь приглашение сделать оферты (п. 1 ст. 437 ГК РФ). Таким образом, офертами по отношению к договору, разыгрываемому на торгах, выступают заявки участников, лучшая из которых и будет акцептована организатором торгов впоследствии. Она будет своего рода «заявкой для акцепта». Иными словами, активную позицию организатор торгов ожидает именно от участников рынка.

Главным признаком конкурентной закупки вообще и торгов в частности является сравнение, сопоставление заявок. Именно этим параметром конкурентная процедура отличается от обычного порядка заключения договора. Сопоставить можно как минимум две заявки, поскольку необходимо в результате этого сопоставления выбрать «лучшую», то есть определить победителя. Если участник на торгах только один, его заявку не с чем сравнивать. Тем самым отсутствует сама суть конкурентной процедуры.

Таким образом, конкурентная закупка объявляется для того, чтобы в результате сравнения заявок выбрать лучшую из них. На основании ч. 15 ст. 3.2 Закона о закупках договор по результатам конкурентной закупки заключается не ранее чем через десять дней и не позднее чем через двадцать дней с даты размещения в единой информационной системе итогового протокола, составленного по результатам конкурентной закупки. Ключевые слова — «по результатам». Есть ли результат у того, что не удалось, не состоялось? Разве достигнута цель, которую ставил перед собой организатор закупки, намеревавшийся получить наиболее выгодные условия из соревнования участников рынка? Очевидно, что нет. Несостоявшиеся торги, обусловленные отсутствием конкуренции, не имеют результата: они не произошли.

К тому же торги могут не состояться по разным причинам: либо заявок нет вообще, либо подана только одна заявка. В первой ситуации вопрос о заключении договора как таковой не стоит, поскольку фигура потенциального контрагента отсутствует. А вторая ситуация породила в современной практике массу спорных ситуаций, которые стали сводиться к тому, что антимонопольные органы выдают предписания о необходимости завершить процедуру закупки, подразумевая при этом, что иного завершения, кроме как заключения договора, быть не может. Суды же, в свою очередь, эту практику всячески поддерживали, равным образом полагая, что конечным результатом торгов,

даже признанных несостоявшимися, при условии соответствия заявки, поданной единственным участником, требованиям закупочной документации является заключение договора с этим участником.

Согласно п. 5 ст. 447 ГК РФ аукцион и конкурс, в которых участвовал только один участник, признаются несостоявшимися. Правовые последствия такого признания общегражданский закон не устанавливает. Почему? И можно ли считать это правовым пробелом? Причина проста: такие последствия попросту отсутствуют. Тем самым и наличие правового пробела в этом никак не усматривается.

Торги и заключаемый по их итогам договор — это два разных юридических состава, хотя они взаимообусловлены: торги проводятся для заключения договора, окончательные условия договора, в свою очередь, определяются по результатам торгов. Тем не менее эти составы не следует смешивать, ошибочно полагая, что конечной целью торгов является заключение договора. Иногда можно встретить мнение о том, что цель торгов — это исполнение обязательств по договору (получение исполнения или денег, допустим, в случае реализации имущества).

Но представляется, что это не так, а сама цель находится намного «ближе», сам договор даже не затрагивая. Цель торгов — это выявление лица, которое с наибольшей степенью вероятности надлежащим образом выполнит условия желаемого договора. Поэтому торги заканчиваются не заключением договора, а оформлением протокола об их результатах, в котором содержится ранжирование заявок по степени предпочтительности для заказчика. В итоговом протоколе указывается и заявка № 1, то есть победитель. Заключение договора происходит только после того, как на торгах выявлен победитель.

Причем важно отметить еще два обстоятельства, которые явно демонстрируют, что заключение договора происходит исключительно после окончания юридического состава торгов, а потому не может считаться их результатом.

Во-первых, между выявлением победителя и заключением договора имеется мораторный период продолжительностью 10 дней, предназначенный для административной защиты прав и законных интересов участников закупки, которые проиграли процедуру. Во-вторых, имеется предельный 20-дневный срок для заключения договора по результатам торгов. Если договор не будет заключен по вине победителя (например, ввиду непредставления подписанного договора), то сведения о нем заказчик обязан направить в антимонопольный орган для рассмотрения вопроса о привлечении к специфической публично-правовой ответственности — включении в реестр недобросовестных поставщиков.

Эти временные лаги, имеющие конкретные цели и правовые последствия, между оформлением результатов торгов и заключением договора показывают различие этих составов. Если бы конечной целью любых торгов, включая и несостоявшиеся, было заключение договора, то соблюдение специальных сроков не требовалось вовсе.

Именно при выявлении победителя (лучшего как минимум из двух) возникает обязанность организатора торгов заключить договор. Правовое положение единственного участника торгов никак не тождественно правовому положению их победителя. Единственный участник никого не побеждал и ни с кем не соревновался.

Таким образом, организатор торгов не обязан заключать договор с единственным участником торгов при признании их несостоявшимися.

Если применить такой логический прием, как апагогия (*ad absurdum*), и предположить, что действительно организатор торгов обязан заключить договор в ситуации, когда у конкурентной закупки нулевой результат (она не состоялась), то возникает вопрос: для чего тогда объявлять именно конкурентную процедуру, когда можно обойтись обычным заключением договора, причем с первым, кто отзовется? Но очевидно, что конкурентная закупка объявляется не для того, чтобы вступать в договорные отношения с единственным участником («спасибо, что пришел»). Поэтому как из буквального содержания анализируемых норм, так и просто с точки зрения понимания целей инициирования конкурентной закупки следует, что несостоявшаяся закупка результата не имеет и не приводит к обязательному для заказчика заключению договора.

Важно отметить, что причины признания закупки несостоявшейся в связи с отсутствием состязательности не находятся под тотальным контролем организатора торгов. Участие в торгах является добровольным, всегда есть вероятность, что проведение повторной процедуры окажется успешным, торги, проведенные в другой период времени, гипотетически могут собрать достаточное количество участников, которые будут торговаться и снижать цену. Поэтому лишать заказчика возможности заключить договор по наиболее выгодной цене недопустимо.

На основании вышеизложенного торги, признанные несостоявшимися, не имеют результата и не порождают обязанности их организатора заключить договор с единственным участником торгов.

Надо сказать, что рассмотренный вопрос узким считать нельзя, поскольку признание торгов несостоявшимися — явление, довольно распространенное на практике. Ввиду складывающейся судебной практики данный вопрос стал предметом рассмотрения Конституционного

Суда Российской Федерации, который в постановлении от 23 декабря 2022 г. № 57-П¹ высказался не вполне однозначно.

Для начала высшая судебная инстанция указала на отсутствие обязанности заказчика (организатора торгов) заключить договор с единственным участником торгов в случае их признания несостоявшимися в связи с отсутствием других участников торгов. Однако при этом была дана ссылка на положение о закупке как на основной документ, регулирующий закупочную деятельность. Так, отсутствие обязанности контраговаться с единственным участником должно прямо следовать из положения о закупке. Причем в нем также «прямо» должно быть предусмотрено повторное проведение торгов.

Если же в положении о закупке подобное решение вопроса не предусмотрено либо допускается произвольное усмотрение заказчика (организатора торгов) в вопросе о заключении такого договора, признание торгов несостоявшимися на указанном основании не влечет отказа от заключения договора с единственным участником торгов, если объективных препятствий к заключению договора с этим участником не имеется.

На мой взгляд, второй сегмент резолютивной части данного постановления «обнуляет» первый [7]².

Что означает «произвольное усмотрение заказчика» и кто уполномочен давать оценку этой произвольности? Антимонопольный орган, суд? Но это вмешательство в предпринимательскую деятельность хозяйствующего субъекта. Только заказчик (организатор торгов с учетом указаний заказчика) может принять решение о том, какая линия поведения выгодна ему в конкретный момент времени. Возможно, предпочтительным является не повторное проведение процедуры, а отказ от дальнейших попыток на некоторое время.

Допустим, если следующая процедура закупки будет именоваться «повторной», то по логике вещей в положении о закупке следует определить возможную амплитуду изменения условий ее проведения и каких-либо параметров по сравнению с первоначальной закупкой. Но Закон о закупках этого не требует, а потому формально заказчик ничем не связан при формулировании условий повторной закупки.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2022 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 432, пункта 1 статьи 438, пункта 4 статьи 445, пункта 5 статьи 447 и пункта 4 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества “Системный оператор Единой энергетической системы”» // СЗ РФ. 02.01.2023. № 1 (ч. III). Ст. 497.

² Это так называемая амфиболия — речевая ошибка, когда смысл высказывания может быть разным в зависимости от ракурса восприятия (например, самая известная амфиболия — казнить нельзя помиловать).

Более того, заказчик правомерно может какое-то время выжидать (особенно если заявок подано не было либо все поданные заявки были отозваны), а затем объявить закупку вновь, но она уже не будет считаться повторной, это просто еще одна закупка на то же самое и с теми же (или несколько иными) условиями отбора.

Объективных препятствий к заключению договора может и не быть, но могут быть субъективные ожидания оттого, что проведение торгов в другом временном периоде даст лучшие (более выгодные) для заказчика результаты.

С учетом сказанного следует констатировать, что позиция высшей судебной инстанции вряд ли будет способствовать кардинальному исправлению современной правоприменительной практики в указанном вопросе. Хотя в ряде случаев судебная практика уже приняла верную траекторию¹.

Выводы

Представляется уместным и своевременным ввести в цивилистический научный оборот термин «закупочная контрактация», имея в виду необычный правовой режим алгоритма вступления в договорные отношения, осложненный влиянием антимонопольного и антикоррупционного законодательства. В нем имеет место свобода договора, которая проявляется темпорально иначе — задолго до непосредственного заключения договора. Стороны равны, а поиски слабого контрагента видятся несостоятельными; вместе с тем переговорные возможности довольно ограничены по причине недопустимости необоснованных ограничений конкуренции. Методология изучения этих преддоговорных отношений предопределена межотраслевыми связями общегражданского, специального закупочного, конкурентного и антимонопольного законодательства.

Библиографический список

1. *Баранникова Е.С.* Гражданско-правовое регулирование международных торгов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 228 с.
2. *Беляева О.А.* Заключение договора в случае признания закупки несостоявшейся // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). М., 2020. Вып. 27. С. 6–16.

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 октября 2024 г. № Ф03-3894/2024 по делу № А51-19055/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

3. *Беляева О.А.* Законодательство о казенных подрядах и поставках времен НЭП: исторические параллели // Актуальные проблемы кодификации российского законодательства: история, современное состояние и векторы развития (к 100-летию Гражданского кодекса РСФСР 1922 года): сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 7 октября 2022 г.); Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. М., 2023. 324 с.

4. *Беляева О.А.* Как рассчитать и обосновать цены в корпоративных закупках // Конкуренция и право. 2024. № 2. С. 67.

5. *Беляева О.А.* Несостоявшиеся закупки по Закону о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: причины и правовые последствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 6. С. 11–15.

6. *Беляева О.А.* Одобрение крупных сделок для целей участия в публичных закупках // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития: монография / отв. ред. Д.В. Ломакин. М., 2021. С. 382–390.

7. *Беляева О.А.* Уяснение конституционного смысла принципа договорной свободы при заключении договора на торгах в сфере энергетики // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. / под. ред. А.В. Габова. Белгород, 2023. 228 с.

8. *Богданова Е.Е., Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. С. 135–146.

9. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 416 с.

10. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е.Е. Богдановой.* М.: Проспект, 2020. 440 с.

11. *Демиева А.Г.* Современные термины в гражданском праве: методолого-категориальный аспект // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. Вып. 3. С. 319–331.

12. *Егорова М.А.* Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 408 с.

13. *Ермакова А.В.* Переговорные методы при проведении закупок // Корпоративные закупки — 2015: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ: сб. докл. М., 2015. С. 19–29.

14. *Кирипичев А.Е.* Коллизии специальных норм в обязательственном праве // Закон. 2019. № 3. С. 38–145.

15. *Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / отв. ред. А.В. Габов.* М.: Юриспруденция: Ин-т законод-ва и сравн. правоведения при Правительстве РФ, 2016. 372 с.

16. Модернизация гражданского законодательства: сб. матер. к XIV Ежегод. науч. чтением памяти проф. С.Н. Братуся. М.: Статут, 2020. 266 с.

17. Молчанов А.В. Антимонопольные требования к торгам: правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 29 с.

18. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М.: Норма, 2014. 496 с.

19. Пшеничная Н.Ю. Модернизация международных коммерческих договоров в современных условиях // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 117–125.

20. Саркисян В.В. Переговоры о заключении договора в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Дону, 2022. 28 с.

21. Серова О.А. Теоретико-методологические проблемы исследования правовой природы участия государства в экономике // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. Вып. 3. М., 2018. С. 353–366.

22. Шадрин А.Д. Взаимодействие участника закупки и государственного заказчика: границы допустимого поведения при проведении переговоров // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 4. С. 17–21.

References

1. Barannikova E.S. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh trgov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil-legal Regulation of International Trades: Author's Abstract: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 228 p. (In Russ.)

2. Belyaeva O.A. *Zaklyuchenie dogovora v sluchae priznaniia zakupki ne-sostoyavsheysya* [Conclusion of a Contract in Case of Recognition of a Purchase as Invalid]. *Kommentarii praktiki rassmotreniya ekonomicheskikh spory (sudebno-arbitrazhnoy praktiki)* – Commentary on the Practice of Considering Economic Disputes (Judicial and Arbitration Practice). Moscow, 2020. Issue 27. Pp. 6–16. (In Russ.)

3. Belyaeva O.A. *Zakonodatel'stvo o kazennykh podradyakh i postavkakh vremyon NEP: istorizheskie paralleli* [Legislation on State Contracts and Deliveries During the NEP Era: Historical Parallels]. *Aktual'nye problemy kodifikatsii rossiyskogo zakonodatel'stva: istoriia, sovremennoe sostoyanie i vektory razvitiia (k 100-letiiu Grazhdanskogo kodeksa RSFSR 1922 goda): sb. mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Belgorod, 7 oktyabrya 2022 g.)* – Actual Problems of Codification of Russian Legislation: History, Current State and Development Vectors (on the 100th Anniversary of the Civil Code of the RSFSR of 1922): Collection of Materials of the International Scientific and

Practical Conference (Belgorod, October 7, 2022). Moscow, 2023. 324 p. (In Russ.)

4. Belyaeva O.A. *Kak rasschitat' i obosnovat' tseny v korporativnykh zakupkakh* [How to Calculate and Justify Prices in Corporate Procurement]. *Konkurentsia i pravo* – Competition and Law. 2024. Issue 2. P. 67. (In Russ.)

5. Belyaeva O.A. *Nesostoyavshiesya zakupki po Zakonu o zakupkakh tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lits: prichiny i pravovye posledstviya* [Failed Procurement Under the Law on the Procurement of Goods, Works, Services by Certain Types of Legal Entities: Causes and Legal Consequences]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. Issue 6. Pp. 11–15. (In Russ.)

6. Belyaeva O.A. *Odobrenie krupnykh sdelok dlya tselyey uchastiya v publichnykh zakupkakh* [Approval of Major Transactions for the Purposes of Participation in Public Procurement]. *Dvadsat' pyat' let rossiyskomu aktsionernomu zakonu: problemy, zadachi, perspektivy razvitiya: monografiya* – Twenty-five Years of Russian Joint-stock Law: Problems, Tasks, Development Prospects: Monograph / ed. D.V. Lomakin. Moscow, 2021. Pp. 382–390. (In Russ.)

7. Belyaeva O.A. *Uyasnenie konstitutsionnogo smysla printsipa dogovornoj svobody pri zaklyuchenii dogovora na torgakh v sfere energetiki* [Clarification of the Constitutional Meaning of the Principle of Contractual Freedom When Concluding an Agreement at Auctions in the Energy Sector]. *Energeticheskoe pravo: modeli i tendentsii razvitiya: sb. mater. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Energy Law: Models and Development Trends: Collection of Materials of the IV International Scientific and Practical Conference / edited by A.V. Gabov. Belgorod, 2023. 228 p. (In Russ.)

8. Bogdanova E.E., Piankova A.F. *Balans interesov kak metod tsivilisticheskogo issledovaniya* [Balance of Interests as a Method of Civilistic Research]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* – Methodological Problems of Civilistic Research. 2019. Pp. 135–146. (In Russ.)

9. Vavilin E.V. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav. 2-e izd., pererab. i dop.* [Implementation and Protection of Civil Rights. 2nd ed., revised and edited]. Moscow, 2016. 416 p. (In Russ.)

10. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t.* [Civil Law: Textbook: in 2 Vol.] / edited by E.E. Bogdanova. Vol. 1. Moscow, 2020. 440 p. (In Russ.)

11. Demieva A.G. *Sovremennye terminy v grazhdanskom prave: metodologiko-kategorial'nyi aspekt* [Modern Terms in Civil law: Methodological and Categorical Aspect]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy* – Methodological problems of civilistic studies. 2021. Issue 3. Pp. 319–331. (In Russ.)

12. Egorova M.A. *Grazhdansko-pravovye posledstviya narusheniy antimonopol'nogo zakonodatel'stva: monografiya* [Civil Consequences of Vio-

lations of Antimonopoly Legislation: Monograph]. Moscow, 2020. 408 p. (In Russ.)

13. *Ermakova A.V. Peregovornye metody pri provedenii zakupok* [Negotiation methods in procurement]. *Korporativnye zakupki – 2015: praktika primeneniya Federal'nogo zakona № 223-FZ: sb. dokl.* – Corporate Procurement – 2015: Practice of Applying Federal Law Issue 223-FZ. Collection of Reports. Moscow, 2015. Pp. 19–29. (In Russ.)

14. *Kirpichev A.E. Kollizii spetsial'nykh norm v obyazatel'stvennom prave* [Conflicts of Special Norms in the Law of Obligations]. *Zakon* – Law. 2019. Issue 3. Pp. 38–145. (In Russ.)

15. *Konkurentsia v rynochnoy ekonomike: predely svobody i ogranicheniy: monografiya* [Competition in a Market Economy: Limits of Freedom and Restrictions: monograph] / ed. A.V. Gabov. Moscow, 2016. 372 p. (In Russ.)

16. *Modernizatsiya grazhdanskogo zakonodatel'stva: sb. mater. k XIV Ezhegod. nauch. chteniyam pamyati prof. S.N. Bratusya* [Modernization of Civil Legislation: collection of materials for the XIV Annual Scientific Readings in Memory of Professor S.N. Bratus]. Moscow, 2020. 266 p. (In Russ.)

17. *Molchanov A.V. Antimonopol'nye trebovaniya k torgam: pravovoy aspekt: avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Antimonopoly Requirements for Trading: Legal Aspect: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 29 p. (In Russ.)

18. *Romanets Yu.V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii* [The System of Contracts in Civil Law of Russia]. Moscow, 2014. 496 p. (In Russ.)

19. *Pshenichnaya N.Yu. Modernizatsiya mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov v sovremennykh usloviyakh* [Modernization of International Commercial Contracts in Modern Conditions]. *Evraziyskaya advokatura* – Eurasian Advocacy. 2024. Issue 1 (66). Pp. 117–125. (In Russ.)

20. *Sargsyan V.V. Peregovory o zaklyuchenii dogovora v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Negotiations on Concluding a Contract in Civil Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov n/Don, 2022. 28 p. (In Russ.)

21. *Serova O.A. Teoretiko-metodologicheskie problemy issledovaniya pravovoy prirody uchastiya gosudarstva v ekonomike* [Theoretical and Methodological Problems of Studying the Legal Nature of State Participation in the Economy]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sb. nauch. st.* – Methodological Problems of Civilistic Research: Collection of Scientific Articles. Issue 3. Moscow, 2018. Pp. 353–366. (In Russ.)

22. *Shadrin A.D. Vzaimodeystvie uchastnika zakupki i gosudarstvennogo zakazchika: granitsy dopustimogo povedeniya pri provedenii peregovorov* [Interaction between a Procurement Participant and a Government Customer: Boundaries of Acceptable Behavior During Negotiations]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* – Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2022. Issue 4. Pp. 17–21. (In Russ.)

Информация об авторе:**О.А. Беляева**

Доктор юридических наук, профессор РАН,
почетный работник сферы образования Российской Федерации,
главный научный сотрудник Центра частного права,
профессор кафедры частноправовых дисциплин
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34.
ORCID: 0000-0002-2038-6233.

Information about the author:**O.A. Belyaeva**

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russia.
ORCID: 0000-0003-4608-4548.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

УДК 347.6



DOI: <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2025-7-7-166-187>

ЧАСТНОПРАВОВАЯ МЕТОДОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ «ФАКТИЧЕСКИХ» СУПРУГОВ ПОГИБШИХ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

А.В. Барков¹

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Я.С. Гришина

Российский государственный университет правосудия,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: grishinel@inbox.ru

***Введение:** статья посвящена поиску эффективной правовой методологии решения проблемы социальной поддержки фактических супругов*

¹ Работа © Барков А.В., Гришина Я.С. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

погибших военных. **Цель:** обосновать методологическое значение правоприменительной практики как эмпирической базы решения проблемы социальной поддержки «фактических» жен погибших участников военных действий. **Методы исследования:** эмпирические (наблюдение, сравнение, описание); теоретические (формальной и диалектической логики, прогнозирования). **Результаты:** доказана перспективность изменения законотворческого подхода к разработке мер поддержки «фактических» супругов погибших участников военных действий посредством внесения изменений в Семейный кодекс РФ, легализующих «посмертные браки», и в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния», а не в наследственное законодательство. Доказана необходимость изменения методологии решения проблемы посредством смещения акцентов в предлагаемом правовом инструментарии с «имущественного» на «моральный». Смена методологического вектора способна, с одной стороны, предотвратить возможность предъявления вдовой (вдовцом) имущественных претензий к семье погибшего, исключить потенциальные наследственные споры, попытки злоупотребления своим статусом, а с другой стороны, обеспечить надежную социальную защиту фактических супругов. **Выводы:** центральная, методологически значимая идея, следующая из изучения мирового правоприменительного опыта решения проблемы социальной поддержки фактического супруга, не имеющего возможность заключить брак с военным вследствие его гибели, определяющая последствия признания посмертного брака, заключается в том, что этот брак не влечет за собой какого-либо права наследования без завещания в пользу пережившего супруга, и считается, что между такими супругами не существовало никакого режима общей совместной собственности. Моральное удовлетворение супруга, состоявшая в «фактических» отношениях с погибшим военным, может получить посредством предоставления возможности заключения брака после его гибели, то есть легализации правовой конструкции «посмертного брака». В этом случае у вдовы появится право на социальную защиту в отношении себя и общих с погибшим детей.

Ключевые слова: цивилистическая методология; эмпирическая база; «посмертный брак»; фактические брачные отношения.

**PRIVATE-LAW METHODOLOGY FOR SOLVING
THE PROBLEM OF SOCIAL SUPPORT
FOR THE “COMMON-LAW” SPOUSES OF DECEASED
PARTICIPANTS OF MILITARY OPERATIONS**

A.V. Barkov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
named after Prince Alexander Nevsky,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Saratov State Law Academy
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Ya.S. Grishina

Russian State University of Justice,
Saratov State Law Academy
E-mail: grishinel@inbox.ru

Introduction: The article is devoted to the search for an effective legal methodology for solving the problem of social support for the “common-law” spouses of deceased military men. **Goal:** to substantiate the methodological significance of law enforcement practice as an empirical basis for solving the problem of social support for the “common-law” wives of deceased participants of military operations. **Research methods:** empirical (observation, comparison, description); theoretical (formal and dialectical logic, forecasting). **Results:** the prospective viability is proved of changing the legislative approach to developing the supporting measures for the “common-law” spouses of the deceased participants of military operations by introducing amendments to the Family Code of the Russian Federation that would legalize the “posthumous marriages”, and to federal law “Concerning the Certificates of Civil Statuses”, but not to the hereditary legislation. The necessity is proved of changing the methodology of solving the problem by shifting the proposed legal tools emphasis from the “property” aspect to the “moral” aspect. A change in the methodological vector can, on the one hand, prevent the widow (widower) from making property claims against the family of the deceased, eliminate potential inheritance disputes and attempts to misuse their status, but, on the other hand, provide reliable social protection for the “common-law” spouses. **Conclusions:** The central, methodologically significant idea that arises following the study of the global law enforcement experience in solving the problem of social support for a “common-law” spouse who is unable to marry a military man due to his death, and determines the consequences of recognizing a posthumous marriage, is that this marriage does not entail any right of inheritance without a will in favor of the surviving spouse; it is believed that there was no regime of common joint ownership between such spouses. A spouse

who was in a “common-law” relationship with a deceased military man, can get a moral satisfaction through an opportunity to marry after his death, that is, through legalizing the legal structure of a “posthumous marriage.” In this case, the widow will have the right to social protection for herself and the children in common with the deceased.

Keywords: *civil law methodology; empirical basis; posthumous marriage; common-law marital relations.*

Введение

В современных сложных военно-политических и социально-экономических условиях сдерживания агрессии со стороны враждебно настроенных по отношению к России держав социальная поддержка («материальное обеспечение, оказание медицинской помощи, предоставление возможности получения образования, повышение квалификации, профессиональная переподготовка»)¹ жен погибших участников специальной военной операции (далее — СВО) определена в качестве приоритетной государственной задачи. Вместе с тем особое внимание Президент Российской Федерации поручил обратить на поддержку «фактических» жен погибших участников СВО («женщин, которые не заключили брак с такими лицами, но совместно проживали с ними, вели общее хозяйство либо имеют общих детей»²). Если межотраслевой правовой механизм предоставления мер поддержки, льгот и преференций членам семей погибших при выполнении задач СВО на законодательном уровне отработан [18], то институт «фактических брачных отношений», приравненный по правовым последствиям к законным бракам, в современной российской юрисдикции отсутствует.

Данное обстоятельство в контексте поручения Президента РФ представляет собой острую социальную и актуальную правовую проблему. Социальный аспект проблемы заключается в том, что «фактические семьи» лишаются погибшего «кормильца» и попадают в трудную жизненную ситуацию, а правовой — в том, что «в действующем законодательстве нет правовых средств и механизмов защиты интересов таких членов семьи военнослужащего»³. Законотворческое решение проблемы предлагается частноправовыми средствами — посредством внесения

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277>.

² Там же.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

дополнений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющих «с целью защиты интересов членов “фактической” семьи военнослужащих, принимавших участие и погибших во время специальной военной операции»¹ механизм легализации «фактических брачных отношений» как основания предоставления членам такой семьи материальной поддержки от государства.

Несмотря на то что законотворческий подход, оформленный в соответствии с поручением Президента РФ в оперативном порядке в проекте федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)»² (далее — Законопроект о фактических брачных отношениях) депутатами Государственной Думы П.В. Крашенинниковым, сенаторами Российской Федерации А.А. Турчаком, А.А. Клишасом, нацеленный на решения острой социальной проблемы, в целом получил одобрение экспертного сообщества, многочисленные критические замечания были высказаны в отношении предлагаемого законопроектом механизма легализации данных отношений³. Вместе с тем, соглашаясь со всеми замечаниями в адрес законопроекта, полагаем, что даже их учет ко второму чтению в Государственной Думе не даст ожидаемого эффекта, поскольку несовершенен сам законотворческий подход, допускающий общность совместно нажитого имущества «фактических супругов», приобретение «фактической» супругой права наследования⁴, что способно впоследствии вызвать трудноразрешимые имущественные конфликты между «вдовой» и родственниками погибшего участника СВО. На необходимость изменения концепции законотворческого подхода, переориентации его акцентов с «имущественного» на «моральную» составляющую, но предоставляющего при этом право на социальное

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

² Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8>.

³ Экспертное заключение Президентского совета по кодификации от 27 февраля 2024 г. по проекту федерального закона № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)». URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/cd4/rkgjq9d7h92bj9y90zcsxyipf1x0nq2s/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF.pdf>; Кабмин поддержал проект о защите прав гражданских жен участников спецоперации. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/20/1038200-kabmin-podderzhal-proekt>.

⁴ Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)».

обеспечение, аналогичное по объему, размеру государственной поддержки женам погибших участников СВО, указывает изучение российской и зарубежной правоприменительной практики, имеющей важнейшее методологическое значение как эмпирической основы выработки оптимального научного решения сложной проблемы.

Методологическое значение правоприменительной практики как эмпирической основы решения научной проблемы

Вопрос о методологическом значении практики как элемента эмпирической базы цивилистического исследования ранее уже рассматривался в ходе ежегодных Пермских методологических чтений, посвященных памяти Михаила Юрьевича Чельшева [2]. Обращалось внимание на, что из трех базовых составляющих исследования, к которым относятся теоретическая, нормативная и эмпирическая части, именно правоприменительную практику следует считать, по образному выражению профессора Михаила Ивановича Калеандрова, «опорой (венцом)» [9, с. 82] научного творчества, а методологическое ее значение заключается в «способности обеспечения обоснованности и достоверности выводов» [2, с. 120].

В научной литературе также обращается внимание на методологическую связь науки гражданского права с практикой, обеспечивающую решение запутанных жизненных ситуаций. Елена Генриховна Комиссарова, исходя из тезиса, что «бесплодная наука ни государству, ни обществу не нужна» [12, с. 26], полагает, что «наука в своих построениях должна учитывать и учитывает живую жизнь, факты действительности» [11, с. 314], отраженные в правоприменительной практике. В свою очередь, «действенность науки гражданского права проявляется в том, что она служит законодательной практике и практике применения законодательства» [11, с. 314]. Есть основание считать, что методологическое значение практики, «служашей пищей для науки в смысле ее познания и развития правовых представлений о должном» [12, с. 26], то есть эмпирической базой поиска решения научной проблемы, заключается в вооружении науки идеями, новыми подходами к формированию оптимальной правовой конструкции регулирования проблемных общественных отношений, ранее получившей апробацию временем и неоднократным успешным правоприменением.

Существует обоснованное мнение, что научная проблема — это «ситуации научного бессилия» [3, с. 26], «обнаруженная неспособность объяснить новые факты посредством существующего научного знания» [14, с. 316]. Однако как следует поступить в ситуации, когда предлагаемое «научное знание» объясняет «новые факты», но не пре-

доставляет эффективное правовое средство решения проблемы, что в потенциале в будущем может привести к судебным спорам? Думается, что в этом случае это «научное знание», концептуальный подход к решению проблемы требуют корректировки, пересмотру через призму опыта регулирования сходных общественных отношений, имеющейся правоприменительной практики. Представляется, что подобная ситуация возникла с Законопроектом о фактических брачных отношениях, в основе которого лежит идея легализации фактических брачных отношений, к сожалению не учитывающая ни советский, ни зарубежный опыт государственной поддержки вдов, мужа которых погибли при исполнении обязанностей воинской службы, не успев заключить брак с данными женщинами.

Прежде чем приступить к изучению данного опыта, рассмотрим концептуальную идею Законопроекта о фактических брачных отношениях, его достоинства и недостатки.

Суть и критический анализ законотворческого подхода

Суть предлагаемого законотворческого подхода к решению поставленной Президентом РФ задачи, как объясняется в пояснительной записке к Законопроекту о фактических брачных отношениях¹, заключается в разработке «правовых средств и механизмов защиты интересов» «членов “фактической” семьи военнослужащих, принимавших участие и погибших во время специальной военной операции» в целях предоставления членам такой семьи «материальной поддержки от государства». Для этого в суде в порядке особого производства должен быть «установлен факт нахождения в брачных отношениях, если погибший на СВО мужчина и женщина проживали совместно не менее трех лет или не менее одного года при наличии совместного ребенка и вели общее хозяйство». Предполагается, что в судебном решении об установлении факта нахождения в брачных отношениях будет указываться момент их возникновения, установленные брачные отношения будут признаваться браком со всеми вытекающими правовыми последствиями. При этом «фактическая» супруга приобретет «право наследования, права на социальные и иные льготы в соответствии с действующим законодательством». Помимо этого, предлагается распространить эти нормы и на те «фактические» семьи, «которые сложились до вступления закона в силу».

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”».

Критика данного законопроекта в целом сводилась к обоснованным замечаниям и предложениям по его совершенствованию. В заключении Президентского совета по кодификации¹ обращалось внимание на необходимость уточнения субъектного состава участников отношений, относящегося к предмету регулирования, нерешенность проблемы причинно-следственных связей между боевыми действиями и гибелью участника СВО. Отмечалось, что, к примеру, «смерть может наступить не только из-за ранений, полученных в результате попадания снаряда в дом, но и от сердечного приступа, случившегося на этом фоне. Во втором случае неясно, можно ли утверждать о смерти в результате боевых действий».

Очень важное замечание принципиального характера касалось необходимости добавления в текст Проекта нормы о том, что ни одно из лиц, находящихся в фактических брачных отношениях, признаваемых судом браком, не должно было состоять в официальном брачном союзе с кем бы то ни было еще. В целях предотвращения риска нарушения центрального семейно-правового принципа моногамии было рекомендовано «прямо указать на недопустимость установления факта состояния в брачных отношениях в случае, если заявитель либо погибший, или признанный безвестно отсутствующим, или объявленный умершим состоят или состояли (к моменту гибели) в браке с иными лицами». Помимо этого, отмечалось, что приравнивание рассматриваемых в законопроекте «ситуаций к браку требует проверки судом всех условий вступления в брак и препятствий к его совершению, что означает необходимость указания в Проекте на соблюдение требований статей 12–14 Семейного кодекса Российской Федерации, в том числе требований к брачному возрасту».

Были и некоторые редакционные замечания. В частности, признавалось целесообразным слова «проживали совместно не менее одного года при наличии совместного ребенка...» заменить словами «проживали совместно не менее одного года, имели общего ребенка...». Вместе с тем с учетом необходимости устранения высказанных замечаний ко второму чтению законопроект был поддержан.

Примерно того же содержания отражены замечания на законопроект и в отзыве Кабинета министров Правительства Российской Федерации, но есть и дополнительное предложение о необходимости исключения из законопроекта «положения о внесении в ЕГР ЗАГС сведений об установленном в судебном порядке “фактическом браке”»

¹ Экспертное заключение Президентского совета по кодификации от 27 февраля 2024 г. по проекту федерального закона № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)».

в связи с необходимостью выделения дополнительных ассигнований за счет средств федерального бюджета»¹. Следует заметить, что вряд ли это предложение достигнет ожидаемого эффекта и дополнительных бюджетных ассигнований избежать будет невозможно. Помимо этого, очевидно, что легализация законодательной инициативы потребует внесения изменений в Семейный кодекс РФ, признающий брак, заключенный только в ЗАГСе, а также в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»², согласно которому права и обязанности супругов возникают с момента государственной регистрации брака. Принятие же законопроекта подразумевает установление нового вида акта гражданского состояния, порядка его государственной регистрации и внесения сведений о нем в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), что должно получить легальное подтверждение.

В научных публикациях, посвященных обсуждению Законопроекта о фактических брачных отношениях, обращается внимание и на другие нерешенные вопросы (практического характера), которые могут возникнуть при принятии закона [1; 5; 15]. В частности, в случае легализации посмертных фактических брачных отношений законопроектом не решена проблема, связанная с потенциальной возможностью явки безвестно отсутствующего лица. Что делать, если пропавший без вести участник СВО окажется в живых, возвратится из плена, а суд признал его находившимся в браке? Как восстановить нарушенный принцип добровольности при вступлении в брак лица, который не выражал согласия на его заключение?

В условиях существенного сокращения сроков признания судом безвестно отсутствующим участника СВО до полугода может возникнуть ситуация, при которой возвратившийся из плена военнослужащий встанет перед фактом, что он является законным мужем женщины, с которой он состоял в «фактических брачных отношениях». Не менее трех лет он сожительствовал с партнершей, они имели возможность подать заявление в ЗАГС, но тем не менее это право не реализовали по причине, их обоих устраивающей.

При наличии особых обстоятельств (ст. 11 СК РФ), к которым можно отнести мобилизацию, регистрация брака была возможна и в день подачи заявления. Участники СВО имеют гарантированное право на отпуск. Заверить подпись на заявлении о заключении брака (п. 2 ст. 26 Федерального закона «Об актах гражданского состоя-

¹ Кабмин поддержал проект о защите прав гражданских жен участников спецоперации.

² Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 24.11.1997. № 47. Ст. 5340.

ния») с 14 апреля 2023 г. вправе командиры воинских частей или начальники военных госпиталей, так что при желании заключение брака в органах ЗАГС участнику СВО не является непреодолимым препятствием.

Очевидно, что если граждане не заключают законный брак, то имеются у них на это весомые обстоятельства. В связи с этим в целях обеспечения принципа добровольности при вступлении в брак лица, который не выражал согласия на его заключение, должна была бы быть в законопроекте предусмотрена норма о возможности оспаривания факта нахождения в «фактическом браке» в случае явки лица, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим.

Кроме того, с легализацией правовой конструкции признания «фактических брачных отношений» возрастает вероятность появления проблемных ситуаций, обусловленных различными злоупотреблениями со стороны недобросовестных «фактических» супругов. Не исключен, например, случай, когда дети рождены не от сожителя. Тогда что, задает вопрос О.В. Кузнецова, придется устанавливать одновременно с фактом состояния фактических брачных отношений и факт отцовства или факт признания отцовства (ст. 50 СК РФ) [15, с. 29]?

Или как быть, если супруг (супруга), не расторгнув брак, вступила в фактические брачные отношения с другим партнером или с несколькими? Не исключены ситуации, отмечает В.В. Богдан, когда в суд может поступить, например, два аналогичных заявления от разных женщин, каждая из которых в свое время состояла в фактических брачных отношениях с участником СВО и имеет с ним совместных детей. Кого призывать в качестве наследника — партнера в зарегистрированном браке или «фактического» [5, с. 120]?

К сожалению, ответить на эти вопросы в рамках предложенной в законопроекте концепции будет трудно и нагрузка на суды, решающие эти возможные споры, возрастет. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на достаточно большое количество справедливых критических замечаний и вопросов со стороны экспертов и ученых, направлены они были на совершенствование Законопроекта о фактических брачных отношениях, но предложений об изменении методологического подхода к концепции решения проблемы при этом высказано не было.

Были и отрицательные отзывы на законопроект и выводы, что он «противоречит нормам действующего семейного законодательства, нарушает принципы семейного права» [15, с. 30]. Однако представляется, что конструктивный подход к решению проблемы, обозначенной Президентом Российской Федерации, обеспечивающий выполнение поручения по предоставлению мер поддержки членам семей погибших

участников СВО, не может заключаться в его отрицании, а должен содержать либо предложения по его совершенствованию, либо новый концептуальный подход к решению проблемы.

У Законопроекта о фактических брачных отношениях есть несомненное достоинство. Он содержит инструмент легализации посмертных фактических брачных отношений, на основании которого предлагается решение социальной проблемы. Недостаток законопроекта видится в том, что внесение изменений в гражданское наследственное законодательство (в часть третью ГК РФ), легализующих этот инструмент, приведет не только к решению социальной проблемы, но и в потенциале к имущественным конфликтам и наследственным спорам.

Какое же решение может стать оптимальным? На наш взгляд, более эффективным решением проблемы является легализация конструкции посмертных браков, а не посмертных фактических брачных отношений, что подтверждается зарубежным и советским опытом регулирования сходных общественных отношений.

Зарубежный опыт решения проблемы поддержки вдов, не успевших заключить брак с погибшим ветераном: легализация посмертных браков или посмертных фактических брачных отношений?

Правовая конструкция «посмертных браков» известна со времен правления Наполеона, предложившего в 1803 г. решать таким образом проблему пенсионного обеспечения вдов, живших в незарегистрированном браке с погибшими ветеранами Великой армии, и законности детям, зачатым до их смерти [26]. В последующем посмертные браки получили широкое распространение в Германии во время Первой и Второй мировых войн [25].

В настоящее время практика посмертных браков, связанная с соблюдением патриархальных и религиозных традиций, существует в Индии, Китае, ЮАР, Южной Корее, Японии и других странах [24]. Однако наибольший интерес, согласно целям настоящего исследования, представляет практика заключения посмертных браков, получившая законодательное признание во Французском гражданском кодексе.

Законодательную форму посмертное супружество приобрело во Франции после трагедии во время прорыва дамбы Мальпассе, которая 2 декабря 1959 г. привела к массовой гибели людей. Среди жертв наводнения был молодой человек, свадьба которого должна была состояться через две недели. Горе беременной невесты потрясла общественность,

и ситуация была решена благодаря прямому вмешательству Президента Франции¹.

В ст. 171 ФГК, в последней редакции от 2011 г., закреплена процедура признания посмертного брака². Для этого подается заявление на имя Президента Франции, который, если сочтет причины его заключения уважительными, вправе санкционировать процедуру проверки фактических обстоятельств, позволяющих установить посмертную волю умершего на заключение брака. Доказательством согласия умершего считается завершение официальных формальностей перед вступлением в брак, таких как покупка обручальных колец, объявление о помолвке, составление брачных контрактов, забронированная дата свадебной церемонии и другие подобные доказательства³, включая косвенные, такие как, например, подтверждение покупки свадебного платья⁴.

При этом дополнительно учитывается продолжительность «квазибрачных» (фактических) отношений, наличие совместных детей, беременность [21, с. 73], а также мнение по этому вопросу семьи покойного, так как вдова приобретает право на его имя. После подтверждения министром юстиции, региональным прокурором обстоятельств, указанных в заявлении на заключение «брака после смерти», президент может вынести положительное решение [19].

В случае если посмертный брак заключается с погибшим участником «войны или военных действий, проводимых за пределами национальной территории», то решение президента не требуется и в соответствии со ст. 96-1 Гражданского кодекса Франции предусмотрена упрощенная процедура. Разрешение в этом случае принимается министром обороны, хранителем печатей и министром юстиции⁵.

Однако в целях настоящего исследования интерес представляет не сама процедура и некоторые другие аспекты, которые можно отнести к вопросам юридической техники, а центральная идея, заложенная в ст. 171 ФГК, касающаяся последствий признания посмертного брака, заключающаяся в том, что «этот брак не влечет за собой какого-либо права наследования без завещания в пользу пережившего

¹ Le mariage posthume. URL: <https://www.ladissertation.com/Politique-et-International/Droit/Le-mariage-posthume-473950.html>.

² Ст. 171 Гражданского кодекса Франции. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/%D0%A4%D1%80.%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-123.pdf>.

³ Mariage posthume: les 4 points essentiels. URL: https://www.justifit.fr/b/guides/droit-famille/mariage-posthume/#A_RETENIR_Quelles_conditions_pour_le_mariage_en_France.

⁴ Comment se déroule le mariage posthume, une union civile hors du commun.

⁵ Ст. 96-1 Гражданского кодекса Франции. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/%D0%A4%D1%80.%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-123.pdf>.

супруга, и считается, что между супругами не существовало никакого супружеского режима»¹. Главное то, что посмертный брак во Франции приносит моральное удовлетворение женщине в признании ее статуса «законной жены». Не игнорируется и материальная составляющая статуса вдовы, заключающаяся в предоставлении социального обеспечения (пенсии по случаю потери кормильца, пособия на случай смерти, страхового пособия вдове) и возможности получения компенсации с виновника гибели умершего. Есть основание считать, что явление «посмертных браков» носит во Франции исключительно немассовый, индивидуальный, эмоциональный характер, имеет семейно-правовую природу, учитывающую военно-правовой аспект отношений, а предусмотренная законом невозможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего исключает потенциальные конфликты и попытки злоупотребления своим статусом.

Отечественная правоприменительная практика «посмертных браков» и оценка ожидаемого эффекта от изменения методологии решения проблемы

Изучение мирового правоприменительного опыта решения проблемы социальной поддержки вдов, не имеющих возможность заключить брак с ветераном вследствие его гибели, дает «пищу» [12, с. 26] для размышления над концепцией Законопроекта о фактических брачных отношениях, эмпирическую основу обоснования необходимости переориентации ее акцентов от легализации посмертных фактических брачных отношений к посмертным бракам.

В научной литературе ранее уже рассматривалась проблематика посмертных браков [5; 15]. Однако постановка вопроса о рассмотрении «брака после смерти участника СВО» через призму «решения имущественных проблем фактических супругов» [15, с. 23] бесперспективна. Об этом свидетельствует не только зарубежный, но и отечественный опыт.

Следует вспомнить, что в Советском Союзе практика признания в судебном порядке «посмертных браков», если вступить в законный брак было невозможно из-за «смерти или вследствие пропажи без вести на фронте одного из фактических супругов»², рассматривалась в качестве инструмента стимулирования рождаемости, а не «решения имущественных проблем фактических супругов» [15, с. 23]. Признание «посмертного брака» обеспечивало государственную заботу о вдовах

¹ Ст. 171 Гражданского кодекса Франции.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005179>.

и общих детях погибших героев Великой Отечественной войны. Примечательно то, что с принятием данного решения существование «фактических браков», допускаемых до 1944 г. Кодексом законов о браке, семье и опеке 1926 года, более не признавалось законным [5, с. 113].

Одним из наиболее значимых недостатков законопроекта о легализации «фактических брачных отношений» погибшего участника СВО, по нашему мнению, является то, что он в концептуальном плане повторяет отклоненный в 2018 г. законопроект № 368962-7¹, который предполагал закрепление «статуса фактических брачных отношений», что обуславливало «наступление прав и обязанностей супругов, предусмотренных семейным и гражданским законодательством», и в первую очередь имущественных. По мнению разработчика законопроекта члена Совета Федерации А.В. Белякова, при соблюдении ряда условий, позволяющих установить «фактические брачные отношения», имущество, приобретенное этими лицами «в период их совместного проживания», должно было признаваться «их совместной собственностью»².

Данная законодательная инициатива была отрицательно оценена Комитетом ГД по вопросу семьи, женщин и детей, рекомендовавшим отклонить этот законопроект, поскольку он «противоречит положениям Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», не соответствует «традиционным семейным ценностям»³. В заключении Комитета отмечалось, что предлагаемый законотворческий подход «на практике дискредитирует институт брака и фактически лишает его юридического смысла»⁴, с чем солидарны многие ученые [7; 10; 16; 22]. Идея легализации фактических брачных отношений последовательно осуждалась и другими авторитетными учеными, среди которых можно назвать О.Ю. Ильину [8], О.А. Косову [13], еще задолго до внесения законопроекта на обсуждение в Государственную Думу.

По мнению Н.Н. Тарусиной, в связи с тем что проект о приравнивании по правовым последствиям «вольного супружества» к «супружеству зарегистрированному» не поддерживается «общественным большинством», «можно обойтись и более аккуратными (более тонкими для восприятия) решениями, в которых главной задачей была бы прописа-

¹ Законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7>.

² Там же.

³ Заключение Комитета ГД по вопросу семьи, женщин и детей по проекту федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений), внесенному членом Совета Федерации А.В. Беляковым. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7>.

⁴ Там же.

на... возможность справедливой защиты жизненно важных интересов сторон, а также и их общих детей» [23, с. 39]. Трудно сказать, можно ли считать мнения ученых, полагающих неприемлемой легализацию фактических брачных отношений в России, «общественным большинством», поскольку сторонников законодательного их признания в научном сообществе также немало [6; 17; 20], но мысль, высказанная профессором Н.Н. Тарусиной, видится достаточно перспективной. В этом контексте представляется, что в нашем случае «более тонким» альтернативным решением проблемы, обозначенной в поручении Президента РФ, и не раздражающим чувства традиционно-ценностного семейно ориентированного «общественного большинства» и их оппонентов, также в не меньшей степени разделяющих данные ценности [4], могла бы стать легализация конструкции посмертного брака, учитывающего вышеотмеченные замечания.

Проведенный анализ отечественной и зарубежной правоприменительной практики показывает, что у институтов «фактических брачных отношений» и «посмертных браков» различная правовая природа, и легализация этих правовых конструкций должна осуществляться соответствующим их природе правовым инструментарием. Учет всех высказанных критических замечаний к законопроекту о фактических брачных отношениях не изменит их правовой природы, поскольку дополнения вносятся в часть третью ГК РФ, что потенциально предполагает возникновение наследственных правоотношений в семье погибшего участника СВО и возможность последующих семейно-имущественных споров.

Ожидаемый эффект от изменения методологии решения проблемы посредством смещения акцентов в предлагаемом правовом инструментарии с «имущественного» на «моральный» заключается в том, что данный подход, с одной стороны, способен предотвратить возможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего, исключить потенциальные наследственные споры, попытки злоупотребления своим статусом, а с другой стороны, обеспечить надежную социальную защиту «фактических» жен погибших участников специальной военной операции.

Выводы

Методологическое значение правоприменительной практики в контексте решения научной проблемы социальной поддержки «фактических» жен погибших участников СВО частноправовыми средствами заключается в том, что изучение отечественного и зарубежного опыта регулирования сходных общественных отношений служит эмпириче-

ской базой корректировки несовершенного законотворческого подхода, предложенного в 2024 г. в рамках проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)».

Одним из наиболее значимых недостатков данного законопроекта является то, что он в концептуальном плане повторяет отклоненный в 2018 г. критикуемый научной общественностью законопроект о легализации фактических брачных отношений, предполагающий возникновение имущественных отношений из факта признания совместной собственности и права на наследование. Реализация данного подхода в новом законопроекте 2024 г. не исключает потенциальную возможность возникновения наследственных правоотношений в семье погибшего участника СВО и возможность последующих семейно-имущественных споров.

Центральная, методологически значимая идея, следующая из изучения мирового правоприменительного опыта решения проблемы социальной поддержки вдов, не имеющих возможности заключить брак с ветераном по причине его гибели, определяющая последствия признания посмертного брака, заключается в том, что «этот брак не влечет за собой какого-либо права наследования без завещания в пользу пережившего супруга, и считается, что между супругами не существовало никакого супружеского режима». В измененной концепции законопроекта акцент должен быть сделан не на имущественный аспект отношений, вытекающий из факта признания фактических брачных отношений, а моральный. Моральное удовлетворение женщина, состоявшая в «фактических» отношениях с участником СВО, может получить посредством предоставления возможности заключения брака после его гибели, то есть после легализации правовой конструкции «посмертного брака». В этом случае у вдовы появится законное право на социальную защиту ее и их общего, рожденного после смерти отца ребенка, включая меры материальной поддержки в соответствии с действующим законодательством. Концептуальное изменение законотворческого подхода к практической реализации президентского поручения «в части разработки мер поддержки “фактических” жен погибших участников специальной военной операции» видится посредством внесения изменений в Семейный кодекс РФ, легализующих «посмертные браки», и в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния», а не в наследственное законодательство.

Представляется, что учет правоприменительной практики как эмпирической базы решения проблемы социальной поддержки «фактических» жен погибших участников специальной военной операции

частноправовыми средствами в целом положительно скажется на исполнении поручения Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Аблятипова Н.А., Андреева С.Е.* Проблемные аспекты законодательного регулирования фактического брака с участниками СВО или «Без меня меня женили» в контексте нового законопроекта // Научный вестник Крыма. 2024. № 6. С. 1–10.
2. *Барков А.В., Гришина Я.С.* Эмпирическая основа цивилистического исследования: методологическое значение социально-предпринимательской правотворческой практики // Методологические проблемы цивилистических исследований. Периодический научный журнал. Ежегодник. № 2. М.: Статут, 2020. С. 106–125.
3. *Белов В.А.* Предисловие // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. 993 с.
4. *Беспалов Ю.Ф.* К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 4–6.
5. *Богдан В.В.* Брак Post Mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 3. С. 106–124.
6. *Доставалова А.С.* К вопросу о гражданско-правовой форме отношений сожителей // Гражданское право. 2023. № 6. С. 40–42.
7. *Елисеева А.А.* Традиционные семейные ценности как объект интересов: частноправовой и публично-правовой аспекты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 68–75.
8. *Ильина О.Ю.* Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 30–35.
9. *Калеандров М.И.* Кандидатская диссертация юриста: выбор и разработка темы / Институт государства и права РАН. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 241 с.
10. *Киселева Н.В.* Установление фактических брачных отношений как «навязанная» государственная услуга // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 14–17.
11. *Комиссарова Е.Г.* Методологический потенциал гражданско-правовой науки // Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 310–315.
12. *Комиссарова Е.Г.* Методологические аспекты в исследовании проблем взаимодействия юридической науки и практики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 26–23.

13. *Косова О.А.* «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120.

14. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. 2013. № 4. С. 316–324.

15. *Кузнецова О.В.* Брак после смерти участника СВО как способ решения имущественных проблем фактических супругов // Социальное управление. 2024. Т. 6. № 1. С. 23–31.

16. *Левченко А.И.* Фактические брачные отношения с точки зрения правового регулирования // Гражданин и право. 2021. № 12. С. 43–46.

17. *Левушкин А.Н.* Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65–67.

18. *Мананников Д.Ю.* Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10. № 2. С. 80–88.

19. *Мирошников Е.В., Акиньшина Е.А., Лемешко А.А.* Институт нетрадиционных браков в зарубежных странах // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97–6. С. 35–38.

20. *Михайлова И.А.* Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex Russica. 2022. № 8. С. 119–129.

21. *Скакович И.А.* Нетрадиционные виды брака в праве иностранных государств // Международные отношения: история, теория, практика: матер. IX науч.-практ. конф. молодых ученых фак-та междунар. отношений БГУ. Минск, 2019. С. 71–74.

22. *Смышляева О.В.* Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.

23. *Тарусина Н.Н.* Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica. 2023. № 1. С. 33–52.

24. *Agbo M.* 2016 Posthumous Marriage in Igbo land South Eastern Nigeria and its effects on Child Development and Education // International Journal of Psychology and Counselling. Vol. 8 (3). Pp. 28–33.

25. *Conte Edouard.* Épouser un héros mort. «Pureté de sang» et mariages posthumes dans le Reich nazi // Open Edition Journals. 1998. № 31. Pp. 13–28.

26. *Sablayrolles S.* Épouser un mort: tout savoir sur les mariages posthumes. URL: <https://www.aufeminin.com/news-societe/epouser-un-mort-tout-savoir-sur-les-mariages-posthumes-s4030127.html>.

References

1. *Ablyatipova N.A., Andreeva S.E. Problemnye aspekty zakonodatel'nogo regulirovaniya fakticheskogo braka s uchastnikami SVO ili «Bez menya menya zhenili» v kontekste novogo zakonoproekta* [Problematic Aspects of the Legislative Regulation of de Facto Marriage with the Participants of the SVO or «They Married me Without me» in the Context of the New Draft Law]. *Nauchnyj vestnik Kryma* – Scientific Bulletin of the Crimea. 2024. Issue 6. Pp. 1–10. (In Russ.).
2. *Barkov A.V., Grishina Ya.S. Empiricheskaya osnova tsivilisticheskogo issledovaniya: metodologicheskoye znachenie sotsialno-predprinimatelskoy pravotvorcheskoy praktiki* [Empirical Basis of Civilistic Research: Methodological Significance of Socio-entrepreneurial Law-Making Practice] *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy. Periodicheskij nauchnyj zhurnal. Ezhegodnik* – Methodological Problems of Civil Studies. Periodical Scientific Journal. Yearbook. 2020. Issue 2. Pp. 106–125. (In Russ.).
3. *Belov V.A. Predislovie* [The Preface]. *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* – Civil law: Actual Problems of Theory and Practice / Under the General Editorship of V.A. Belov. Moscow, 2007. 993 p. (In Russ.).
4. *Bespalov Yu.F. K voprosu o semejnyh cennostyah v Rossijskoj Federacii* [On the Issue of Family Values in the Russian Federation]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2018. Issue 5. Pp. 4–6. (In Russ.).
5. *Bogdan V.V. Brak Post Mortem: razmyshleniya o zakonoproekte o priznanii fakticheskikh brachnykh otnoshenij* [Marriage Post Mortem: Reflections on the bill on the Recognition of de Facto Marital Relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. Issue 3. Pp. 106–124. (In Russ.).
6. *Dostavalova A.S. K voprosu o grazhdansko-pravovoj forme otnoshenij sozhitelej* [On the Issue of the Civil Law Form of Cohabitant Relations]. *Grazhdanskoe pravo* – Civil law. 2023. Issue 6. Pp. 40–42. (In Russ.).
7. *Eliseeva A.A. Tradicionnye semejnye cennosti kak ob'ekt interesov: chastnopravovoj i publichno-pravovoj aspekty* [Traditional family values as an object of interests: private law and public law aspects]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYU)* – Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. Issue 5. Pp. 68–75. (In Russ.).
8. *Ilna O.Yu. Brak kak forma gosudarstvennogo priznaniya otnoshenij mezhdu muzhchinoj i zhenshchinoj* [Marriage as a Form of State Recognition of the Relationship Between a Man and a woman]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* – Family and housing law. 2006. Issue 4. Pp. 30–35. (In Russ.).
9. *Kaleandrov M.I. Kandidatskaya dissertaciya yurista: vybor i razrabotka temy / Institut gosudarstva i prava RAN. 3 izd., pererab. i dop.* [Candidate

Dissertation law: the Choice and Development of the Topic. 3rd ed., revised and edited; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2007. 241 p. (In Russ.).

10. Kiseleva N.V. *Ustanovlenie fakticheskikh brachnykh otnoshenij kak «navyazannaya» gosudarstvennaya ushuga* [Establishing de Facto Marital Relations as an «Imposed» Public Service]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2019. Issue 2. Pp. 14–17. (In Russ.).

11. Komissarova E.G. *Metodologicheskij potencial grazhdansko-pravovoj nauki* [Methodological Potential of Civil Law Science]. *Vestnik Permskogo universiteta* – Bulletin of Perm University. 2014. Issue 4. Pp. 310–315. (In Russ.).

12. Komissarova E.G. *Metodologicheskie aspekty v issledovanii problem vzaimodejstviya yuridicheskoy nauki i praktiki* [Methodological Aspects in the Study of Problems of Interaction Between Legal Science and Practice]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* – Legal Science and Law Enforcement Practice. 2012. Issue 2. Pp. 26–23. (In Russ.).

13. Kosova O.A. *«Fakticheskie braki» i semejnoe pravo* [«De facto Marriages» and Family Law]. *Pravovedenie* – Law Studies. 1999. Issue 3. Pp. 105–120. (In Russ.).

14. Kuznecova O.A. *Nauchnaya problema i nazvaniya civilisticheskikh issledovanij* [The Scientific Problem and the Names of Civil Studies]. *Vestnik Permskogo universiteta* – Bulletin of Perm University. 2013. Issue 4. Pp. 316–324. (In Russ.).

15. Kuznecova O.V. *Brak posle smerti uchastnika SVO kak sposob resheniya imushchestvennykh problem fakticheskikh suprugov* [Marriage after the Death of a Member of the SVO as a Way to Solve the Property Problems of the Actual Spouses]. *Social'noe upravlenie* – Social Management. 2024. Vol. 6. Issue 1. Pp. 23–31. (In Russ.).

16. Levchenko A.I. *Fakticheskie brachnye otnosheniya s tochki zreniya pravovogo regulirovaniya* [Actual Marital Relations from the Point of View of Legal regulation]. *Grazhdanin i pravo* – Citizen and Law. 2021. Issue 12. Pp. 43–46. (In Russ.).

17. Levushkin A.N. *Fakticheskie brachnye pravootnosheniya: ob'ektivnaya real'nost' i neobhodimost' pravovogo regulirovaniya* [De Facto Marital Relations: Objective Reality and the Need for Legal Regulation]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2014. Issue 3. Pp. 65–67. (In Russ.).

18. Manannikov D.Yu. *Social'naya podderzhka voennosluzhashchih i chlenov semej pogibshih (umershih) uchastnikov boevykh dejstvij v usloviyah provedeniya Rossijskoj Federacii special'noj voennoj operacii na territorii Ukrainy* [Social Support for Military Personnel and Family Members of Deceased Combatants in the Context of a Special Military Operation Conducted by the Russian Federation on the territory of Ukraine]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* – Science. Society. The state. 2022. Vol. 10. Issue 2. Pp. 80–88. (In Russ.).

19. *Miroshnikov E.V., Akin'shina E.A., Lemeshko A.A. Institut netradicionnyh brakov v zarubezhnyh stranah* [The Institute of Non-traditional Marriages in Foreign Countries]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* – Trends in the Development of Science and Education. 2023. Issue 97-6. Pp. 35–38. (In Russ.).

20. *Mihajlova I.A. Gendernoe neravenstvo v brachno-semejnoj sfere: formy proyavleniya i vozmozhnosti preodoleniya* [Gender Inequality in the Marital and Family Sphere: Forms of Manifestation and Possibilities of Overcoming]. *Lex Russica*. 2022. Issue 8. Pp. 119–129. (In Russ.).

21. *Skakovich I.A. Netradicionnye vidy braka v prave inostrannyh gosudarstv* [Non-traditional Types of Marriage in the Law of Foreign Countries]. *Mezhdunarodnye otnosheniya: istoriya, teoriya, praktika* – Materials of the IX Scientific and Practical Conference of Young Scientists of the Faculty of International Relations of BSU. Minsk. 2019. Pp. 71–74. (In Russ.).

22. *Smyshlyayeva O.V. Fakticheskie brachnye otnosheniya kak al'ternativa braku v Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika primeneniya* [De Facto Marital Relations as an Alternative to Marriage in the Russian Federation: Theory and Practice of Application]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* – Family and Housing Law. 2019. Issue 4. Pp. 23–27. (In Russ.).

23. *Tarusina N.N. Semejnye cennosti pod egidoy prava: novoe v tradicii i tradiciya v novom* [Family Values Under the Aegis of law: New in Tradition and Tradition in the New]. *Lex Russica*. 2023. Issue 1. Pp. 33–52. (In Russ.).

24. *Agbo M.* 2016 Posthumous Marriage in Igbo land South Eastern Nigeria and its effects on Child Development and Education // *International Journal of Psychology and Counselling*. Vol. 8 (3). Pp. 28–33. (In Eng.).

25. *Conte Edouard.* Épouser un héros mort. «Pureté de sang» et mariages posthumes dans le Reich nazi // *Open Edition Journals*. 1998. № 31. Pp. 13–28. (In Eng.).

26. *Sablayrolles S.* Épouser un mort: tout savoir sur les mariages posthumes. URL: <https://www.aufeminin.com/news-societe/epouser-un-mort-tout-savoir-sur-les-mariages-posthumes-s4030127.html>. (In Eng.).

Информация об авторах:

А.В. Барков

Доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры гражданского права

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации,

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

Профессор департамента правового регулирования экономической деятельности

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49.
Профессор кафедры гражданского права
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
ORCID: 0000-0002-5236-1954.
Researcher ID: H-1263-2016.

Information about the authors:

A.V. Barkov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
named after Prince Alexander Nevsky,
14 B Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russia.
Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russia.
Saratov State Law Academy,
1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia.
ORCID: 0000-0002-5236-1954.
Researcher ID: H-1263-2016.

Я.С. Гришина

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Российский государственный университет правосудия,
117418, Россия, г. Москва, Новочеремушкинская, 69.
Профессор кафедры гражданского права
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Россия, г. Саратов, Вольская улица, 1.
ORCID: 0000-0002-6339-7565.
Researcher ID: A-1979-2017.

Ya.S. Grishina

Russian State University of Justice,
69 Novocheremushkinskaya, Moscow, 117418, Russia.
Saratov State Law Academy,
1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russia.
ORCID: 0000-0002-6339-7565.
Researcher ID: A-1979-2017.

НОРМАТИВНЫЕ СТАНДАРТЫ В НОРМАХ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕБЕНКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Е.Г. Комиссарова¹

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Тюменский государственный университет
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: статья посвящена научному описанию действующих семейно-правовых норм об установлении материнского и отцовского происхождения ребенка с точки зрения традиционного подхода. Такому подходу в науке семейного права противопоставлен подход техногенный. Ограниченность действия последнего автор стремится обосновать. Выбирая между традиционным и техногенным подходами, автор выбрал первый. **Цель:** теоретико-правовое обоснование ценностей традиционного подхода, в основании которого лежит биообратная модель материнского и отцовского происхождения. **Методы:** историко-правовой метод как частнонаучный метод исследования правовых явлений, формально-юридический и логический методы исследования, метод научных обобщений. **Результаты:** исследовать семейно-правовую проблему происхождения ребенка с учетом новых социальных и биомедицинских реальностей не значит описать все то, что происходит вокруг зачатия и деторождения в новых биомедицинских реалиях, с одновременным предположением о том, что приоритет кровного родства и происходящая от него унитарность материнства, бинарность родительской идентификации, основанная на «правиле двух», отцовские презумпции и фикции перестали быть актуальными. **Выводы:** неправомерно сводить задачу науки семейного права к бескрайнему описанию биомедицинской реальности. Она предметна и состоит в том, чтобы объяснить, как интегрировать эту самую реальность в действующие нормы об установлении родительского происхождения, не ударив при этом по зафиксированным в них семейным ценностям. Отказаться от доминирующей модели биологического происхождения —

¹ Работа © Комиссарова Е.Г. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

значит задать проблеме происхождения ребенка «обратный отсчет», связывая суждения о родительской идентификации и персонификации рожденного ими ребенка с некими внешними обстоятельствами, которые по определению несут на себе качества изменчивости и непостоянства. Закону дано отрешиться от этой непредсказуемости и следовать политическому и культурному выбору, выгодному действующему семейному правопорядку, обусловленному более высокими стандартами. Отсюда представление о том, что прогрессом семейно-правового знания о происхождении ребенка руководит биомедицинский прогресс и эволюция медицинского законодательства, — это не более чем научное заблуждение.

Ключевые слова: установление происхождения ребенка; традиционный подход; техногенный подход; брак; семья; семейные ценности; культурные стратегии; биологическая реальность; презумпции; биоэтические стандарты.

REGULATORY STANDARDS IN THE REGULATIONS ON THE CHILD'S ORIGIN: METHODOLOGICAL VIEW

E.G. Komissarova

Perm State University,

Tyumen State University

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: The article is devoted to a scientific description of the current family law norms on establishing the maternal and paternal origin of a child from the point of view of the traditional approach. The technogenic approach is opposed to this approach in the science of family law. The author seeks to substantiate the limitations of the latter's action. Choosing between traditional technogenic approaches, the author chose the first one. **The purpose** of the article is to provide a theoretical and legal substantiation of the values of the traditional approach, which is based on the bi-marital model of maternal and paternal origin. **Methods:** the historical and legal method as a private scientific method of studying legal phenomena, formal legal and logical research methods, the method of scientific generalizations. **Results:** to investigate the family-legal problem of the child's origin taking into account new social and biomedical realities does not mean to describe everything that is happening around conception and childbearing in new biomedical realities with the simultaneous assumption that the priority of consanguinity and the resulting unitarity of motherhood, the binary of parental identification based on the "rule of two" paternal presumptions and fictions have ceased to be relevant. **Conclusions:** It is wrong to reduce the task of the science of family law to an endless description of biomedical reality. It is substantive and

consists in explaining how to integrate this very reality into the current norms on establishing parental origin, without hitting the family values fixed in them. To abandon the dominant model of biological origin means to set a “countdown” to the problem of the child’s origin, linking judgments about parental identification and personification of the child they gave birth to with certain external circumstances that, by definition, carry the qualities of variability and impermanence. The law is given to abandon this unpredictability and follow a political and cultural choice beneficial to the current family order, driven by higher standards. Hence, the idea that the progress of family and legal knowledge about the origin of a child is guided by biomedical progress and the evolution of medical legislation is nothing more than a scientific misconception.

Keywords: *establishing the child’s origin, traditional approach, technogenic approach, marriage, family, family values, cultural strategies, biological reality, presumptions, bioethical standards.*

Введение

В современных государствах первые элементы своего статуса физические лица получают через нормы, регулирующие порядок установления материнского и отцовского происхождения. Представленные в виде императивных установлений, абстрагированных от внешних обстоятельств, неизбежно присущих медицинской, технологической и социальной реальности, они фиксируют желаемое и необходимое, продиктованное культурными запросами действующего правопорядка. Однако под давлением того, что обобщенно принято именовать репродуктивными новшествами, эта аксиома стремительно слабеет. Преждесозданное семейно-правовое знание об установлении происхождения ребенка (телесность, пол, брак, кровное родство, презумпции, фикции, предсказуемая поколенность) оказалось вторичным. Ему все чаще приходится конкурировать с убеждениями о том, что пришло время «все изменить», законодатель отстал от той реальности, которая «переместилась в стерильные лаборатории, где над человеческим воспроизводством колдуют ученые» [15].

Убеждение в том, что человеческое воспроизводство неуклонно движется в сторону технологий, негласно разделило всех авторов, обращающихся к проблеме установления материнского и отцовского происхождения, на два гносеологических полюса. Представители одного исходят из традиционного видения, корни которого лежат в медленно эволюционирующей брачно-семейной истории. Другие находят научную опору для своих рассуждений в описании технологических преимуществ. Научному обоснованию того, что возможности биотех-

нологического подхода в описании порядка установления материнского и отцовского происхождения существенно ограничены, тогда как традиционный не утратил своей актуальности, посвящена эта статья.

Методологический пролог

Постижение объективных причин возникшей, но пока не осознанной дихотомии семейно-правовых взглядов на то, как должны быть организованы семейно-правовые нормы о происхождении ребенка в новых условиях, ведет в сферу философско-правовой проблематики. Философы обозначили значимые гносеологические ориентиры, важные для описания того, как технологическая новизна соотносится с конкретными видами юридической реальности. Для этой цели они вычленили два подхода к описанию такого соотношения, соответствующие современной концепции цивилизационного развития: традиционный и техногенный, с обоснованием тезиса о том, что каждому из них свойственна собственная историческая эволюция, приоритеты и «собственный же культурно-генетический код» [8, с. 99].

При всей кажущейся отдаленности этих подходов от семейно-правовой проблемы установления родительского происхождения этот вид знания не является посторонним. Для всех отраслей права, где есть участие такой диалектической пары, как технологии и право, философские обоснования выполняют роль методологических.

Традиционный подход основан на безусловном признании того, что принесла эволюция брачно-семейных практик и знание об этих практиках, тогда как техногенный уходит в иные ценности, такие как прогресс, репродуктивная вариативность, новые виды прав, технологическая новизна, намерение, индивидуальная воля. Представленные как более актуальные по сравнению с известными классическими ценностями, такие взгляды не ориентированы на погружение в культуру преемственности и порожденную ею традиционность. Их неотъемлемой частью является привнесение в правовой дискурс новых понятий и конструкций, которые больше тяготеют к неологизмам, в силу того что не имеют юридических референтов в пространстве семейного права или таковые неразличимы, если идти дальше их прагматической интерпретации — родительский проект, социальное родство, частично генетическое происхождение и т.д. Далекие от юридической лексики, такие понятия считаются априори, способными презентовать доминанты техногенного подхода ценой оттеснения или даже забвения биологического начала, лежащего в основе традиционного подхода.

По словам Т.Я. Хабриевой, вся специфика техногенного подхода в итоге сводится к воспроизведению в нем такого шаблона, который

предписывает создавать то и такое позитивное право, которое отвечает или должно отвечать на вызовы развития каждого вида технологий с попыткой теоретической экстраполяции его черт и закономерностей на правовую реальность [14, с. 141, 145]. Продолжением этого шаблона является, с одной стороны, расширение контроля человека над природными процессами и его власти над биологией, с другой — отказ рассматривать биологию как часть органического мира, когда ее начинают воспринимать всего лишь как «поле объектов, принимаемых за ресурсы для преобразующей деятельности» [8, с. 101].

Как утверждают философы, по отношению к одному и тому же правовому явлению техногенный и традиционный подходы не могут находиться в режиме сосуществования. Техногенный либо отступает и тем самым выбывает из методологического регламента, уступая место подходу традиционному, либо «подчиняет его себе, лишает его собственной пространственности, навязывает ему временность и в итоге поглощает его» [9, с. 92]. В таком случае представителям науки семейного права предстоит выбрать тот или другой методологический ориентир (традиционный или техногенный) с осознанием инструментов и ценностей каждого.

Все, что связано с семьей и идентификацией ее членов, уходит корнями в сторону глубокой преемственности с прошлым, его медленной и потому естественной эволюцией развития. Являясь неотрывной частью брачно-семейного развития, история человеческого воспроизводства пережила три истории: этнологическую, патриархальную и догматическую. Культурные знаки каждой вошли в историю современную, дав жизнь тезису о том, что нормы действующего позитивного семейного права в большинстве своем представляют то, что «заимствовано исторически, включая и те ценности, которые эти нормы направляют» [4, с. 142].

Подобная констатация вовсе не означает, что семейному праву и законодательству заведомо чужды технологические открытия: оно открыто к ним. Однако воспринимает их не как способ навязывания самих себя и противостояние традиционности, а как неизбежную «прививку техногенной культуры на традиционную почву при определенной трансформации последней» [9, с. 103]. Именно так и были встречены репродуктивные новации современным семейным законодателем. Те из них, чьи последствия способны повлиять на общеустановленный порядок установления материнского и отцовского происхождения, были отражены в двух нормах СК РФ в виде кратких дополнений, представленных в п. 4 ст. 51, п. 2, 3 ст. 52 СК РФ.

Весьма «негромко» и весьма лапидарно законодатель воспринял происходящие в биомедицинской сфере сенсационные изменения,

полагая, что прочие биотехнологические факты и приносимые ими эффекты должны оставаться за пределами семейно-правового регулирования. Культурное и политическое видение места «новых репродуктивных вставок» попало под ограничения общего порядка установления родительского происхождения, ориентированного на биобрачную модель, не расположенную к классификациям и технологической лексике, присутствие которых способно дискриминировать детей, зачатых плотским и технологическим способом.

Имея все признаки традиционного, этот порядок имеет тесную связь с человеческой телесностью. Поскольку технологические новации в таком подходе не воспринимаются как наивысшая ценность, он озабочен важностью сохранения ценностей биологической (плотской) основы человеческого воспроизводства, не предполагая каких-либо альтернатив во взглядах на то, каким может быть репродуктивное будущее человечества. Ориентированный на «интеграцию человека в уже существующую природную и социальную среду и его активную реализацию себя в репродуктивной деятельности в этой среде» [9, с. 112], он возводит биологическое начало в человеческом воспроизводстве в приоритет.

Поскольку сторонники традиционного подхода чаще пребывают в числе «научных молчунов», высказываясь лишь по отдельным, более узким аспектам проблемы установления материнского и отцовского происхождения, наиболее заметными в пространстве семейного права оказались взгляды сторонников техногенного подхода: новое всегда ярче любой классики. Техногенные стратегии захватили его. Отделенные от общих знаний о происхождении ребенка и «шагающие» поверх того, что создано в знании философском, каноническом, советском и уже современном, данные стратегии фактически перекроили это пространство, которое и без того не отличалось концептуальной насыщенностью. Аргументы о том, что техногенный акцент в нормах об установлении происхождения ребенка может быть выражен только в виде «прививки техногенной культуры», потерялись в многословной технологической и медицинской лексике.

Тогда как «прививочная» терминология в структуре научных аргументов о том, как интегрировать новое в известное старое, чтобы не разрушить последнее, во многом не случайна. К ней прибегали историки права в целях описания соотношения нового знания о праве и способов интеграции первого во второе. Обращая внимание на ценность интеграционного научного подхода, исследователь русского права А. Стоянов красноречиво утверждал, что «освоение права не предполагает выкорчевывания уже посаженного научного и законодательного корня — его важно сохранить, сделав при этом

новую прививку» [10, с. 265]. Сегодняшняя законодательная стратегия регулирования порядка установления родительского происхождения ребенка ориентирована именно на такое видение места новизны в нормах одноименного правового института. Однако для многих авторов эта стратегия оказалась неочевидной.

Техногенный или традиционный научный подход к проблеме установления материнского и отцовского происхождения: проблема научного выбора

В стремлении обосновать ограниченность техногенного подхода к исследованию проблемы установления материнского и отцовского происхождения и одновременно продемонстрировать преимущества и ценность подхода традиционного представим на гипотетическом уровне, что традиционный подход действительно устарел. Логика такого приема видится оправданной: отдавая предпочтение одному подходу (техногенному), необходимо ясно представлять, от чего предстоит отказаться, перестав ориентироваться на другой (традиционный).

Напомним, что речь идет не об изменении социальных привычек или поведенческих стереотипов, а об изменении порядка установления материнского и отцовского происхождения, итоги которого являются единственным основанием для получения элементов статуса и личностной персонификации как родивших, так и рожденных. Этот посылочный тезис является самозначимым: без ориентира на него не просто понять потенциальные утраты и согласиться с ними. Их на самом деле немало.

На смену максиме о том, что происхождение у всех людей одно — кровнобиологическое, придет другая, свободная от связи с биологическим компонентом и отцовскими презумпциями как источниками предположения того, что он есть. Итогом такого плюрализма станет легализация разных видов происхождения — генетического, намеренного, частично биологического / генетического, конвенционного, социального и др. Каждый вид происхождения будет иметь собственную юридическую модель, далекую от ориентира на биологическую реальность.

Брак как ценность и как ведущий ориентир на эту реальность, позволяющий ее предположить, как важный институциональный компонент права происхождения потеряет свою семейно-правовую актуальность, как и презумпции, из него следующие. Добровольный порядок установления отцовского происхождения (по браку или по добровольному признанию внебрачного отца) утратит свою нормативную

идентификацию. Для установления отцовства во всех случаях достаточно будет прибегнуть к ДНК-тесту.

Границы между медицинским и семейным законодательством полностью потеряют свои очертания; последнее должно будет отразить все то, что происходит в «медицинских лабораториях, где организм делится на вещества, ткани, продукты, клетки, хромосомы, гены и конструируется новый по итогам взаимодействия разных компонентов с возможностью предсказать его генетический код [18, р. 89].

Юридическая сосредоточенность на медицинской комбинаторике с генетическим материалом позволит легализоваться суждениям о том, что у ребенка может быть несколько родителей, тем более что теория множественного родительства «по рождению» (а не по воспитанию) уже «мелькает» в текущих семейно-правовых дискурсах [2, с. 18]. Выстроенные по образу и подобию эмпирического видения, присущего социологической науке, в том числе зарубежной, они уже не выглядят экзотическими. За основу берутся взгляды, высказанные в американской юридической доктрине о том, что традиционные правила об установлении происхождения ребенка устарели и должны уступить место доктрине функционального происхождения, позволяющей учесть вклад всех участников в репродукции [21, р. 597]. При этом российские авторы мало считают с тем, что у такого видения есть собственный (американский) посыл в виде желания учесть факты однополого родительства в виде отклика на концепцию «брак для всех» и тем самым не допустить дискриминации.

Следствием уступки функциональному подходу станет легализация утверждений о том, что происхождение может быть не только основанным на разделении биологии и генетики, но и таким, каким захотят его видеть непосредственные участники акта репродукции.

Еще одним пунктом значимых теоретических и законодательных утрат окажется предписанная законом определенность семейно-правовых границ института происхождения ребенка, где точкой нормативного отсчета является акт биологических родов. Разрушение этих границ не только откроет путь к переизбытку медицинской и социальной реальности, но и навяжет акту технологического зачатия собственное место в порядке установления материнского и отцовского происхождения, который в классической концепции становится активным только после того, как рожден жизнеспособный ребенок.

Придется также принять как данность тот факт, что материнство в его юридическом смысле может быть разделенным между генетической и гестационной матерью и им следует «разрешить» самим договариваться о том, кто будет матерью «по закону», а кто останется в фактическом статусе. Следуя этой логике, подобная схема станет зна-

чимой и в случаях анонимного донорства гамет, где законодательная презумпция биологического происхождения, помогающая «стирать» генетическое происхождение, также станет ненужной.

От приоритета биологического происхождения ребенка придется отказаться, а значит, и от брака как семейной ценности и следующих из него презумпций. Усыновление как институт, ориентированный на фикцию биологического происхождения и продолжающий идею биологической семьи, окажется «невыгодным» способом иметь собственных детей, уступив место нетелесным способам зачатия, где можно не только избежать «контрольных» процедур на усыновительскую пригодность, но и стать родителем *своего* ребенка «по генам».

Много еще чего придется признать устаревшим, «лишним», ненужным с верой в одну лишь силу биотехнологического прогресса, превозносимую сторонниками техногенного подхода. Объективный научный взгляд, не игнорирующий действующие нормы о порядке установления материнского и отцовского происхождения и учитывающий, что они продукт публичной власти, вряд ли согласится с отменой или переопределением тех сущностей, на которых держится данный институт. Он создан таким, каким его желает видеть законодатель, — однозначным, определенным, предсказуемым, не зависящим от разветвленной медико-технологической конкретики, логически последовательным и идеологически понятным в стремлении сохранить биологическое начало в данном институте.

Но дело не только в этом. Вопрос о том, какие ценности следует поставить выше или ниже, на самом деле не относится ни к области биомедицины, ни к области семейного права. Сегодня это усмотрение третьей области знания — биоэтики как места синтеза и одновременно арбитражного того, как сочетать технологическую, этическую, философскую и юридическую проблематику.

Нормы о происхождении ребенка в призме биоэтического видения

Цивилизованный путь движения новых научных знаний о репродуктивных достижениях, имеющих местом своего рождения стены лабораторий, предполагает их необходимый пропуск через некие фильтры на предмет оценки всего того многообразия рисков, которое им сопутствует. Одним из таких фильтров является биоэтика. Как наука, имеющая универсальный моральный статус и глубокие философские корни, биоэтика признана компетентным посредником в диалоге между разными предметными сферами. Формируя критерии для решения наиболее принципиальных вопросов, она

помогает распознать силу и одновременно границы биомедицинской власти.

Этим предрешена продуктивность биоэтического знания, которое не только служит неким ограничителем для самих создателей биомедицинских достижений, «желающих жить дальше с чистой совестью после судьбоносных открытий» [22, с. 188], но и воспроизводит новое знание. То, которому дано зафиксировать и транслировать важнейшую максиму, согласно которой право и другие институты государства не являются простыми регистраторами биомедицинских научных данных.

Исторически функции арбитра между разными социальными противоположностями, одна из которых позиционировалась как «добро», а другая — как «зло», выполняли языческие обряды, народные обычаи, религиозная нравственность, власть монарха и философия, создающая мировоззренческое знание. Современные философы были первыми, кто сформулировал тезис о «ножницах», который должен работать всегда, когда необходимо «сочетать уровень развития современных технологий и состояние развития культуры, нравственности и этико-гуманистической составляющей, особенно в сфере биотехнологии» [12]. Как не единожды указывали авторы этого тезиса, «биоэтическое мышление — это чаще всего необходимость разрешить ту или иную дилемму... решая которую необходимо определить нормы и отклонения» [12], при этом «нужно обладать не только знаниями, но и мудростью, чтобы не применять знание, могущее навредить человеку» [13, с. 32].

После того как биоэтическое знание получило признаки оформления и общедоступности, задача выявления различных позиций по сложнейшим моральным проблемам, которые лавинообразно порождает прогресс биомедицинской науки и практики, перешла к нему. Начиная с конца XX в. биоэтика была признана нормативно ориентированной системой знаний и «одним из способов нащупывания правовой нормы в процессе ее поиска» [3, с. 5].

В отличие от биомедицины и права, находящихся в тисках собственной (биотехнологической и юридической) логики, биоэтический дискурс наполнен разными контекстами. Он считается делиберативным, поскольку в нем массово пересекаются такие разные виды мышления, как философское, медицинское, антропологическое, биологическое, теологическое, юридическое, у каждого из которых своя методика анализа, обсуждения и взвешивания разнопредметных взглядов. По признанию философов, ценность этого ресурса пока остается не слишком высокой за счет того, что литературы, посвященной биоэтике, много, но методология биоэтики чаще всего

пребывает в «невидении и неслышании» [11]. В этом состоит одна из причин, по которой вопрос о соотношении биоэтики и отраслевых видов знания остается без предметного описания. А ответ на вопрос о том, «как втиснуть законы биоэтики в прекрасную механику, предназначенную для юристов, а не для медицины» [16], обычно ограничивается лапидарными тезисами о том, что по общему правилу «одно без другого не существует».

Любая взвешенная попытка ответить на вопрос, как соотносятся между собой знание биоэтическое и юридическое, требует от авторов больших теоретических усилий — слишком многое необходимо сочетать: культурные стереотипы, доктрину права и его догму; практический эффект биотехнологических достижений и политическую настороженность по поводу тех последствий, которые они сулят; различать утилитарное видение возможностей биомедицины и потенциальные правовые последствия их реализации. Как рассуждал в связи с этим В.Р. Поттер, «биоэтику надо принимать как новое этическое учение, которое объединяет все культуры и расширяет значение слова “гуманность”» [19, р. 34]. На этом же стоял современник В.Р. Поттера американский врач А. Хеллегерс, разработавший академическую структуру курса биоэтики для целей ее преподавания и утверждавший, что биоэтику надо рассматривать не иначе как диалог биомедицины, философии и права [20, р. 23].

Эти особенности биоэтического знания пока не позволили описать его эффекты в конкретных отраслях. В этом смысле вопросу о том, что такое биоэтика, повезло намного больше, нежели вопросу о том, в чем состоит научная методология работы с уже известным биоэтическим знанием. Больше других наук в этом преуспели философы, религиоведы и историки прав. Представители этих научных направлений опираются на один и тот же объективный посыл, состоящий в том, что брак, семья и рождение детей — это то, что предлагает правильную последовательность нравственной жизни [7]. Как бы ни изменялась жизнь, «гражданский быт европейских народов может развиваться только в пределах этих известных граней, установленных самой природой общества и человека» [10].

Невысокая чувствительность семейно-правового дискурса по проблеме происхождения ребенка к биоэтическим ссылкам стала еще одной из тех, что «толкнула» немалое число авторов встать на путь техногенного подхода. Рассуждать о мире биотехнологий, его благах для лиц, желающих обойти биологическую судьбу, и о расщепленном материнстве, оказалось актуальнее, нежели следовать силе законодательного слова и коммуницировать с трудами научных предшественников. В науке семейного права появилось немало «технократов»,

начинающих любые рассуждения об установлении происхождения ребенка с описания ценностей репродуктивных новаций с обязательным переходом к печальной статистике бездетности с последующим весьма подробным описанием репродуктивных желаний, способных к реализации с помощью биомедицины. Описание репродуктивных клинических практик оказалось на одной ступеньке с собственно юридической аргументацией, которая чаще выглядит намного тусклее, чем биомедицинская.

За последние полвека происхождение ребенка не стало менее биологическим: антропологические законы человеческого воспроизводства никуда не ушли из репродуктивной реальности. Естественное зачатие, не тронутое вмешательством репродуктивной медицины и пребывающее в сфере естественно-физиологического, остается общим и нормальным правилом. Но факт остается фактом: теоретическое притеснение биобрачной модели происхождения ребенка, не потерявшей своего нормативного приоритета, налицо.

Биоэтическое безмолвие по проблеме происхождения ребенка принесло свои эффекты: биомедицинское мышление стало лидировать, тогда как юридическое потеряло предметные ориентиры и методы ее научного описания. Редкие научные попытки открыть точки корреляции биоэтических стандартов и семейно-правовых норм при описании этой проблематики [6, 5] ситуации не меняют. В силу их немногочисленности они пока не способны ни видоизменить, ни перенаправить юридическое мышление в сторону биоэтических и действующих нормативных приоритетов.

Сегодня это мышление отстаивает истину о том, что в вопросах установления материнского и отцовского происхождения нет ничего застывшего, логика их научного объяснения может быть любой. Но если это и так, то тогда нужно не только отказаться от уже известного знания, а заодно и от общепризнанных семейных ценностей, но и предложить новое законодательное видение будущего института происхождения. Дело не только в том, что разрушить и не создать нового — это шаг не эволюционный. Оно еще и в том, что без института происхождения ребенка нормы действующей семейно-правовой кодификации существовать не могут: они обрушатся, потеряв опору, поскольку право происхождения ребенка без какого-либо преувеличения структурирует все «тело» семейного законодательства. Как констатировал Ж. Карбонье, «установление происхождения ребенка — это неотъемлемая часть того, что являет собой феномен, именуемый семейным правом» [17, с. 119].

Если рассуждать более предметно, то надо признать, что нового, юридически аргументированного и концептуально взвешенного,

что можно было предложить законодателю в качестве существенного теоретического задела, пока не создано. Есть фрагменты, мнения, заблуждения, иногда недоумения, связанные с дополнительными критериями родительской идентификации. Есть значительные семейно-правовые дефициты и неизвестность научных и законодательных перспектив. В таком случае более эффективным видится другой научный путь — пойти по законодательному следу и заняться тщательной научной интерпретацией того, что уже есть в действующем законе, нормы которого нашли опору в этнолого-антропологическом, историко-правовом, философском и биоэтическом знании, и тем самым подняться на научную ступеньку выше и не сразу, но восстановить потерянный когнитивный источник, который на самом деле лежит не в медицинской и технологической нормативности, а в структуре семейно-правового знания.

Всем известно, что при том могуществе биомедицины, которая она навязывает другим областям научного знания, медицина не обладает правом принятия решений о включении рожденного ребенка в семью: это исключительно задача семейно-правового регулирования, которое определяет, каким должен быть этот порядок.

Заключение

Мир фактических действий, медицинских в том числе, и мир нормативных идей — это не одно и то же. Следуя только первым, легко уйти в техногенетику и, значит, отделиться от той традиционности, которая хранит биологическое начало в человеческом воспроизводстве и основана на культурных предположениях, подчиненных политическим соображениям о том, в каком порядке рожденный ребенок юридически объединяется с теми, от кого он произошел. Общеизвестное дидактическое объяснение этой теоретической стратегии сводится к тому, что (семейное) право — это регулятор отношений (по происхождению), а не просто некая реальность, которую необходимо привести в соответствие с новейшими биомедицинскими методиками воспроизводства человека.

Думать в обратном порядке — значит отказаться в угоду биомедицине, где правят протоколы, программы, проекты, намерения лиц, стремящихся к родительству, генетика в ее отрыве от биологии и от действующей догматики. А заодно и от языка, на основе которого сформирована семейно-правовая логика родительского признания и родительских обязательств и который является готовым для восприятия другими отраслями права (гражданского, трудового, права социального обеспечения и др.).

Библиографический список

1. *Гараева Г.Х.* Теоретические и практические проблемы семейной правосубъектности: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. 243 с.
2. *Гусев М.А.* Институт отцовства в Республике Казахстан: проблемы правового обеспечения: дис. ... канд. филос. наук. Алматы, 2020. 146 с.
3. *Канунникова Л.В., Сидорова Т.А.* Биоэтика: от нормализации к норме // *Медицинское право*. 2014. № 5. С. 3–7.
4. *Карбонье Ж.* Юридическая социология / пер. с франц. и вступит. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. 352 с.
5. *Момотов В.В.* Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 1 (146). С. 29–39.
6. *Понкин И.В., Понкина А.А.* Оценка суррогатного материнства с позиций права и биоэтики // *Право и образование*. 2014. № 10. С. 97–109.
7. *Силюнова И.В.* Современная медицина и православие. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. 105 с.
8. *Степин В.С.* Человек. Деятельность. Культура. СПб., 2018. 796 с.
9. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. (Классика гуманитарной мысли. Вып. 3). 407 с.
10. *Стоянов А.* Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков: Тип. Чаховского и Зарина, 1862. 277 с.
11. *Тищенко П.Д.* На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Мирь, 2011. 327 с.
12. *Фролов И.Т.* Этика науки: проблемы и дискуссии / Ин-т философии РАН. 2-е изд., перераб. и доп. М.: URSS, 2009. (Из наследия И.Т. Фролова). 256 с.
13. *Фролов И.Т.* Социология и этика познания жизни и человека // *Природа*. 1982. № 9. С. 29–37.
14. *Хабриева Т.Я.* Проекция развития конвергентных технологий в праве // Доклады членов Российской академии наук Всероссийских научных конференций с международным участием / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М.: Ин-т государства и права РАН, 2019. Т. 1. С. 138–163.
15. *Agamben G.* La medicina come religione // *Quodlibet, Una Voce, Rubrica di G. Agamben*. 2020. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-la-medicina-come-religione>.
16. *Baud J-P.* Préface. Ce que signifie la bioéthique // *Droit et culture [en ligne]*. 2006. Issue 51. URL: <http://journals.openedition.org/droitcultures/853>.

17. *Carbonier J.* Bürgerrecht, Familie, T. I. Quadriges. Paris: PUF, 1999. 211 p.
18. *Labrusse-Riou C.* La maîtrise du vivant: matière à procès // Pouvoirs. Bioéthique. 1991. Issue 56. Pp. 87–107.
19. *Potter V.R.* Global Bioethics: Building on Leopold's Legacy Global Bioethics. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1988. 203 p.
20. *Reich V.T.* The word «bioethics»: the Struggle for its Original Meaning // Journal of the Kennedy Institute of Ethics. 1995. Issue 5(1). Pp. 19–34.
21. *Storrow R.* Parenthood by Pure Intention: Assisted Reproduction and the Functional Approach to Parentage // Hastings Law Journal. 2002. Issue 53 (3). Pp. 597– 679.
22. *Warnock M.* The Warnock Report // Br Med J (Clin Res Ed.). 1985. Issue 291. Pp. 187–190.

References

1. *Garaeva G.H.* *Teoreticheskie i prakticheskie problemy semejnoy pravosub"ektnosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical and practical problems of family legal personality: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2022. 243 p. (In Russ).
2. *Gusev M.A.* *Institut otcovstva v Respublike Kazahstan: problemy pravovogo obespecheniya: dis. ... kand. filos. nauk.* [Theoretical and Practical Problems of Family Legal Personality: Synopsis of Cand. pfilos. sci. diss.]. Almaty, 2020. 146 p. (In Russ).
3. *Kanunnikova L.V., Sidorova T.A.* *Bioetika: ot normalizatsii k norme* [Bioethics: from Normalization to Normality Medical Law]. *Medicinskoe pravo – Medical Law*. 2014. Issue 5. Pp. 3–7. (In Russ).
4. *Carbonier Zh.* *Yuridicheskaya sociologiya* [Legal Sociology]. Moscow, 1986. 352 p. (In Russ).
5. *Momotov V.V.* *Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimereniya (surrogatnoe materinstvo)* [Bioethics in the Context of Legislation and Law Enforcement (surrogacy)]. *Lex Russica*. 2019. Issue 1(146). Pp. 29–39. (In Russ).
6. *Ponkin I.V., Ponkina A.A.* *Ocenka surrogatnogo materinstva s pozitsij prava i bioetiki* [Assessment of Surrogacy from the Standpoint of Law and Bioethics]. *Pravo i obrazovanie – Law and Education*. 2014. Issue 10. Pp. 97–109. (In Russ).
7. *Siluyanova I.V.* *Sovremennaya medicina i pravoslavie* [Modern Medicine and Orthodoxy]. Moscow, 1987. 105 p. (In Russ).
8. *Stepin V.S.* *Chelovek. Deyatelnost. Kultura* [Human. Activity. Culture]. St. Petersburg, 2018. 796 p. (In Russ).

9. *Stepin V.S. Civilizaciya i kul'tura* [Civilization and Culture]. Moscow, 2011. (Klassika gumanitarnoj mysli. Vyp. 3). 407 p. (In Russ).

10. *Stoyanov A. Metody razrabotki polozhitel'nogo prava i obshchestvennoe znachenie yuristov ot glossatorov do konca XVIII stoletiya* [Methods of Developing Positive Law and the Social Significance of Lawyers from Glossators to the end of the XVIII Century]. Kharkov, 1862. 277 p. (In Russ).

11. *Tishchenko P.D. Na granyah zhizni i smerti. Filosofskie issledovaniya osnovanij bioetiki* [On the Edge of Life and Death. Philosophical Research on the Foundations of Bioethics.]. St. Petersburg, 2011. 327 p. (In Russ).

12. *Frolov I.T. Etika nauki: problemy i diskussii / Institut filosofii RAN* [Ethics of Science: Problems and Discussions. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy]. Moscow, 2009. 256 p. (In Russ).

13. *Frolov I.T. Sociologiya i etika poznaniya zhizni i cheloveka* [Sociology and Ethics of Cognition of Life and Man]. *Priroda* – Nature. 1982. Issue 9. Pp. 29–37. (In Russ).

14. *Habrieva T.Ya. Proekcii razvitiya konvergentnyh tekhnologij v prave // Doklady chlenov Rossijskoj akademii nauk Vserossijskih nauchnyh konferencij s mezhdunarodnym uchastiem* [Projections of the Development of Convergent Technologies in law. Reports of Members of the Russian Academy of Sciences at All-Russian Scientific Conferences with International Participation]. Moscow, 2019. Vol. 1. Pp. 138–163. (In Russ).

15. *Agamben G. La medicina come religione // Quodlibet, Una Voce, Rubrica di G. Agamben*. 2020. Available at: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-la-medicina-come-religione>. (In Fren.)

16. *Baud J-P. Préface. Ce que signifie la bioéthique. Droit et culture [en ligne]*. 2006. Issue 51. Available at: <http://journals.openedition.org/droit-cultures/853>. (In Fren.)

17. *Carbonier J. Bürgerrecht, Familie. T. I. Quadriges. Paris: PUF*, 1999. 211 p. (In Fren.)

18. *Labrusse-Riou C. La maîtrise du vivant: matière à procès. Pouvoirs. Bioéthique*. 1991. Issue 56. Pp. 87–107. (In Fren.)

19. *Potter V.R. Global Bioethics: Building on Leopold's Legacy Global Bioethics*. East Lansing, Michigan: *Michigan State University Press*, 1988. 203 p. (In Eng.)

20. *Reich V.T. The word «bioethics»: the struggle for its original meaning // Journal of the Kennedy Institute of Ethics*. 1995. Issue 5 (1). Pp. 19–34. (In Eng.)

21. *Storror R. Parenthood by pure intention: Assisted reproduction and the functional approach to parentage. Hastings Law Journal*. 2002. Issue 53 (3). Pp. 597– 679. (In Eng.)

22. *Warnock M. The Warnock Report // Br Med J (Clin Res Ed.)*. 1985. Issue 291. Pp. 187–190. (In Eng.)

Информация об авторе:

Е.Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский
университет,

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Тюменский государственный университет,

625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.

ORCID: 0000-0003-4257-5673.

Researcher ID: E-9302-2016.

Статьи в БД Scopus/Web of Science:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540.

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192.

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-521-534.

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663.

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-672-697.

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.130.153.

DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258.

DOI: 10.1051/shsconf/20211108003.

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-528-540.

Information about the author:

E.G. Komissarova

Perm State University,

15 Bukireva St., Perm, 614068, Russia.

Tyumen State University,

6 Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russia.

ORCID: 0000-0003-4257-5673.

Researcher ID: E-9302-2016.

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540.

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192.

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-521-534.

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E.

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663.

DOI: 10.17072/19954190-2019-46-672-697.

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.130.153.

DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-236-258.

DOI: 10. 1051/shsconf/ 20211108003.

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-528-540.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.М. Подрабинок¹

Уральский филиал Исследовательского центра частного права
имени С.С. Алексеева при Президенте РФ
E-mail: podrabinok@mail.ru

А.А. Винокурова

АО «Медицина»,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 89089232467@yandex.ru

Введение: повышение эффективности правовой охраны и защиты личных неимущественных прав на современном этапе должно быть связано не только с внутридисциплинарными, междотраслевыми, но и с междисциплинарными исследованиями. Междисциплинарный анализ гражданско-правовых отношений, возникающих по поводу нематериальных благ, представляет собой эффективный инструмент научного познания и методологическое приращение для современной науки гражданского права. Привлечение междисциплинарных инструментов видится объективно необходимым для научного анализа правовой природы связанных со здоровьем гражданина нематериальных благ. **Методы:** формально-юридический и логический методы научного познания, метод дедукции и индукции, анализа и синтеза, метод научного обобщения. **Результаты:** в рамках исследования сделан вывод об эффективности применения междисциплинарного подхода в гражданском праве как инструмента исследования личных неимущественных отношений, который может быть использован для понимания правовой природы некоторых нематериальных благ, особенно связанных со здоровьем гражданина, а также для формирования эффективной правовой охраны и защиты, для формирования единообразия судебной практики в рассматриваемой сфере. Для научного описания ме-

¹ Работа © Подрабинок Е.М., Винокурова А.А. распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

ждисциплинарного подхода применительно к личным немущественным отношениям среди всех проводимых исследований следует выделить те, что направлены, во-первых, на познание, определение сущности и научное описание некоторых нематериальных благ, во-вторых, — на эффективную правовую охрану и защиту, которые с учетом социального, психологического и медицинского контекста могут дать возможность законодателю адаптировать действующее правовое регулирование к вызовам времени.

Ключевые слова: междисциплинарность в юриспруденции; междисциплинарность в гражданском праве; методология исследования; нематериальные блага; личные немущественные отношения; охрана и защита личных немущественных прав; медицинское право; компенсация морального вреда; физические страдания, нравственные страдания.

MODERN INTERDISCIPLINARY RESEARCH ON PERSONAL NON-PROPERTY RELATIONS

E.M. Podrabinok

Ural Branch of the S.S. Alekseev Research Center for Private Law
under the President of the Russian Federation

E-mail: podrabinok@mail.ru

A.A. Vinokurova

JSC «Medicine»,

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

E-mail: 89089232467@yandex.ru

Introduction: *Improving the effectiveness of legal protection and protection of personal non-property rights at the present stage should be associated not only with interdisciplinary, intersectoral, but also with interdisciplinary research. The interdisciplinary analysis of civil law relations arising from intangible benefits is an effective tool of scientific knowledge and methodological increment for the modern science of civil law. The involvement of interdisciplinary tools is seen as objectively necessary for the scientific analysis of the legal nature of intangible benefits related to the health of a citizen. Methods:* formal legal and logical methods of scientific cognition, method of deduction and induction, analysis and synthesis, method of scientific generalization. **Results:** *Within the framework of the study, it was concluded that the interdisciplinary approach in civil law is effective as a tool for researching personal non-property relations, which can be used to understand the legal nature of some intangible benefits, especially those related to the health of a citizen, as well as to form effective legal protection and protection, to form uniformity of judicial practice in the field under consideration.*

For the scientific description of the interdisciplinary approach in relation to personal non-property relations, among all the research carried out, it should be distinguished: firstly, aimed at cognition, definition of the essence and scientific description of some intangible benefits; secondly, aimed at effective legal protection and protection, which, taking into account the social, psychological and medical context, can enable the legislator to adapt the current legal regulation to the challenges of the time.

Keywords: *interdisciplinarity in jurisprudence; interdisciplinarity in civil law; research methodology; intangible benefits; personal non-property relations; protection and protection of personal non-property rights; medical law; compensation for moral harm; physical suffering, moral suffering.*

Введение

Цивилистические исследования личных неимущественных отношений традиционно привлекают внимание ученых [1; 6; 9; 10; 11; 20]. Современные цивилистические исследования личных неимущественных отношений должны соответствовать не только духу времени, новым вызовам, но и современным методам анализа. А исследователям личных неимущественных отношений не следует замыкаться только на одной отрасли права или на межотраслевом уровне, но также пробовать анализировать их на междисциплинарном уровне. Важность междисциплинарных исследований была отмечена во вступительной речи Президента Российской Федерации на заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию, где было указано, что «важнейшим направлением деятельности академических институтов должны стать междисциплинарные исследования...»¹.

Однако при этом следует отметить, что современные исследователи по-разному относятся к междисциплинарному методу исследования — как достаточно скептически, опасаясь нарушения академического порядка, так и много рассуждая о его преимуществах [7; 21]. Следует согласиться с О.А. Серовой в том, что «остается заблокированным привычкой замыкаться на внутренних проблемах права» [17, с. 268].

Как верно отмечает Е.Г. Комиссарова, «критический рост научной информации, ориентированной на умение “думать через границы”, задал высокую планку популярности исследованиям междисциплинарного уровня [8]. Объявленное мейнстримом современной науки

¹ Путин В.В. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию: вступительная речь Президента Российской Федерации (8 декабря 2014 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/6/47196>.

и ее современным моральным подтекстом междисциплинарное мышление все чаще противостоит абстрактно теоретическому, подталкивая правоведов к тому, чтобы исследование той или иной правовой проблемы не ограничивалось рамками одного лишь догматического анализа, а получало междисциплинарный охват [13]. Как следствие — в пользу междисциплинарного подхода высказано множество утвердительных суждений, указывающих на то, что междисциплинарность коррелирует с текущими социально-культурными процессами, а потому для гуманитарных наук она больше закономерна, нежели наоборот... На уровне общетеоретических правовых исследований такие попытки, подкрепленные убеждением в том, что «снятие железного занавеса между юриспруденцией и другими науками давно ждало своего часа», уже предприняты [2; 4]. В этом смысле неким исключением является отрасль гражданско-правового знания, где на примере научной коммуникации права и экономики, вопреки существующей критике¹, уже представлен «чистый и пока редкий случай междисциплинарности» и сформулированы сопутствующие методологические аргументы [14; 18].

Основная часть

Попытки идти в ногу со временем стимулируют представителей цивилистической науки обращаться к смежным дисциплинам с намерением объединять и согласовывать идеи, явления, понятия и обстоятельства, которые ранее исследовались разрозненно в рамках каждой дисциплины. Особенно актуальными такие исследования становятся, когда речь идет о некоторых гражданско-правовых институтах, которые связаны с личностью гражданина, с его здоровьем, с его восприятием окружающей действительности, с его эмоциями, чувствами, переживаниями и другими ощущениями. При этом следует учитывать, что такого рода анализ в сфере человеческих ощущений является необходимым, поскольку большинство споров, возникающих в рассматриваемой сфере, предполагают денежную оценку морального вреда, проявляющегося в виде физических и нравственных страданий, определение которых подчас возможно с использованием знания других дисциплин, в частности в медицинской сфере.

Обращение к междисциплинарному методу исследования продиктовано не только целью исследования личных неимущественных отношений, но и целью уяснения сущности связанных с психическим и физическим здоровьем нематериальных благ; эффективной охраны

¹ Веляновски Ц.Г. Экономический подход к праву: критическое вступление. URL: http://www.nsu.ru/nif/people_1/016.pdf.

и защиты личных неимущественных прав. Как цивилисту трудно разобраться в дисциплине, изучаемой в медицинском учебном заведении (он рискует утонуть во всем многообразии взглядов, идей и теорий), так и представителям этой науки сложно овладеть знанием об особенностях охраны и защиты личных неимущественных прав. Сложность взаимного понимания разных внутридисциплинарных теорий создает препятствия для совместимости разнородных элементов знаний в сфере медицины со специальным знанием в сфере юриспруденции.

В связи с этим использование междисциплинарности как метода исследования на примере изучения личных неимущественных отношений дает возможность привнести новое дыхание в понимание сущности нематериальных благ, эффективного правового регулирования личных неимущественных отношений, охраны и защиты личных неимущественных прав.

Наиболее ярким проявлением сложностей взаимопонимания между разными, но смежными дисциплинами в сфере личных неимущественных отношений являются терминологические конструкции. Например, когда то или иное понятие, используемое в разных областях знания (и в медицине, и в юриспруденции), легально включается в научный оборот, в сферу правового регулирования при отсутствии юридически достоверного знания о нем. Кроме того, исходный алгоритм науки гражданского права работает так, что проблемы, поставленные в рамках ее исследований, решаются с использованием той профессиональной лексики, которая сформулирована не только в ее собственных терминах, но и в медицинских терминах.

Более того, представляется, что юридически достоверное знание о каком-либо нематериальном благе получить не представляется возможным без использования методов исследования, применяемых в медицине. Так, основанием для предъявления требования о компенсации морального вреда является причинение физических или нравственных страданий (ст. 151 ГК РФ). Здесь следует оговориться, что компенсация неимущественного вреда существенно отличается от компенсации имущественного вреда. Размер компенсации при причинении вреда имуществу можно рассчитать и доказать через расходы, которые лицо понесло или должно будет понести для восстановления нарушенного права; либо стоимость утраченного или поврежденного имущества; либо через доходы, которые лицо получило бы, если его право не было нарушено (ст. 15 ГК РФ). А вот размер компенсации морального вреда рассчитать и доказать, как правило, представляется чрезвычайно затруднительно, поскольку необходима **другая** совокупность приемов, способов и средств, с помощью которых можно определить наличие страданий и их степень.

Ранее ни в законодательстве, ни в судебной практике не содержалось легальных определений понятий «физические страдания», «нравственные страдания». Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹ (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33) появилось раскрытие сути данных понятий через перечисление конкретных проявлений и примеров такого рода страданий.

Так, в соответствии с п. 14 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 33 **под физическими страданиями** следует понимать, во-первых, физическую боль; во-вторых, заболевание; в-третьих, ограничение возможности передвижения; в-четвертых, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы. Представляется целесообразным рассмотреть последовательно перечисленные проявления страданий с целью получить юридически достоверное знание о них с использованием методов, применяемых как в юриспруденции, так и в медицине.

I. Первой разновидностью физических страданий, указанной в Постановлении Пленума № 33, является **физическая боль**. При этом из п. 14 указанного Постановления следует, что такая боль может быть (должна быть) связана с причинением увечья или иным повреждением здоровья. Понятие «боль» не закреплено в гражданском законодательстве, но широко используется в юридическом научном лексиконе. В связи с этим возникает вопрос о том, с помощью каких способов, приемов и средств (используемых в юриспруденции или в медицине) возможно определение наличия и степени «испытывания» человеком боли.

Очевидно, что у каждого человека вне зависимости от его профессии есть определенное понимание, что такое боль. Прежде всего, «испытывание» человеком боли имеет место при любом физическом вторжении в тело человека. Например, никто не будет спорить, что при переломах конечностей или при оперативном вмешательстве в организм человека он испытывает боль в той или иной степени. Это «объективный юридический и медицинский факт».

Однако если физическая боль вызвана не вмешательством в телесную оболочку или ее нарушением, а другими факторами, то определение наличия или отсутствия боли становится затруднительным. Например, как, кроме слов гражданина, определить наличие головной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

боли, боли в животе, боли в суставах? Думается, что ответ на поставленный вопрос следует искать как раз в междисциплинарном подходе, используя методы, применяемые в медицине.

В этой сфере широко используется термин «болевого синдром», который охватывает более широкий спектр явлений, чем просто боль. Понятие «боль» относится к субъективному ощущению, которое может возникать в ответ на повреждение тканей или заболевания. Это ощущение может варьироваться по интенсивности, продолжительности и характеру, и оно всегда индивидуально для каждого пациента. «Болевой синдром», в свою очередь, представляет собой комплекс симптомов, который включает в себя не только саму боль, но и другие ее клинические проявления, а также влияние на функциональное состояние и качество жизни человека. Именно по этой причине видится весьма интересным для юриспруденции изучение методики определения факта «испытывания» боли и степени ее выраженности, используемых в медицине.

В медицине в настоящее время существует более сотни инструментальных, лабораторных, клинических методик оценки болевого синдрома, среди которых вербальные и визуальные шкалы, регистрация биоэлектрической активности мозга, фиксация соматосенсорных вызванных потенциалов, количественная оценка биохимических маркеров стресса в крови и слюне и др. Думается, что для юриста все перечисленные методики имеют огромное значение, поскольку дают возможность сделать вывод об «испытывании» человеком боли, болевого синдрома.

С юридической точки зрения представляет интерес, что на сегодняшний день большинство используемых в медицинской практике для оценки боли методик базируются на интерпретации утверждений самих пациентов. Наиболее распространены так называемые аналоговые шкалы боли, предполагающие пациенту самостоятельно провести ассоциацию выраженности боли с цветом, числом или длиной отрезка. Так, например, одна из наиболее широко используемых шкал, визуальная аналоговая шкала (ВАШ), представляет собой отрезок без делений, на котором пациенту предлагается сделать одну отметку. Первый конец отрезка именуется «боли нет» и равняется 0 мм, второй конец — «самая сильная боль, которую можно представить» соответствует 100 мм. Числовая рейтинговая шкала — другой быстрый и удобный метод оценки боли. Пациент вписывает или называет число, которое, по его мнению, наиболее соответствует силе испытываемого им болевого ощущения от 0 до 10 (ЧРШ-11) либо от 0 до 100 (ЧРШ-101). Преимуществом данного варианта является его простота для статистической обработки, а также возможность вербального использования, например

по телефону или в ситуации, когда пациент не имеет возможности писать или рисовать. Этим способом пациенты легко овладевают, его использование и интерпретация не вызывает трудностей.

С учетом применяемой в медицине очевидной субъективности аналоговых и рейтинговых шкал, а также необходимости оценки выраженности болевого синдрома у пациентов, которые не хотят или не могут вступить в продуктивный контакт с медицинским персоналом, разработаны комплексные шкалы. В таких шкалах используются не столько утверждения пациента, сколько врачебная оценка комплекса клинических признаков (положение пациента, его активность, мимика, слезотечение, стоны, интонация голоса, цвет и влажность кожных покровов, тахикардия, гипертензия, частота и глубина дыхания и др.) [19]. Например, поведенческая шкала FLACC (Face, Legs, Activity, Cry, Consolability) используется у детей до трех лет и учитывает особенности его поведения, выражение лица, движения ног, характер крика, а также то, насколько ребенок поддается успокаиванию [15].

К сожалению, аналоговые и рейтинговые шкалы определяют только интенсивность боли, не предоставляя информации о ее качественных характеристиках. Эмоциональная составляющая болевого синдрома вносит существенные погрешности в показатели, поэтому необходимо учитывать анамнез и исходный психоэмоциональный статус пациента, степень тревожности, характер травмы или операции (косметическая/жизнеспасающая/инвалидизирующая и др.) В медицинской практике существует ориентировочное представление о выраженности боли при различных заболеваниях и патологиях, в соответствии с которым разрабатываются стандартные схемы обезболивания. Однако исследования, посвященные оценке выраженности болевого синдрома после огромного спектра хирургических вмешательств (от небольших поверхностных вмешательств до крупных полостных операций), демонстрируют, что усредненный подход не всегда работает. Даже после небольших вмешательств пациент может испытывать боль более интенсивную, чем принято думать [22]. Именно поэтому представляется очень важной индивидуальная оценка в каждой конкретной ситуации.

В количественной оценке болевого синдрома также существуют непреодолимые индивидуальные различия, которые могут быть связаны с культурными, религиозными особенностями, уровнем образования, предшествующим опытом переживания боли. Например, одни люди никогда не оценят испытываемую ими боль в 10 баллов (по шкале от 0 до 10), предполагая вероятность ее нарастания, другие, наоборот, сразу оценивают даже небольшую боль в 10 баллов, хотя при этом остаются спокойными и расслабленными. Следовательно, все цифровые системы оценки боли имеют пределы надежности. Сегодня

клинические рекомендации предписывают врачам регулярно оценивать наличие и выраженность боли в покое и при движении как до, так и после обезболивания, если оно применяется, и вносить результаты в медицинскую документацию¹.

Представляется важным отметить, что отсутствие боли не всегда есть отсутствие патологического процесса: отсутствие боли может быть результатом медицинского вмешательства, направленного на обезболивание. Методами обезболивания, помимо приема таблетированных препаратов, могут быть внутримышечное и внутривенное введение анальгетиков (в том числе наркотических), а также технически более сложные инвазивные процедуры (например, блокады нервов, эпидуральная анестезия). Так, количество анальгетиков, необходимых для облегчения боли, можно использовать для косвенной оценки интенсивности боли.

Несмотря на то, что кажется очевидным тот факт, что любая травма, независимо от ее природы, будет сопровождаться болью, степень ее выраженности достоверно предсказать практически невозможно. Данные, накопленные сугубо эмпирическим методом, дают представление медицинским работникам об определенной средней прогнозируемой боли, которую можно ожидать при стандартной хирургической манипуляции или травме, что широко используется при оказании экстренной помощи в условиях дефицита времени, сил и средств. Однако в пациент-ориентированной модели приоритет отдается «тонкой настройке», учитывающей индивидуальные особенности и потребности пациента, поскольку огромное множество факторов, помимо непосредственно характера травмы / операции, оказывает значимое влияние на переживание боли. Среди наиболее изученных исследователями — пол, возраст, масса тела, курение, уровень образования, информированность / готовность к переживанию боли, предшествующий опыт в отношении претерпевания боли, а также опыт использования анальгетиков, эмоциональная поддержка со стороны близких и медперсонала [3; 16]. Так или иначе любое вторжение в организм человека, нарушение его целостности всегда будет сопровождаться болью из-за универсальности патофизиологических механизмов.

¹ Согласно п. 23 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс») клинические рекомендации — документы, содержащие основанную на научных доказательствах структурированную информацию по вопросам профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, в том числе протоколы ведения (протоколы лечения) пациента, варианты медицинского вмешательства и описание последовательности действий медицинского работника с учетом течения заболевания, наличия осложнений и сопутствующих заболеваний, иных факторов, влияющих на результаты оказания медицинской помощи.

Соответственно, факт наличия боли при наличии некоторых видов травм или заболеваний можно презюмировать, однако для того, чтобы судить об интенсивности болевого синдрома, всегда будет необходимо использовать специальные дополнительные методы.

Следовательно, на основе анализа используемых в медицине способов, приемов и средств определения наличия и степени «испытывания» человеком боли необходимо сделать следующие выводы. Во-первых, если имеют место лишь утверждения гражданина о том, что он испытывает боль, определение наличия или отсутствия болевого синдрома возможно не с помощью юридических методов, а только с помощью методов, используемых в медицинской сфере. Во-вторых, если физическая боль вызвана вмешательством в телесную оболочку или ее нарушением и это вмешательство является очевидным, то для определения оснований для компенсации морального вреда нет необходимости в доказывании «испытывания» человеком боли. Здесь должны применяться не медицинские способы определения боли, а юридическая презумпция «испытывания» боли. Здесь, скорее всего, правоприменителю при решении вопроса о том, испытывает ли лицо физическую боль и насколько эта боль сильна, следует исходить из презумпции, при которой среднестатистический гражданин обычно при определенном рода увечьях или повреждениях здоровья испытывает физическую боль. При этом при решении конкретных споров следует исходить из очевидной презумпции, что человек испытывает в той или иной степени боль, если ему причиняется увечье или иное повреждение здоровья, которые могут проявляться в нарушении телесной оболочки.

II. Можно также рассмотреть другую ситуацию, когда понятие, используемое в разных областях знания (и в медицине, и в юриспруденции), легально включается в научный оборот, в сферу правового регулирования, при этом в действующем законодательстве содержится его легальное определение. Так, в качестве еще одной разновидности физических страданий, помимо физической боли, является **заболевание** (п. 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33). В соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 2 Закона «Об основах охраны здоровья граждан» «заболевание — возникающее в связи с воздействием патогенных факторов нарушение деятельности организма, работоспособности, способности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды при одновременном изменении защитно-компенсаторных и защитно-приспособительных реакций и механизмов организма».

В соответствии со ст. 2 Закона «Об основах охраны здоровья граждан» заболевания подразделяются на основные и сопутствующие: основное заболевание — заболевание, которое само по себе или в связи с осложнениями вызывает первоочередную необходимость оказа-

ния медицинской помощи в связи с наибольшей угрозой работоспособности, жизни и здоровью, либо приводит к инвалидности, либо становится причиной смерти (п. 18); сопутствующее заболевание — заболевание, которое не имеет причинно-следственной связи с основным заболеванием, уступает ему в степени необходимости оказания медицинской помощи, влияния на работоспособность, опасности для жизни и здоровья и не является причиной смерти (п. 19).

Думается, для целей компенсации морального вреда, причиненного в виде физических страданий, представляется важным деление заболеваний на указанные группы, поскольку определение размера компенсации должно зависеть от квалификации заболевания как основного или сопутствующего, а деление на эти виды имеет в своей основе степень необходимости (срочности) оказания медицинской помощи в конечном итоге в зависимости от того, может либо нет быть причиной смерти.

В связи с этим возникает вопрос о том, какими методами, способами и средствами (используемыми в медицине или в юриспруденции) возможно определение наличия заболевания и его вид. Представляется, что ответ на поставленный вопрос может быть дан только обладающим специальными знаниями в сфере медицины (а не юриспруденции) специалистом, использующим разные методики диагностирования. В соответствии с легальным определением «диагностика — это комплекс медицинских вмешательств, направленных на распознавание состояний или установление факта наличия либо отсутствия заболеваний, осуществляемых посредством сбора и анализа жалоб пациента, данных его анамнеза и осмотра, проведения лабораторных, инструментальных, патолого-анатомических и иных исследований в целях определения диагноза, выбора мероприятий по лечению пациента и (или) контроля за осуществлением этих мероприятий» (п. 7 ч. 1 ст. 2 Закона «Об основах охраны здоровья граждан»).

Соответственно, определение наличия заболевания (диагноза) осуществляется только медицинским работником (врачом или фельдшером) на основании комплекса жалоб, анамнеза, данных физикального осмотра, а также результатов лабораторных и инструментальных методов обследования. Этот комплексный процесс являет собой диагностику, которая начинается с детального сбора информации о жалобах: врач выслушивает пациента, задает уточняющие вопросы и обращает внимание на ключевые детали, важные для понимания состояния здоровья. Далее проводится сбор анамнеза, который охватывает историю болезни, предшествующие заболевания, хронические состояния, семейную историю и факторы риска, что позволяет врачу получить целостное представление о здоровье пациента и выявить возможные

связи между текущими симптомами и предшествующими состояниями. Физикальное обследование также является важным этапом диагностики: врач проводит объективный осмотр, пальпацию (ощупывание) и аускультацию (выслушивание) различных областей тела для оценки общего состояния пациента и выявления видимых симптомов, что помогает определить круг дополнительных исследований. Для уточнения диагноза часто требуются лабораторные (включая анализы крови и мочи, кала, слюны и других биологических сред) и инструментальные исследования, такие как рентгенография, ультразвуковое исследование, компьютерная томография и магнитно-резонансная томография, визуализирующие внутренние органы и ткани. После завершения обследования на основании всего комплекса полученных данных врач формулирует диагноз с использованием точных терминов, отражающих основное заболевание, сопутствующие состояния и возможные осложнения.

Следовательно, если с помощью медицинской диагностики (способов, приемов и средств) определено наличие заболевания и его разновидность, только тогда для юриста могут появиться основания для компенсации морального вреда, вызванного заболеванием. Здесь в данном случае не представляется возможным применение юридических презумпций, о которых шла речь при методике определения боли, поскольку неправильно в юридическом смысле заявлять, что человек, скорее всего, имеет заболевание. Размер компенсации морального вреда в рассматриваемом случае будет зависеть от тяжести заболевания или состояния — критерия, определяющего степень поражения органов и (или) систем организма человека либо нарушения их функций, обусловленных заболеванием или состоянием либо их осложнением (п. 20 ч. 1 ст. 2 Закона «Об основах охраны здоровья граждан»).

Представляется, что здесь возможны следующие подходы.

1. Если заболевание сопряжено с «испытыванием» физической боли, то основанием для компенсации морального вреда будет именно страдание, вызванное физической болью гражданина (об этом говорилось ранее).

2. Если при наличии установленного заболевания (например, при снижении остроты зрения или слуха, нарушении координации движений, речи, памяти, затруднении при приеме пищи или отпадении естественных надобностей) гражданин не испытывает физическую боль, а испытывает лишь дискомфорт, можно предположить, что у гражданина появляются не физические, а нравственные страдания, связанные с невозможностью вести активную социальную жизнь. А это само по себе является самостоятельным основанием для предъявления

требования о компенсации морального вреда (п. 14 Постановления Пленума № 33).

При этом при рассмотрении заболевания как разновидности физических страданий представляет интерес следующая норма п. 14 Постановления Пленума № 33: «Отсутствие заболевания или иного повреждения здоровья, находящегося в причинно-следственной связи с физическими страданиями потерпевшего, само по себе не является основанием для отказа в иске о компенсации морального вреда». Кажется достаточно очевидным, что в данном случае правоприменитель должен исходить из того, что если физические страдания, проявляющиеся в виде боли, не привели к какому-либо заболеванию, то моральный вред подлежит компенсации. В связи с этим видится неоднозначным подобный подход, применяемый в Постановлении Пленума № 33, а именно раскрытие понятия «физические страдания» через появление заболевания, при одновременном нивелировании данного толкования указанием на то, что отсутствие заболевания не является основанием для отказа в иске о компенсации морального вреда.

III. Можно также рассмотреть еще одну ситуацию, когда то или иное понятие, используемое в разных областях знания (и в медицине, и в юриспруденции), легально включается в научный оборот, в сферу правового регулирования при отсутствии юридически достоверного знания о нем. Так, в качестве еще одной разновидности физических страданий, помимо физической боли и заболевания, Верховный Суд РФ отмечает **неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы** (п. 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33). В связи с этим возникает вопрос: какими методами, способами и средствами (используемыми в медицине или юриспруденции) возможно определение наличия и степени «неблагоприятных ощущений» и «болезненных симптомов»?

Понятия «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы» представляются весьма размытыми и неоднозначными для юриспруденции. Но для медицинской сферы знания о них являются достаточно определенными. Видимо, речь идет о неблагоприятных ощущениях и болезненных симптомах не в сфере эмоциональной стабильности человека, а в его физиологии. При этом если неблагоприятные ощущения не являются болезненными, не выражаются в виде боли, тогда у юриста-правоприменителя возникает вопрос, в чем они могут проявляться.

1. Ответы на поставленный вопрос юристы могут получить от дисциплин в медицинской сфере, где существует анализ огромного спектра ощущений и симптомов (помимо боли), которые могут существенно повлиять на качество жизни человека. Например, медицинский ра-

ботник может сделать вывод о наличии интенсивного кожного зуда, жжения, мокнущих ран, неприятного запаха, которые доставляют дискомфорт, сопоставимый с болевыми ощущениями. Думается, что только знания из смежной дисциплины в сфере медицины (а не юриспруденции) дают возможность определить наличие у гражданина затруднения при глотании, дыхании, отравлении естественных надобностей, которые могут быть физическими проявлениями заболевания или травмы, мешающими нормальной жизни, то есть могут рассматриваться как «неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы».

Кроме того, знания из сферы медицины дают возможность квалифицировать необходимость использования дренажей и катетеров, которые могут быть установлены как через естественные отверстия, так и через разрез кожи в вены, артерии, пищевод и желудок, мочевой пузырь или даже позвоночник, которые могут вызывать у пациента дискомфорт из-за ощущения посторонних предметов в теле. Также гражданин может столкнуться с необходимостью постоянно следить за состоянием такого устройства, обеспечивать дополнительный уход и гигиену, что добавляет психологическое напряжение. Но необходимость их применения определяет только медицинский работник.

Представляется, что неблагоприятные ощущения и болезненные симптомы в виде тревоги, беспокойства и даже страха могут быть определены по методикам, используемым в медицинской сфере. Так, именно врач может определить наличие патологического повышения в крови стрессовых гормонов или других маркеров патологических процессов, при которых человек может ощущать сердцебиение, тяжесть в грудной клетке, приливы жара, потливость. Именно врач может определить многие состояния, сопровождающиеся изменением работы сердечно-сосудистой системы; будь то резкое повышение или снижение артериального давления, нарушения ритма сердца будут вызывать те или иные «неприятные ощущения». При этом следует иметь в виду, что, хотя тошнота, слабость, головокружение, нарушение сна и многие другие субъективно неблагоприятные ощущения не всегда легко поддаются внешней количественной оценке, они являются неотъемлемой частью физического состояния пациента.

Следовательно, при рассмотрении споров, возникающих по поводу «неблагоприятных ощущений» и «болезненных симптомов» юристам следует использовать способы, приемы, средства, терминологию и понимание сути рассматриваемых явлений, используемых в медицинских дисциплинах.

2. Однако можно предположить, что формулировки «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы» не раскрывают суть физических страданий, детализируя их, а только размывают юридическое

понимание правовой природы анализируемого явления, поскольку возникает вопрос о возможности установления факта «испытывания» человеком неблагоприятных ощущений и болезненных симптомов без использования медицинских способов, приемов и средств.

Думается, что иногда нет необходимости в медицинской констатации медицинскими работниками некоторых «неблагоприятных ощущений» и «болезненных симптомов», а видится целесообразным применение юридической презумпции, что человек такие ощущения и симптомы испытывает. Речь идет о ситуации, в которой среднестатистический человек обычно претерпевает неблагоприятные ощущения в той или иной степени.

Несмотря на то что в медицинской практике существует обыкновение, по которому понимается, что любые манипуляции и вмешательства так или иначе доставляют неблагоприятные ощущения, эмоциональное, психологическое восприятие различных событий может сильно разниться в зависимости от личности конкретного пациента, его пола, возраста, предшествующего опыта, темперамента и т.д. Так, например, обычный гинекологический осмотр или взятие мазка из уретры представляется неприятной процедурой, однако не требующей обезболивания или выключения сознания; осмотр желудка или кишечника при помощи фиброоптического устройства, вводимого через естественные отверстия, хоть и не нарушает целостность организма и не причиняет травмы, однако также очевидно неприятен и части пациентам проводится в медикаментозном сне; абсолютно безболезненные диагностические процедуры, требующие фиксации в определенном положении, например МРТ (магнитно-резонансная томография), маленьким детям всегда выполняются под наркозом.

Следовательно, понятия «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы» используются не только в медицине, но и в юриспруденции при отсутствии юридически достоверного знания о них. Для решения споров по поводу компенсации морального вреда в связи с «неблагоприятными ощущениями» или «болезненными симптомами» представляется целесообразным применение как медицинских методов их определения, так и юридических презумпций.

IV. В качестве одной из разновидностей физических страданий, помимо физической боли, заболевания, болезненных симптомов и неблагоприятных ощущений, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 33 отмечает **«ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья»**. Слово сочетание «ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья» может быть использовано и в медицине, и в юриспруденции. Оно включено в научный оборот, в сферу правового регулирования. «Ограничение возможности

передвижения вследствие повреждения здоровья» в данном случае не ставится Верховным Судом РФ в зависимость от наличия инвалидности (которая определяется на основании выдаваемого медицинской организацией документа); не указывается также и степень ограничения этой возможности передвигаться.

В связи с этим возникают следующие вопросы, связанные с компенсацией морального вреда: 1) какими методами, способами и средствами (юридическими или медицинскими) возможно определение факта ограничения возможности передвижения; 2) какое ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья является физическим страданием и рассматривается как основание для компенсации морального вреда.

С одной стороны, правовые последствия и юридические ответы на поставленные вопросы напрямую зависят от знаний, используемых в дисциплинах в медицинской сфере. Так, например, с медицинской точки зрения переломы костей, требующие длительной фиксации и/или постельного режима, ожоги, заболевания нервной системы, наличие имплантированных медицинских устройств и дренажей могут ограничивать пациента в выборе позы, ограничивать или полностью исключать движение. Из дисциплин в медицинской сфере также следует, что при ограничении возможности передвижения, отсутствии нормальной двигательной активности появляется постоянное давление на одни и те же участки тела, что может препятствовать нормальному кровотоку. Это, в свою очередь, может привести к сдавливанию сосудов, нарушению питания тканей, последствием чего могут стать распирание, отечность, онемение. Именно врачи могут сделать вывод о том, что в дальнейшем нарушение питания тканей может вызывать образование язв и пролежней; что даже при должном уходе снижение мышечной активности ведет к атрофии (уменьшению объема) мышечной ткани; что слабость мышц и тугоподвижность суставов, в свою очередь, затрудняет реабилитацию и восстановление после травм или операций. Следовательно, применение знаний из медицинской сферы дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии ограничения возможности передвижения человека, о том, что его автономность может быть источником физических страданий. И впоследствии данный вывод может быть использован в юридической сфере для предъявления требования о компенсации морального вреда.

Кроме того, именно врачи могут определить тот факт, что ограничение возможности передвижения человека может повлечь и нравственные страдания, поскольку может появиться необходимость посещения медицинского учреждения для регулярного проведения медицинских манипуляций (перевязки, капельницы, лабораторные анализы и др.).

Например, такая ситуация может возникнуть при хроническом диализе — процедуре, которая используется для фильтрации крови у пациентов с хронической почечной недостаточностью при заболеваниях и состояниях, когда почки не способны самостоятельно очищать кровь от токсинов и выводить лишнюю жидкость из организма. Пациенты подвергаются диализу по расписанию несколько раз в неделю в течение нескольких часов. Такие регулярные посещения диализного центра могут существенно ограничить возможности передвижения пациентов, планирование ими поездок и удаленных мероприятий. Следовательно, знания из дисциплин в сфере медицины дают основания для юриста-правоприменителя сделать вывод о наличии ограничения возможности передвижения человека и его автономности, что может быть источником не только физических, но и нравственных страданий. При этом «испытывание» человеком нравственных страданий вне зависимости от их причин является самостоятельным основанием для предъявления требования о компенсации морального вреда.

С другой стороны, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья может рассматриваться и просто как причина для появления нравственных страданий, которые являются самостоятельным основанием для предъявления требований о компенсации морального вреда. Здесь тоже уместно говорить о презумпции того, что любой среднестатистический человек испытывает нравственные страдания при ограничении возможности передвижения вследствие повреждения здоровья.

Следовательно, анализ «ограничения возможности передвижения вследствие повреждения здоровья» с точки зрения медицинских способов, приемов и средств исследования дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья может быть следствием физических страданий, если человек, например, испытывает боль. Во-вторых, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья может быть причиной нравственных страданий, если человек, например, не имеет возможности продолжать активную общественную жизнь. Определение наличия или отсутствия ограничения возможности передвижения вследствие повреждения здоровья возможно и с помощью методов, используемых в медицинской сфере (когда человек испытывает физическую боль), и на основе презумпций (когда человек испытывает нравственные страдания).

V. Терминологическая конструкция «нравственные страдания» является еще одним ярким проявлением необходимости применения междисциплинарного метода познания. Понятие «нравственные страдания» больше используется в юриспруденции, где оно легально

включено в научный оборот. Однако определение содержания этой терминологической конструкции имеет место при отсутствии юридически достоверного знания и понимания о сущности такого рода страданий, поскольку речь идет прежде всего об эмоциях человека. Представляется, что исходный алгоритм права должен позволять использование профессиональной лексики, которая сформулирована не только в ее юридических, но и в медицинских терминах.

Один из самых частых вопросов, возникающих при предъявлении требований о компенсации морального вреда в виде нравственных страданий, — это вопрос о том, какими способами и методами (в медицинской или юридической сфере) возможно определение «испытывания» гражданином нравственных страданий. Анализ судебной практики дает основание утверждать, что в подавляющем большинстве исков с требованиями о компенсации нравственных страданий размер суммы, как правило, ничем не подтверждается.

При этом представляет интерес анализ того, что Верховный Суд РФ понимает под нравственными страданиями. Так, под нравственными страданиями понимаются «страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (**чувства** страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, **переживания** в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и **другие негативные эмоции**)» (п. 14 Постановления Пленума № 33).

Такого рода разъяснения при их лингвистическом анализе с буквальной точки зрения дают основания делить нравственные страдания на два вида: чувства и переживания, вместе которые представляют собой лишь разновидности негативных эмоций вообще. Это значит, что первоначальный вопрос необходимо детализировать следующим образом: какими методами, способами и средствами (юридическими или медицинскими) возможно установление факта «испытывания» человеком любых негативных эмоций.

С медицинской точки зрения для оценки негативных чувств и переживаний в психологии и психиатрии существует множество шкал и опросников. Эти инструменты позволяют специалистам не только диагностировать состояние пациента, но и отслеживать динамику его эмоционального состояния в процессе лечения. Одной из наиболее известных шкал является шкала депрессии Бека (BDI), разработанная

Аароном Беком. Она включает 21 пункт, каждый из которых отражает различные аспекты депрессивного состояния, такие как настроение, самооценка и физические проявления. Другим важным инструментом также является шкала тревоги Гамильтона (HAM-A), которая состоит из 14 пунктов и охватывает как соматические, так и психологические проявления тревоги. Для более глубокого анализа негативных эмоций применяется опросник негативных эмоций (Negative Affect Schedule, PANAS), который состоит из двух частей: первая измеряет уровень негативных эмоций, таких как гнев, страх и вина, а вторая — позитивные эмоции. Шкала стресса (Perceived Stress Scale, PSS) также широко используется для оценки уровня стресса у пациентов, помогая определить, насколько человек воспринимает свою жизнь как напряженную и перегруженную, что может быть связано с различными психическими расстройствами. Кроме того, существует шкала самооценки травматического стресса (PTSD Checklist), которая позволяет выявить симптомы, связанные с перенесенным травматическим опытом, такие как высокая настороженность и избегание ситуаций, напоминающих о травме. Таким образом, использование различных шкал и опросников в психологии и психиатрии способствует более глубокому пониманию негативных чувств и переживаний пациентов. Эти инструменты не только могут подтвердить или опровергнуть наличие негативных переживаний, но и уточнить их характеристику.

Если же попробовать рассмотреть юридические способы, средства и приемы определения негативных эмоций, то необходимо отметить, что анализ судебной практики позволяет выделить следующие тенденции. Прежде всего, требования о компенсации морального вреда в виде нравственных страданий судами в большинстве случаев удовлетворяются. Однако зачастую «испытывание» нравственных страданий не подлежит доказыванию, поскольку перенесенные истцом страдания подтверждаются его объяснениями либо показаниями свидетелей (родственников, друзей и т.д.). Представляется, что, исходя из отсутствия каких-либо внешних признаков нравственных страданий человека, для вывода о наличии (отсутствии) таковых, их степени и размера компенсации одних свидетельских показаний недостаточно. Свидетельские показания могут быть необъективными и предвзятыми, могут быть вызваны желанием «отомстить» обидчику. Не секрет, что зачастую размер денежной компенсации в исковых требованиях является чрезмерно завышенным, а это, в свою очередь, является важным при ходатайстве истца об обеспечении иска наложением ареста на имущество ответчика. Кроме того, истцы считают возможным заявлять требования о компенсации нравственных страданий по любому, в том числе самому малому и (или) незначительному, поводу.

В связи с изложенным можно сделать вывод, что установление факта «испытывания» человеком любых негативных эмоций возможно с использованием медицинских методов, способов и средств, если речь идет о возникновении сильной психотравмирующей ситуации, о возникновении психических заболеваний. При этом при использовании медицинских приемов определения нравственных страданий представляется целесообразным оформление заключения врача-психиатра. Процессуальное оформление в данном случае может быть следующим: 1) письменным доказательством, если, например, истец самостоятельно обращается за консультацией; 2) объяснением третьих лиц или свидетельскими показаниями, если, например, психиатр вызывается в судебное заседание по инициативе истца или ответчика; 3) экспертным заключением, если, например, врач-психиатр привлекается судом для дачи заключения о степени нравственных страданий истца.

Однако при этом установление факта «испытывания» человеком негативных эмоций возможно также и без использования медицинских методик — с использованием юридической презумпции, что человек испытывает негативные эмоции, если речь идет о «легком случае испытывания» негативных эмоций.

Заключение

Обычно объекты личных неимущественных отношений, особенно связанные со здоровьем, познаются в рамках узкодогматического подхода, поскольку для юристов объекты изучения (например, в виде здоровья, жизни) представлены в форме юридических конструкций. А юридические конструкции, в свою очередь, отражают волю законодателя и закрепляются в норме, в тексте закона. Изучение текста закона правоприменителями в целях выяснения содержания нормы права, понимание основных начал (принципов) законодательства происходит в науке гражданского права. Думается, что это существенно ограничивает возможности междисциплинарного подхода в гражданско-правовых исследованиях, поскольку здесь представляется вполне приемлемой эмоционально-психологическая аргументация, используемая в медицинской сфере.

На основе междисциплинарного анализа общественных отношений, возникающих по поводу нематериальных благ, можно сделать вывод о том, что наиболее ярким проявлением сложностей взаимной интеграции между юриспруденцией и медициной как смежными дисциплинами в сфере личных неимущественных отношений являются терминологические конструкции и методы определения сущности некоторых понятий. Сложность взаимной интеграции проявляет-

ся в использовании тех или иных понятий из области медицины в юриспруденции, которые включаются не только в научный оборот, но и в сферу правового регулирования при отсутствии юридически достоверных знаний о них. Более того, иногда не представляется возможным получить юридически достоверное знание о сущности нематериального блага. При этом исходный алгоритм науки гражданского права позволяет решение поставленных в ее исследованиях проблем осуществлять с использованием профессиональной лексики, которая сформулирована не только в ее собственных терминах, но и в медицинских терминах.

В условиях современной дисциплинарной изолированности смежных наук, разнообразия подходов и методов их исследований представляется целесообразным для юриста не только изучение значения и смысловой нагрузки используемых в юриспруденции медицинских терминов, но и осуществление отбора теорий и фактов в целях формулирования аргументов и обоснования своей юридической позиции. Здесь очень важной видится способность юриста-исследователя преобразовать медицинские аргументы (например, о внешних проявлениях и внутренних ощущениях боли или негативных эмоциях) в аргументы юридические. Для юриста целью в таком случае будет выступать перевод знания, созданного в рамках дисциплинарного языка в сфере медицины, в дисциплинарную плоскость юриспруденции.

Вовлечение в юридическое пространство понятийного аппарата из медицинской науки является не только допустимым, но и необходимым. Целесообразным видится вынужденное механическое терминологическое заимствование понятий из сферы медицины в правовое поле. Междисциплинарность при изучении личных неимущественных отношений вообще и при изучении связанных со здоровьем нематериальных благ в частности должна быть некой «предустановкой», поскольку позволяет познать сущность объекта изучения, раскрыть его признаки и характеристику, сформировать эффективную охрану и защиту личных неимущественных прав. Итогом междисциплинарного подхода при изучении личных неимущественных отношений путем сопоставления методов исследования, применяемых в медицине и юриспруденции, является некий синтез знаний, результаты которого могут быть использованы в юридической сфере с учетом ее собственных академических устоев.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение междисциплинарного подхода в гражданском праве как инструмента исследования личных неимущественных отношений является достаточно эффективным, поскольку междисциплинарный подход может быть использован для понимания правовой природы связанных со здоро-

вьем гражданина нематериальных благ, а также для формирования эффективной правовой охраны и защиты личных неимущественных прав, для формирования единообразия судебной практики в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. *Агарков М.М.* Право на имя // Сборник статей по гражданскому и торговому праву, посвященных памяти Г.Ф. Шершеневича. М., 2002. 620 с.
2. *Веденеев Ю.А.* Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // *Lex russica* (Русский закон). 2017. № 6 (127). С. 9–31.
3. *Волчков В.А., Мосин И.В., Титова и др.* Подходы к устранению послеоперационной боли // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 2007. № 166 (3). С. 99–104.
4. *Жестовская Д.А.* «Проверим мир теорией...!»: проблемы методологии экономического анализа права // Петербургский юрист. 2017. № 1. С. 105–114.
5. Жизнь и здоровье под охраной закона / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 1990. 174 с.
6. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву // Из истории цивилистической мысли. М.: Статут, 2003. 780 с.
7. *Касавин И.Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.
8. *Комиссарова Е.Г.* Методология междисциплинарности в семейно-правовых исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. Ежегодник. Вып. 5. М.: Статут, 2023. С. 164–191.
9. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран / под ред. Е.А. Флейшиц. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1941. 207 с.
10. *Малеин Н.С.* Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юридическая литература, 1981. 215 с.
11. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 244 с.
12. *Малеина М.Н.* О предмете гражданского права // Государство и право. 2001. № 1. С. 26–29.
13. *Порус Н.В.* Междисциплинарность как тема философии науки // Эпистемология & Философия науки. 2013. Т. XXXVIII. № 4. С. 5–13.
14. Право и экономика (методология): учебник для магистрантов / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, 2021. 256 с.
15. *Савва Н.Н.* Алгоритмы оценки и лечения боли у детей. М., 2015. 92 с.

16. Сараев А.В., Линдберг М.Ф., Гэй К. и др. Факторы, влияющие на интенсивность болевого синдрома в раннем послеоперационном периоде после тотальной артропластики коленного сустава // Травматология и ортопедия России. 2017. № 23 (1). С. 45–58.

17. Серова О.А. Междисциплинарные исследования: проблемы методологии // Методологические проблемы цивилистических исследований. Ежегодник. 2020. № 2. С. 267–280.

18. Тухватулина Л.А. Междисциплинарность и экспертное знание в социальных науках: случай права и экономики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 6. С. 95–103.

19. Харченко Ю.А. Адекватная оценка боли – залог ее успешного лечения // Universum: Медицина и фармакология: электрон. науч. журн. 2014. Т. 4. № 5. URL: <https://7universum.com/ru/med/archive/item/1229>.

20. Benson Th.C. Five Arguments Against Interdisciplinary Studies // Issues in Integrative Studies. 1982. Issue 1. Pp. 38–48.

21. Gerbershagen H.J. et al. Pain intensity on the first day after surgery: a prospective cohort study comparing 179 surgical procedures // Anesthesiology. 2013. Vol. 118. Issue 4. Pp. 934–944. DOI:10.1097/ALN.0b013e31828866b3.

References

1. Agarkov M.M. *Pravo na imya* [The Right to a Name]. *Cbornik statej po grazhdanskomu i trgovomu pravu, posvyashchennyh pamyati G.F. Shershenovicha* – Collection of Articles on Civil and Commercial Law Dedicated to the Memory of G.F. Shershenovich. Moscow, 2002. 620 p. (In Russ.)

2. Vedeneev Yu.A. *Yuridicheskaya nauka v sisteme mezhdisciplinarnyh svyazey* [Legal Science in the System of Interdisciplinary Relations]. Lex Russica. 2017. Issue 6 (127). Pp. 9–31. (In Russ.)

3. Volchkov V.A., Mosin I.V., Titova et al. *Podhody k ustraneniyu posleoperacionnoj boli* [Approaches to the Elimination of Postoperative Pain]. *Vestnik hirurgii imeni I.I. Grekova* – Bulletin of Surgery Named after I. I. Grekov, 2007. Issue 166 (3). Pp. 99–104. (In Russ.)

4. Gestivovskaya D.A. «Proverim mir teoriej!...»: *problemy metodologii ekonomicheskogo analiza prava* [«Let's Test the World with Theory!...»: Problems of Methodology of Economic Analysis of Law]. *Peterburgskij Yurist* – St. Petersburg Lawyer. 2017. Issue 1. Pp. 105–114. (In Russ.)

5. *Zhizn' i zdorov'e pod ohranoi zakona / pod red. K.B. Yaroshenko* [Life and Health under the Protection of the Law / ed. K.B. Yaroshenko]. Moscow, 1990. 174 p. (In Russ.)

6. Ioffe O.S. *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on civil law]. *Iz istorii civilisticheskoi mysli* – From the History of Civilistic Thought. Moscow, 2003. 780 p. (In Russ.)

7. Kasavin I.T. *Mezhdisciplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii* [Interdisciplinary Research: Towards the Concept and Typology]. *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2010. Issue 4. Pp. 61–73. (In Russ.)

8. Komissarova E.G. *Metodologiya mezhdisciplinarnosti v semejno-pravovykh issledovaniyakh* [Methodology of Interdisciplinarity in Family Law Research]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy. Ezhegodnik* – Methodological Problems of Civil Studies. The Yearbook. Moscow, 2023. Issue 5. Pp. 164–191. (In Russ.)

9. *Lichnye prava v grazhdanskom prave Soyuza SSR i kapitalisticheskikh stran / pod red. E.A. Fleishchic* [Personal Rights in the Civil Law of the USSR and Capitalist Countries / ed. by E.A. Fleischits]. Moscow, 1941. 207 p. (In Russ.)

10. Malein N.S. *Grazhdanskii zakon i prava lichnosti v SSSR* [Civil Law and Personal Rights in the USSR]. Moscow, 1981. 215 p. (In Russ.)

11. Maleina M.N. *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal Non-property Rights of Citizens: Concept, Implementation, Protection]. Moscow, 2000. 244 p. (In Russ.)

12. Maleina M.N. *O predmete grazhdanskogo prava* [On the Subject of Civil Law]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2001. Issue 1. Pp. 26–29. (In Russ.)

13. Porus N.V. *Mezhdisciplinarnost' kak tema filosofii nauki* [Interdisciplinarity as a Topic of Philosophy of Science]. *Epistemologiya & Filosofiya nauki* – Epistemology & Philosophy of Science. 2013. Vol. XXXVIII. Issue 4. Pp. 5–13. (In Russ.)

14. *Pravo i ekonomika (metodologiya): uchebnik dlya magistrantov* [Law and Economics (methodology): Textbook for Undergraduates / edited by G.A. Gadzhiev]. Moscow, 2021. 256 p. (In Russ.)

15. Savva N.N. *Algoritmy ocenki i lecheniya boli u detej* [Algorithms for the Assessment and Treatment of Pain in Children]. Moscow, 2015. Available at: https://www.rcpcf.ru/wpcontent/uploads/2014/08/Brochure_Pain_algorhitms_2015_for_site.pdf. (In Russ.)

16. Saraev A.V., Lindberg M.F., Gay K. et al. *Faktory, vliyayushchie na intensivnost' bolevogo sindroma v rannem posleoperacionnom periode posle total'noj artroplastiki kolennogo sustava. Travmatologiya i ortopediya Rossii* [Factors Influencing the Intensity of Pain Syndrome in the Early Postoperative Period after Total Knee Arthroplasty. Traumatology and Orthopedics of Russia]. *Travmatologiya i ortopediya Rossii* – Traumatology and Orthopedics of Russia. 2017. Issue 23 (1). Pp. 45–58. (In Russ.)

17. Serova O.A. *Mezhdisciplinarnye issledovaniya: problemy metodologii* [Interdisciplinary Research: Problems of Methodology]. *Metodologicheskie*

problemy civilisticheskikh issledovanij. Ezhegodnik – Methodological Problems of Civil Studies. The yearbook. 2020. Issue 2. Pp. 267–280. (In Russ.)

18. *Tukhvatulina L.A. Mezhdisciplinarnost' i ekspertnoe znanie v social'nykh naukah: sluchaj prava i ekonomiki* [Interdisciplinarity and Expert Knowledge in the Social Sciences: The Case of Law and Economics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. Issue 6. Pp. 95–103. (In Russ.)

19. *Kharchenko Yu.A. Adekvatnaya ocenka boli – zalog ee uspehnogo lecheniya* [Adequate Assessment of Pain is the Key to Its Successful Treatment]. *Universum: Medicina i farmakologiya: elektron. nauch. zhurn.* – Universum: Medicine and Pharmacology: Electron. Scientific Journal 2014. Vol. 4. Issue 5. Available at: <https://7universum.com/ru/med/archive/item/1229>. (In Russ.)

20. *Benson Th.C.* Five Arguments Against Interdisciplinary Studies // Issues in Integrative Studies. 1982. Issue 1. Pp. 38–48. (In Eng.)

21. *Gerbershagen H.J. et al.* Pain intensity on the First Day after Surgery: a Prospective Cohort Study Comparing 179 Surgical Procedures // Anesthesiology. 2013. Vol. 118. Issue 4. Pp. 934–944. DOI:10.1097/ALN.0b013e31828866b3. (In Eng.)

Информация об авторах:

Е.М. Подрабинок

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры интеллектуальных и личных прав
Уральский филиал Исследовательского центра частного права
имени С.С. Алексеева при Президенте РФ,
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, 9а.
ORCID: 0009-0001-1803-2970.

А.А. Винокурова

Кандидат медицинский наук,
врач – анестезиолог-реаниматолог
АО «Медицина»,
125047, Россия, г. Москва, 2-й Тверской-Ямской переулок, 10.
Ассистент кафедры анестезиологии и реаниматологии
с курсом медицинской реабилитации
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
ORCID: 0000-0003-4621-8577.

Information about the authors:**E.M. Podrabinok**

Ural Branch of the S.S. Alekseev Research Center for Private Law
under the President of the Russian Federation,
9a Weiner str., Yekaterinburg, 620014, Russia.
ORCID: 0009-0001-1803-2970.

A.A. Vinokurova

JSC «Medicine»,
10 2nd Tverskaya-Yamskoy lane, Moscow, 125047, Russia.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.
ORCID: 0000-0003-4621-8577.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2025 • Выпуск 7

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CIVIL LAW RESEARCHES

2025 • Volume 7

YEARLY PERIODICAL SCIENTIFIC JOURNAL

Выпускающий редактор: *Я.В. Бродневская*

Дизайн и верстка: *А.С. Резниченко*

Подписано в печать 26.04.2025. Дата выхода в свет 05.05.2025.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. печ. л. 14,5. Тираж 150 экз.

Распространяется по свободной цене